Ал. Щепкина.

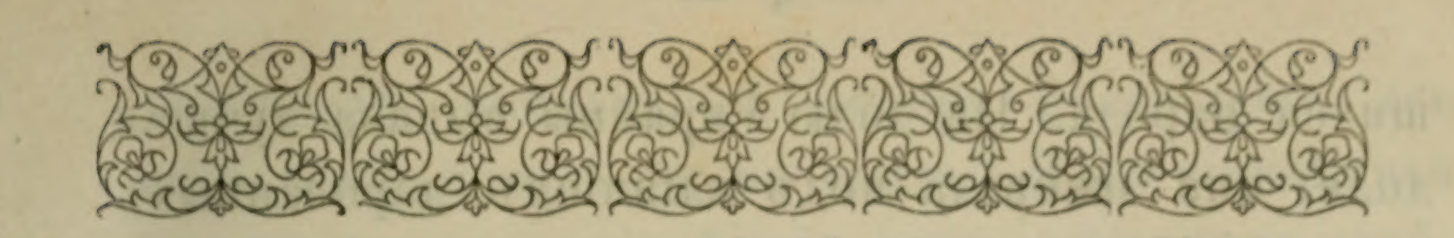
НА ЗАРѢ.

Очеркъ изъ быта временъ Елизаветы.

Складъ изданія Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.
кн. складъ Д. П. Ефимова.

НА ЗАРѢ.

Глава I.

Заря только что занималась надъ обширными полями Украйны; ея розовыя полосы протягивались на востокѣ, а кругомъ, какъ горы, толпились одна надъ другою густыя тучи, которыя подымались и разстилались по небу. По лугу, между кустами лозняка, пробирались два пѣшехода, торопясь поспѣть къ берегу широкаго Днѣпра. Это происходило давно, въ первые годы воцаренія Елисаветы Петровны, когда едва занималась заря нашего времени. Всѣ радовались воцаренію дочери Петра I, особенно радовались стоявшіе къ ней ближе. Населеніе далекихъ окраинъ, и низшіе слои народа, недовѣрчиво смотрѣли на возможность облегченія ихъ участи послѣ всѣхъ суровыхъ испытаній. Никто не могъ сказать навѣрно—что ждало ихъ впереди, и каждый думалъ только, какъ бы обезопасить себя, да спрятаться отъ новыхъ распоряженій, касав-

шихся народа. На долю Украйны выпала лучшая доля; она оживала подъ вліяніемъ дарованныхъ привилегій и милостей. Два путника спѣшили къ Днѣпру, чтобъ попасть на паромъ, готовый отчаливать отъ берега заставленнаго обозами телѣгъ и застроеннаго куренями. Народъ толпился у перевоза. Оба молодые и здоровые путники шли болѣе часа усиленнымъ шагомъ, отъ Кіева къ этой мѣстности, не чувствуя усталости. Но паромъ двинулся и отплылъ, когда они спустились къ берегу.

— Гей! Подожди.. кричалъ одинъ изъ пришедшихъ, махая паромщику пестрымъ клѣчатымъ платкомъ.

— Эге! откликнулся паромщикъ продолжая отталкиваться отъ берега.

— Подожди насъ! Мы на паромъ... кричали снова съ берега.

— Та слышу, слышу! спокойно говорилъ паромщикъ: – чего-жъ вы прежде не говорили? Теперь вже поплыли. Догоняйте на лодкѣ!

Прохожіе бросились къ лодочнику:

— Свези насъ поскорѣй до парома, человѣкъ! просили они.

— Поѣзжайте, берите лодку. Вѣдь на водѣ тихо, вы справитесь... отвѣчалъ лодочникъ, лежа на берегу.

— А куда лодку дѣвать потомъ?

— Привяжите къ парому, а то пустите на во-

лю; послѣ поймаю. А теперь спать хочу, все утро рыбу ловилъ, и не спалъ! И не спрашивая могутъ ли прохожіе ѣхать одни, лодочникъ глубже надвинулъ на глаза свою шапку съ мѣховымъ околышкомъ, которую носилъ зимой и лѣтомъ, и кутаясь въ широкую свиту совсѣмъ съ головою, снова легъ на зеленомъ поросшемъ травой берегу. Въ двухъ шагахъ отъ него, подлѣ куреня сложеннаго изъ хворосту, и покрытаго сѣномъ, сидѣлъ подлѣ котла висѣвшаго надъ огнемъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Бѣлая рубашка и шаровары были измазаны дегтемъ, голыя ноги лежали на сырой травѣ; онъ подкладывалъ подъ котелокъ сухого хвороста.

— Не подвезешь ли ты къ парому? спросилъ его одинъ изъ прихожихъ, суетившійся больше другого, послушно и тихо слѣдовавшаго за нимъ.

— Ни, коротко отвѣтилъ мальчикъ не взглянувъ на нихъ:—я кашу варю. И нагнувшись къ огню онъ раздувалъ его, весь занятый своимъ дѣломъ. Котелъ начиналъ закипать и мальчикъ заглядывалъ въ него самодовольно, раскраснѣвшись отъ огня и усилій,—и не обращая ни малѣйшаго вниманія на путниковъ; онъ снова сильнѣй и сильнѣй раздувалъ свои щеки, дуя въ огонь. Съ парома послышался смѣхъ смотрѣвшихъ на берегъ женщинъ.

— Чтожъ! И одни поѣдемъ, авось справимся? сказалъ одинъ изъ пришедшихъ, пока другой

раздумывалъ, ища кого нибудь по сторонамъ, и смущенный глядѣлъ на смѣявшихся на паромѣ.

— Идемъ-же, понукалъ его спутникъ.

Они сошли въ лодку, помѣстили на кормѣ дорожные кожанные мѣшки, висѣвшіе у нихъ за плечами; усѣлись, и одинъ изъ нихъ ловко отчалилъ и сильно началъ грести къ парому. Но волна относила легкій, дрянной челнокъ въ сторону, и все сильнѣе, чѣмъ далѣе выбиралась лодка на просторъ; на паромѣ опять смѣялись.

— И чего смѣются! говорилъ паромщикъ:—и такъ человѣкъ изъ силъ выбивается, даромъ что такой сильный та ловкій! Видно что на водѣ выросъ!

Всеобщій хохотъ отвѣтилъ на слова чернаго, приземистаго паромщика, всегда смѣявшагося. Но гребецъ въ лодкѣ не смущался.

— Слышь ты? Вотъ я поѣду мимо парома! такъ вотъ ты съ насъ за перевозъ ничего и не получишь?

— А есть и гроши въ мѣшкахъ? спросилъ паромщикъ.

— Полны мѣшки! да еще въ шапкахъ и карманахъ! кричалъ гребецъ съ лодки.

— Такъ причаливай! Я же сейчасъ помогу! заговорилъ паромщикъ и съ притворной торопливостью онъ перебросилъ къ лодкѣ длинный канатъ. Сидѣвшій до сихъ поръ неподвижно, другой пловецъ въ лодкѣ, схватилъ конецъ ка-

ната и крѣпко натянулъ его; лодка пошла къ парому.

— Вотъ молодцы, вотъ такъ паробки. Мы такихъ еще мало и видывали! говорилъ лодочникъ, пока пловцы выходили изъ лодки на паромъ.

— Перестань! Замолчи Никита! въ полголоса говорила ему, сидѣвшая подлѣ паромщика Никиты старуха, потягивая его за полу его свиты: можетъ какіе панычи, наживешь лиха! Вишь бѣлые, чистые, и платокъ на шеѣ повязанъ.

— А мнѣ что панычи! Я самого Гетмана перевозилъ! отвѣчалъ ей громко Никита.

Но подходя ближе онъ снялъ, однако, передъ панычами свою суконную съ чернымъ околышкомъ шапку, и подержалъ ее высоко надъ головою, съ заискивающимъ поклономъ...

— Вотъ спасибо, добрый человѣкъ! отвѣтилъ на поклонъ его, поймавшій его канатъ, брошенный въ лодку.

Никита, успокоенный привѣтомъ надѣлъ шапку.

— Намъ нельзя не спѣшить; сказалъ онъ панычамъ: — какъ позволили возить на Украйну хлѣбъ отъ москалей, и другой товаръ всякій, такъ обозовъ не перечтешь сколько потянулось; только успѣвай перевозить. Иной выпьетъ на радости, такъ за него и воловъ стереги на паромѣ! Теперь, слава Богу, люди повеселѣй стали!

Никита принялся вмѣстѣ съ другими за весла. Прибывшіе присѣли на краю одной изъ телѣгъ,

стоявшихъ на паромѣ, и глядѣли вдоль рѣки, осматривая окрестность. Но мелкій дождь туманилъ воздухъ, синеватымъ туманомъ; онъ занавѣсилъ даль, разстилавшіеся по берегу низменные луга и едва проглядывавшую линію горъ, обросшихъ темнымъ лѣсомъ. Днѣпръ былъ широкъ у перевоза, и паромъ шелъ на веслахъ. Онъ шелъ медленно, будучи порядочно нагруженъ возами съ крупными, впряженными въ нихъ волами, сѣрыми, рыжеватыми, и съ рогами стоящими въ верхъ. Вездѣ виднѣлись бочки дегтю, кожи, кули хлѣба, и узлы пѣшеходовъ. Въ разныхъ углахъ парома сидѣли группами женщины, старыя и молодыя и группы чумаковъ измазанныхъ дегтемъ; посреди этихъ группъ попадались и странники, и богомольцы, и разносчики съ коробками товаровъ, съ еврейскими лицами. На противоположномъ берегу Днѣпра виднѣлись курени, около которыхъ долженъ былъ пристать паромъ. Паромъ шелъ по рѣкѣ около часа; по временамъ дождь пріостанавливался и даль прояснялась. Одинъ изъ знакомыхъ намъ путниковъ принятыхъ на паромъ, расположился завтракать, и предлагалъ своему спутнику бублики и яйца, вынутые изъ дорожнаго мѣшка. Но спутникъ его отказался, говоря, что онъ еще не голоденъ. Вмѣсто закуски онъ вытащилъ изъ своего кожаннаго мѣшка не толстую книжечку и прилежно погрузился въ чтеніе, пока его пріятель также при-

лежно чистилъ яйца освобождая ихъ отъ скорлупы. Между тѣмъ паромъ подходилъ къ берегу. Наши пѣшеходы сошли съ него ранѣе остальныхъ, занятыхъ своими телѣгами и тяжелымъ грузомъ. Они простились съ Никитой, который получивъ съ нихъ плату за провозъ, рѣшился спросить у нихъ: далеко ли они отправлялись, и вернутся ли снова къ парому? Они отвѣтили, что шли изъ Кіева погостить на одномъ хуторѣ у Харитонова, жившаго здѣсь не по далеку.

— Знаю, замѣтилъ Никита,—тамъ еще есть у него двѣ паньи...

Одинъ изъ спутниковъ сознался, что тамъ жили двѣ паньи, падчерицы хозяина, причемъ самъ слегка зарумянился.

— То-то! подтвердилъ Никита;—вы же поклонитесь отъ Никиты и паньямъ и хозяину.

— Я тамъ никого не знаю, замѣтилъ другой спутникъ;—иду въ первый разъ; вотъ ихъ просите, они часто по долгу тамъ гостили...

— Слыхали, слыхали, повторялъ Никита.

Между тѣмъ, пріостановившійся было дождь пошелъ сильнѣе и путники рады были зайти въ курень, чтобы переждать дождь

— Мандруйте! (т. е. бѣгите скорѣй) сказалъ имъ Никита, указывая на курень.

Они вбѣжали въ его шалашъ и помѣстясь на мягкомъ сѣнѣ, смотрѣли какъ всѣ брели съ парома, прикрываясь кто чѣмъ могъ отъ дождя.

Чумаки, будто не замѣчая дождя спокойно брели за повозками, разговаривая о своихъ дѣлахъ. Изъ женщинъ и дѣвушекъ, однѣ залегли, прикрывшись, въ повозки, другія бѣжали по лугу мелкой рысью, приподнимая плахты и выставляя на волю дождя, крѣпкія босыя ноги.

Сидѣвшій въ куренѣ подвижной, смуглый малый, гребшій на лодкѣ, съ завистью смотрѣлъ вслѣдъ расходившимся толпамъ:—и намъ бы идти съ ними, чего тутъ ждать?.. проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ ты братъ погоди! ты отдохнешь, а я почитаю, дождь уймется между тѣмъ, отвѣчалъ другой.

— Вамъ только бы книги! Безъ меня не дошли бы сегодня до хутора, все-бы читали тутъ до вечера. Какія у васъ тамъ книги?

— Одна вотъ „Поученіе Эпифанія“, другая „Камень вѣры“, тебѣ извѣстны.

— Куда намъ такую старину читать, это вамъ вотъ идетъ! Гдѣ вы ихъ откопали? спрашивалъ смуглый собесѣдникъ.

— Мало ли что можно отыскать у насъ въ академіи изъ старины! А если не читать изъ старины, такъ не будешь знать,—что до насъ люди думали!

— Больно ужъ старо, все читано! На память говорятъ изъ нихъ.

— Не тебѣ бы такъ отзываться! По твоимъ словамъ и древнихъ писателей не надо бы изу-

чать, отложить въ сторону: было де уже читано другими. А мы при чемъ бы остались? При одномъ молокѣ матери? такъ недалеко бы ушли, пріятель.

— Вѣдь и поповѣе есть вещи умныя; вотъ нѣтъ ли у васъ,—хоть въ рукописи,—Кантеміра? или Ломоносова чего нибудь? я бы почиталъ.

— Древніе философы не поглупѣли отъ того, что и послѣ нихъ стали писать много умнаго, продолжалъ возражать другой путникъ:—ихъ знаніе и мудрость остались при нихъ, не повыбирали другіе. Отправляясь къ источнику освѣжаешь духъ свой! И ученые отцы первой кіевской коллегіи читали древнихъ писателей, изучали ихъ по латыни, чтобъ поучаться у нихъ, когда стремились распространить знаніе у себя, и дальше на Руси того времени. До насъ были люди, которые могли бы указать намъ путь нашъ.

— Поклоненіе и честь имъ, но я видно не доросъ, чтобы читать эту старину! Вотъ Кантеміра, когда возьму на досугѣ не разстался бы съ нимъ! Вотъ его сатиры наизустъ запоминаются!

— И его можно причислить къ лицамъ духовно развившимся, которымъ дано просвѣщать другихъ. Я же читаю отцовъ церкви, чтобы найти путь свой...

— Однако дождь пересталъ! Укладывайте книги, да покажите мнѣ путь на хуторъ;—благо и

солнце проглянуло намъ на дорогу. Кладите же книги!

— Что съ тобой дѣлать! Надо уступить! сказалъ другой собесѣдникъ, вставая вслѣдъ за смуглымъ товарищемъ, и пускаясь въ путь.

Двухъ путниковъ этихъ ошибочно называли на паромѣ: „панычами“, за ихъ чистое бѣлье и галстуки. Оба они не принадлежали къ сословію панычей, и оба были воспитанники Кіевской Духовной Академіи, переименованной такъ изъ древней „Коллегіи Братства», одной изъ первыхъ кіевскихъ школъ, основанной Кіевскимъ Братствомъ еще въ 1588 году. Оба они были изъ лучшихъ и даровитыхъ учениковъ академіи. Одинаковыя занятія и отличія сдружили ихъ между собою; Стефанъ Барановскій, какъ звали одного изъ нихъ, и Сильвестръ Яницкій, какъ звали другого, если не были задушевными друзьями, то были хорошими пріятелями; воспитанники Кіевской Академіи не были непремѣнно обречены на поступленіе въ монастырь, но тѣмъ не менѣе имъ любили давать имена чѣмъ либо заслуживших извѣстность иноковъ. Сильвестръ былъ изъ небогатой семьи купечества, осиротѣвъ былъ принятъ въ Духовную Кіевскую Академію. Успѣхи и умъ его обратили вниманіе преподавателей, и онъ выросъ, какъ любимое дитя Академіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ старшіе классы Академіи, его блестящія способности бы-

ли извѣстны въ мірѣ духовенства Кіева и другихъ городовъ. Его переводы, съ греческаго и латинскаго языковъ, ходили по рукамъ рукописныя, расходились также и тетради его классныхъ сочиненій. Вообще онъ былъ давно замѣченъ: монахи толковали заранѣе, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ, что онъ пойдетъ очень далеко по принятіи монашескаго сана. Сильвестръ еще ничего самъ не могъ сказать о своемъ будущемъ; пока онъ любилъ только книги и въ нихъ желалъ найти разрѣшеніе своей жизненной задачи. Все бѣлое духовенство ожидало, что изъ него выйдетъ даровитый проповѣдникъ, но Сильвестръ не зналъ еще въ какую сторону пойдетъ онъ, и сверстники и товарищи его академіи, смѣясь говорили о немъ, что Сильвестръ—мудрый стоялъ еще на распутіи, не выбирая дороги. Стефанъ Барановскій стоялъ къ нему ближе другихъ, но и онъ не зналъ ничего о будущемъ Сильвестра. Барановскій былъ человѣкъ не робкій, онъ умѣлъ сблизиться съ Сильвестромъ, но говорилъ ему „вы“ какъ и всѣ другіе, хотя Сильвестръ на оборотъ говорилъ ему: ты братъ Стеня; это зависѣло отъ того, какъ высоко былъ поставленъ Сильвестръ въ общемъ мнѣніи всего окружающаго. Стефана Барановскаго также любили и считали даровитымъ, но особенныхъ подвиговъ отъ него не ждали, замѣчая въ немъ склонности къ мірскимъ развлеченіямъ и странствіямъ на канику-

лы; хотя всѣ любили послушать его разсказа по возвращеніи его изъ странствій на югъ и на сѣверъ. Гдѣ появлялся Барановскій, тамъ собирался кружокъ товарищей, тамъ слышался смѣхъ, и кружокъ нерѣдко расходился по строгому замѣчанію начальства. И Сильвестру Яницкому нравилась веселость Барановскаго; онъ пригласилъ его съ собой на лѣто на хуторъ Харитонова, какъ веселаго собесѣдника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сильвестръ Яницкій заболѣлъ, какъ думали, отъ усиленныхъ занятій науками. Принявшій въ немъ участіе Іеромонахъ Печерской Лавры, похлопоталъ чтобъ его пригласили на лѣтніе мѣсяцы на хуторъ знакомаго ему Харитонова, добраго и зажиточнаго хозяина, давно поселившагося не далеко отъ Кіева. Хозяинъ хутора, и семья его, приняли Яницкаго такъ радушно, столько заботились о немъ, что съ тѣхъ поръ Сильвестръ смотрѣлъ на домъ Харитонова, какъ на родной домъ. Почти каждое лѣто отправлялся онъ на хуторъ по приглашенію хозяина. Его полюбили за его скромный нравъ и глубокую ученость; съ любопытствомъ слушали, когда онъ сообщалъ что нибудь изъ своихъ знаній, или разсказывалъ о жизни въ академіи, или о порядкахъ монастырской жизни при Печерской лаврѣ.

Съ наступленіемъ лѣта на хуторѣ уже ждали его, какъ обычнаго гостя; ему приготовляли его

всегдашнее помѣщеніе въ боковой пристройкѣ простого, просторнаго дома, въ которомъ жила вся семья.

Двѣ дочери хозяина не разъ заглядывали въ это помѣщеніе, чтобъ посмотрѣть не забыто ли что нибудь для полнаго удобства посѣтителя, привычки и вкусъ котораго хорошо знали. Въ назначенной Яницкому комнатѣ былъ поставленъ прежде всего большой образъ Богоматери въ тяжелой золотой ризѣ, съ вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ надъ покрываломъ на головѣ. Въ другомъ углу былъ небольшой кипарисный шкафчикъ для книгъ; около стѣнъ кровать и столъ съ свѣчею на немъ, въ старинномъ массивномъ подсвѣчникѣ. Затѣмъ они знали, что Сильвестру Яницкому ничего больше не было нужно, кромѣ нѣсколькихъ стульевъ; онъ не любилъ лишнихъ украшеній.

Въ двухъ верхнихъ свѣтлицахъ хуторского дома, подъ крышею искусно покрытою камышомъ, помѣщалась швейная Харитоновыхъ: тамъ работало нѣсколько сѣнныхъ дѣвушекъ, на рукахъ и въ пяльцахъ съ ними работали иногда и обѣ хозяйки съ ихъ теткою, Въ послѣдніе дни онѣ чаще приходили туда, чтобы сверху взглянуть на дорогу спускавшуюся съ отлогой горки къ садамъ и огородамъ ихъ хутора. Когда Барановскій и Яницкій вышли изъ шалаша, они скоро были уже на этой горкѣ и показались передъ

глазами хозяекъ, на протянувшейся горной полоскою дорогѣ

— Ольга! вотъ идутъ двое... сказала одна изъ нихъ.

— Зачѣмъ же двое, Анна?.. говорила другая, подходя къ окну свѣтлицы.

— Одинъ, я вижу, Сильвестръ, а ужъ зачѣмъ другой—не знаю! отвѣтила сестра смѣясь.—Пойдемъ скажемъ отцу, что ихъ двое, продолжала она.

Онѣ сошли изъ свѣтлицы и вошли изъ корридора въ столовую, гдѣ хозяинъ хутора, сидѣлъ разбирая большія счетныя книги, по хозяйству хутора.

— Отецъ! Сильвестръ идетъ, онъ ужъ не далеко на дорогѣ, сообщила отцу старшая дочь, первая завидѣвшая гостя.—А съ нимъ еще идетъ какой то широкоплечій, пониже его ростомъ.

— Просите Афимью Тимофѣевну приготовить имъ что нибудь позавтракать, что найдется! У меня стараго солдата, безъ прихотей: что найдется то и есть!

Хозяинъ хутора часто называлъ себя старымъ солдатомъ, онъ всю жизнь провелъ на службѣ въ арміи и гвардіи, служилъ бы дольше, еслибъ не унесло его какой то бурей,—„унесло и вынесло“, какъ онъ выражался. Теперь онъ доживалъ старые годы на хуторѣ.

— Пойдемъ-те встрѣчать гостей... звалъ онъ дочерей.

Воспитанники Кіевской академіи, подходили между тѣмъ къ большому хуторскому дому, высоко поднявшемуся среди садовъ и огородовъ. Барановскій замѣтилъ уже дорогой, что двѣ молодыя головы нагинались изъ окна свѣтлицы посмотрѣть на нихъ; онъ даже расправилъ свой синій платокъ на шеѣ, повязанный въ видѣ галстука, и перегнулъ на бокъ легонькую суконную шапку. Одежда воспитанниковъ академіи напоминала длинные подрясники причетниковъ, она была широка и не обрисовывала фигуры. Но расходясь на лѣто, кто хотѣлъ, тотъ могъ одѣваться щеголеватѣе, дѣлать платье короче и уже; платья нашихъ путниковъ были короче и удобнѣй для ходьбы, а Барановскій крѣпко стягивалъ перехватъ таліи кожаннымъ поясомъ, а на синій галстукъ спускался бѣлый воротникъ сорочки. Одежда Сильвестра смотрѣла мрачнѣй и солиднѣй.

Когда пріятели входили во дворъ хутора, хозяинъ, Алексѣй Ивановичъ Харитоновъ, стоялъ у воротъ. Барановскій издалека еще разсматривалъ этого высокаго старика, худощаваго, съ черными глазами и коротенькими сѣдыми волосами на круглой головѣ. Онъ стоялъ накинувъ на плечи старую солдатскую шинель безъ фуражки. Доброе лицо, съ висѣвшими къ низу ще-

ками и прямымъ короткимъ носомъ, съ усами надъ толстой губой, было такъ обыкновенно, что показалось Барановскому знакомымъ; а черные, привѣтливо смотрѣвшіе глаза, сразу нравились въ старикѣ.

— Кого же это ты привелъ къ намъ Сильвестръ? Здравствуйте господа! Позвольте поздороваться по христіански! Хозяинъ расцѣловался съ Сильвестромъ, поцѣловавъ и Барановскаго, какъ было въ обычаѣ.

— Со мной пришелъ воспитанникъ также изъ старшаго класса; Стефанъ Барановскій, я вамъ поминалъ объ немъ, бывало. Онъ вамъ не будетъ въ тягость; человѣкъ веселый, всѣми любимый...

Какъ ни мало застѣнчивъ былъ Стефанъ, но на минуту смутился, выслушавъ рекомендацію пріятеля.

— Я, если примите, проживу сколько позволите, и пойду дальше, на родину въ Нижній Новгородъ.

— Не здѣшній, сказалъ хозяинъ,—слышно по рѣчи. Ну и я издалека; а давно живу здѣсь, поселился! Человѣкъ я вдовый, а вотъ мои падчерицы, сказалъ онъ указывая на двухъ дѣвушекъ, остановившихся на крыльцѣ.—Я бывшій сержантъ гвардіи, Харитоновъ, чай вамъ сказывали?

— Слыхалъ о васъ, много добраго отъ Сильвестра, потому и просилъ его взять меня съ собой на хуторъ къ вамъ на время. Потомъ пойду

дальше, у меня въ Нижегородской губерніи семья есть.

— У васъ тамъ въ Нижнемъ не ладно что-то; говорятъ въ бѣгахъ много крестьянъ стало, и помѣщики поразстроились!

— Не ладно тамъ,—давно не ладно; ужъ не первый годъ. У самихъ у насъ была фабрика; никого теперь при ней рабочихъ не осталось, всѣ сбѣжали.

— Неужли ты разогналъ? спросилъ старикъ Харитоновъ.

— Нѣтъ, слава Богу, еще прежде меня, на Оренбургскую линію потянуло.

— Ну да! все туда тянутъ... Кажется время бы хорошее настало... Не сообразишь, что дѣлается!.. Ну пойдемъ-те въ домъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ крыльцу, на которомъ показались было хозяйки, но скрылись, не желая встрѣчать и чужого человѣка, Барановскаго.

— Гдѣ-жъ дочери? Ольга! позвалъ было отецъ, но никого не нашелъ на крыльцѣ.—Э! да онѣ ретировались, сказалъ онъ смѣясь,—засѣли видно въ крѣпость, возлѣ пушки тетки! Такъ! сначала надо высмотрѣть непріятельскую силу. Ну, батюшка Сильвестръ, бери крѣпость иди впередъ! Эхъ, молодость! А ты крѣпкаго выпьешь? спросилъ сержантъ у Барановскаго.

— Можно попробовать съ дороги! отвѣтилъ Барановскій.

— Такъ пойдемъ, приступимъ къ графинчику, говорилъ хозяинъ вводя ихъ въ столовую.—Вотъ вамъ гости, жданные и нежданные! представилъ онъ гостей дочерямъ и пожилой родственницѣ. Яницкій пошелъ къ нимъ, отвѣшивая поклоны, но Барановскій остановился, какъ вкопанный. Сильвестръ никогда ничего не говорилъ ему о дочеряхъ сержанта, и Барановскій всматривался въ нихъ говоря про себя, что онѣ очень не дурны собой Но кромѣ ихъ красоты, его поразило безобразіе, сидѣвшей подлѣ нихъ фигурки. Это была пожилая женщина, ростомъ много ниже малаго,—повидимому она была карлица; къ тому же съ толстой круглой фигурой и некрасивыми чертами лица; прежде всего бросался въ глаза носъ ея вздернутый кверху какъ то задорно, и непріятные зеленоватые глаза. Волосы на большой по ея росту головѣ, были жидкіе, некрасивые.

— Чтожъ это Сильвестръ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ прежде! сказалъ про себя Барановскій.—Хотя-бъ предувѣдомилъ... вѣдь испугаться можно!

Между тѣмъ маленькая фигурка плыла къ нему, на короткихъ ножкахъ, прикрытыхъ длиннымъ ползущимъ по полу платьемъ. И нарядъ ея былъ пестрый и странный, а еще страннѣе

раздавалась рѣчь ея на чисто великорусскомъ языкѣ:

— Здравствуй, батюшка, нежданный гость! Всѣмъ говоримъ на ты, не гнѣвайся! Рады чествовать, кормить и няньчить, хотя ранёнько пожаловалъ, еще и черти на кулачкахъ не бились! Прошу балыка и пирога откушать!

Барановскій кланялся молча, а самъ отходилъ по немногу въ сторону.

Хозяинъ взялъ его за руку, будто желая прибодрить, и повелъ къ большому столу, накрытому посреди комнаты:—смутила она тебя, вѣдь она у насъ любитъ побалагурить! Хоть кого рѣчами засыпетъ; это дальная родня, теперь при дѣтяхъ, помилуй ее Богъ!

— Просимъ жаловать! Всѣмъ родня окромя тебя! Въ сынки не просись, бабушкой не называй,—мы и чужому человѣку рады; напитковъ, наѣдковъ на всѣхъ станетъ. Сама пеку, сама сѣю... безъ умолку и визгливо трещала странная фигурка. Барановскій пооглядѣлся и поопомнился, она напомнила ему свадебныя шутки у нихъ на родинѣ. Онъ поднялъ высоко рюмку вина, налитую хозяиномъ, отвѣчая карлицѣ:

— Такое добро на чужихъ и тратить жалко. Коли не принимаете въ родню такъ я и такъ, слуга вашъ покорнѣйшій, выпью за ваше здоровье!

Онъ выпилъ рюмку залпомъ; толстая карлица закатилась визгливымъ смѣхомъ, исказивъ гри-

масой все некрасивое личико; она собиралась опять наступить на гостя, но хозяинъ сталъ между ними:

— Полно, полно, Афимья Тимофѣевна, не озадачивай, дай попривыкнуть! Поди къ старому знакомому, къ батюшкѣ Сильвестру.

Карлица поплыла въ уголъ столовой, гдѣ племянницы сидѣли у другого стола подъ окномъ, недалеко отъ большого кивота съ разукрашенными богатыми иконами. Она усѣлась подлѣ нихъ, самодовольно потряхивая головою, и заглушала ихъ тихую бесѣду съ Сильвестромъ, хриплымъ насильственнымъ голосомъ. Хозяинъ придвинулъ къ столу, стоявшему посреди комнаты деревянныя дубовыя скамьи съ подушками обитыми полинялымъ сафьяномъ, и усадилъ подлѣ себя Барановскаго. Барановскій поглядывалъ въ уголъ, гдѣ сидѣли молодыя хозяйки. Но онъ утѣшилъ себя мыслію, что сперва ознакомится съ старымъ сержантомъ, хозяиномъ, тогда легче будетъ сойтись и съ дочками. Сержантъ охотно разговаривалъ съ молодыми и веселыми людьми; видно съ молоду и онъ былъ изъ весельчаковъ, но теперь годы и сама жизнь надломили силы; тѣмъ охотнѣй онъ, какъ многіе старики, любовался на чужую молодость. Барановскій не былъ особенно красивъ, но сильно сложенъ и ловокъ въ движеньяхъ; смуглый и свѣжій, онъ блестѣлъ здоровьемъ, черты лица были не изъ тонкихъ, но

опредѣленные, а черные глаза смотрѣли живо и умно, по первому взгляду онъ могъ показаться красивѣй Сильвестра Яницкаго, черты котораго были тоньше, правильнѣй, но лишены живой игры; къ тому же, въ очеркѣ лба и въ скулахъ кость выдавалась больше чѣмъ нужно было бы для его красиваго лица. Загаръ не шелъ Сильвестру, безъ загара лице его было бы интереснѣй, оно могло напоминать лики святыхъ своею блѣдностью и ясными голубыми глазами. Его серьезно сложенные уста, заключались острымъ подбородкомъ, едва обросшимъ бородой пепельно-русаго цвѣта. Слушая хозяина Барановскій прислушивался и къ разговору Сильвестра и хозяекъ. Сначала слышались голоса дѣвушекъ; онѣ распрашивали Сильвестра о дорогѣ, о Кіевѣ; спросили былъ ли великъ съѣздъ богомольцевъ на Святой. Потомъ ихъ звучные голоса замолкли, примолка даже тетка, слышенъ былъ только мужественный басъ Сильвестра. Онъ разсказывалъ о торжественномъ богослуженіи на святой, о прекрасныхъ хорахъ пѣвчихъ, поражавшихъ молящихся. Сильвестръ разсказалъ о встрѣчѣ своей на папертп церкви съ двумя польскими ксендзами, подосланными іезуитами.

— Они засыпали меня похвалами, разсказывалъ Сильвестръ: — пришли, говорятъ нарочно дать вамъ совѣтъ: съ вашей даровитостью вамъ надо бѣжать въ чужіе края, если бы не дали вамъ на

то позволенія. Изъ васъ выйдетъ знаменитый ученый, если вы поступите въ иностранный университетъ! Я имъ глубоко поклонился, — очень цѣню вашъ совѣтъ, говорю имъ. Они приступили тутъ смѣлѣе, а одинъ прямо говоритъ: запомните нашъ совѣтъ: самое высшее образованіе получается въ Римѣ, въ ученой коллегіи іезуитовъ!—Такъ вотъ въ чемъ дѣло! я говорю имъ,—ну за это я вамъ еще глубже кланяюсь, за ваше доброе расположеніе; только въ католичество обратить меня не надѣйтесь! Если же вы настаиваете на пользѣ вашихъ совѣтовъ, такъ пожалуйте переговорить съ нашимъ ректоромъ... Забормотали что-то межъ собою и скрылись въ толпѣ; съ той поры при встрѣчѣ только косятся на меня. Сильвестръ закончилъ свой разсказъ благодареніемъ Богу, что козни іезуитовъ потеряли силу на Руси, и на Украйнѣ, благодаря тому, что у насъ были уже свои ученые проповѣдники, поддержавшіе православіе.

Дѣвушки обѣ внимательно слушали Сильвестра, разговоръ у нихъ шелъ не умолкая; но Барановскій былъ причиной тому, что случайно прервалъ его. Когда по просьбѣ стараго сержанта онъ долженъ былъ налить себѣ уже третью рюмку вина, Барановскій поднялъ ее, и не омочивъ усовъ, ловко влилъ ее въ широко раскрытый ротъ,—вслѣдъ за тѣмъ въ углу раздалось воск-

лицаніе: — вотъ такъ горло! Это было восклицаніе, скучавшей безъ балагурства карлицы; вслѣдъ за нимъ послышался сдержанный смѣхъ дочерей хозяина, и самого Сильвестра; смѣхъ этотъ ободрилъ и увлекъ Барановскаго. Онъ поднялся со скамьи и обратился въ ту сторону:

— Милостивыя государыни! сказалъ онъ кланяясь, — смѣю просить, не позволите ли батюшкѣ Сильвестру также проглотить что нибудь съ дороги!

— Идите, идите сюда всѣ! звалъ ихъ развеселившійся сержантъ.

Обѣ дѣвушки подошли въ сопровожденіи Сильвестра, всѣ сѣли вокругъ стола, помѣстясь на противоположной сторонѣ, противъ Стефана Барановскаго. Маленькую, безпокойную тетку вызвали изъ комнаты, для распоряженій по хозяйству, она не хотя уплыла куда то. Въ обширной но низенькой столовой было прохладно, солнце почти не проникало въ нее за навѣсомъ галлереи; тѣмъ ярче казался свѣтъ его и блескъ въ саду и по лугамъ, окружавшимъ старинный домъ. По стѣнамъ столовой стояли шкафы съ посудой, чашками, хрустальными стаканами, въ окна виднѣлись цвѣтущіе кусты сирени и акацій. Въ самой столовой старый сержантъ, его гости и дочери, составляли красивую группу; среди молодыхъ лицъ бросалась въ глаза воинская осанка и солидная наружность стараго солдата. Старшая

изъ хозяекъ держалась прямо и горделиво, глаза ея смотрѣли смѣло на посѣтителей. Ея взглядъ могъ даже заставить потупиться,—если не Барановскаго, то болѣе скромнаго, Сильвестра. Меньшая сестра смотрѣла боязливѣе, и казалась не такою бойкой. Обѣ были хороши; черты ихъ были похожи, но у старшей онѣ были крупнѣй и смѣлѣе, нельзя было не признать ее и красивѣй. У обѣихъ были черные глаза и темнорусые волосы, но у старшей все казалось роскошнѣй. Барановскій внимательно разсматривалъ ихъ, не рѣшивъ еще, которая изъ нихъ была привлекательнѣе, потому что кроткое лице меньшой сестры было также очень пріятно.

— Что же ты задумался? окликнулъ его хозяинъ: и рюмка остается полна...

— Я уже выпилъ свою долю, теперь отцу Сильвестру слѣдовало бы выпить за здоровье хозяекъ.

— Онъ отказывается, сказала старшая дочь хозяина, прійдется вамъ выпить и его долю.

— Желалъ бы я знать какая ждетъ его доля.. возразилъ Барановскій: — и отчего онъ отказывается?..

— Отъ рюмки, отвѣтилъ Сильвестръ.

— Отъ рюмки? Такъ вы хотѣли бы выпить не изъ рюмки, а можетъ быть по польскому обычаю?.. Изъ башмака?.. потому что отъ вина

вы не отказывались? спрашивалъ Барановскій, шутка котораго вызвала улыбку молодыхъ хозяекъ.

— Вы хорошо знаете польскіе обычаи, сказала ему старшая изъ хозяекъ.

— Какъ же! Мы вѣдь отъ нихъ недалеко живемъ, отъ поляковъ!

— Только здѣсь не для чего вводить польскіе обычаи. А кромѣ того, вы напрасно величаете меня отцомъ Сильвестромъ; я еще не получилъ этого почетнаго титула, говорилъ Сильвестръ Яницкій.

— Не все ли равно? Развѣ не извѣстно теперь уже всему кіевскому околодку, что вы не нынче, такъ завтра поступаете въ монахи? проговорилъ Барановскій всматриваясь въ обѣихъ хозяекъ.

Обѣ дѣвушки посмотрѣли на Сильвестра, какъ будто съ вопросомъ, но безъ особеннаго испуга.

— Мнѣ это пока неизвѣстно, и врядъ ли я скоро на это рѣшусь, отвѣчалъ смѣясь Яницкій.—Вѣдь пріятель мой, Стефанъ, не можетъ обойтись безъ проказъ, заявилъ онъ, обращаясь хозяйкамъ:—и вы не всегда вѣрьте словамъ его!

— А мнѣ позвольте спросить, какъ вамъ кажется? всегда ли можно вѣрить словамъ Сильвестра? спросилъ Барановскій обращаясь къ меньшей изъ двухъ сестеръ.

— Насколько мы его до сихъ поръ знали, мы

всегда ему вѣрили; а мы его давно знаемъ, отвѣтила она.

— Такъ зачѣмъ же онъ приводитъ къ вамъ въ домъ людей, которымъ нельзя вѣрить? Стоитъ ли онъ послѣ этого довѣрія? продолжалъ Барановскій.

— Хорошо, хорошо защищаешься! замѣтилъ сержантъ,—видно что на Руси родился! Безъ боя не сдаешься!

— Да, хитро сплетаетъ силогизмы, сказалъ смѣясь Сильвестръ Яницкій.

— Вамъ, какъ было сказано, не всегда можно вѣрить, хотя человѣкъ вы хорошій,—потому онъ и привелъ васъ, заговорила опять старшая изъ хозяекъ.

— Ну, съ Анной-то вамъ еще потрудиться прійдется; она не хуже васъ поспорить умѣетъ! говорилъ довольный сержантъ.

— Не Сильвестръ ли діалектикѣ обучалъ? Тогда мнѣ хоть замолчать приходится...

— Хотѣла бы я поучиться многому у Сильвестра, но гдѣ же намъ! отвѣтила Анна.

— Ученый человѣкъ, противъ этого сказать нечего. Нехорошо только, что отказался выполнить польскій обычай; не потому ли, что не догадался попросить, чтобъ вы заказали себѣ черезъ него польскіе башмачки?

— Хорошо было бы навязать ему такія хлопоты! Идетъ ли это ему! Да и вы можетъ быть

не видѣли никогда польскихъ башмачковъ; развѣ у васъ были знакомыя польскія паненки, можетъ быть? спрашивала Анна.

— Приходилось и знакомиться и встрѣчаться; видѣлъ и ихъ башмаки, попадалъ и имъ въ лапки! сказалъ Барановскій:—если прикажите, я возьмусь у нихъ башмачки заказать, самые лучшіе..

— Они не хороши тѣмъ, что малы; пить изъ нихъ невыгодно, замѣтилъ сержантъ.

— Да въ этомъ случаѣ, украинскій сапожокъ лучше! согласился Барановскій: польскій не больше рюмки.

— А мягки ли польскія лапки, спросила смѣяся Анна.

— Что, сударь ты мой?! Вотъ и поразскажи! Самъ признался, что былъ въ лапкахъ, оживленно заговорилъ сержантъ.

— Я скажу, что женскія лапки, сколько не былибъ мягки, а слѣды оставятъ, сказалъ Барановскій.

— Хорошо говоришь, и дѣло говоришь! Я вижу, съ тобой можно побесѣдовать! Что Ольга, обратился онъ къ старшей дочери,—не велишь ли еще вина подать? Бутылку венгерскаго? мы выпьемъ на радости, что дожили до хорошаго времени. Дожили, что отъ турковъ отбились, и отъ поляковъ ушли; да и нѣмецъ насъ давить не можетъ! И шутить весело начали; не боятся

веселую шутку промолвить! Солнышко вернулось къ намъ съ Елисаветою, государыней!

Вино было принесено и откупорено, какъ требовалъ сержантъ.

— Наливайте рюмки и стаканы, говорилъ онъ.—И вы дочки, всѣ пейте! За здоровье солнушка нашего, Елисаветы Петровны! Улетѣло наше горе, возблагодаримъ Господа!

Одушевленіе стараго сержанта было такъ сильно, что слезы показались на глазахъ и голосъ измѣнилъ ему. Онъ закрылъ лице обѣими руками, и пробылъ такъ нѣсколько мгновеній, облокотясь на столъ.

Барановскій подлилъ свою рюмку и проговоривъ: за здоровье Елисаветы, выпилъ ее и брызнулъ вверхъ къ потолку, оставшіяся капли. Всѣ были одушевлены и тронуты, какъ случалось вездѣ, гдѣ рѣчь заходила о воцареніи Елисаветы, когда помнили еще недавнее избавленіе отъ чужеземнаго гнета. Всѣ смолкли на минуту. Но Барановскій не долго молчалъ;—позвольте мнѣ, спросилъ онъ,—прочесть изъ нашего почтеннаго ученаго, Ломоносова, что я вспомню на память. Намъ не высказать такъ, какъ высказалъ онъ, и понялъ, радость и благо предстоявшія Россіи. Барановскій прочелъ нѣсколько строфъ изъ одъ и другихъ стихотвореній Ломоносова; онъ началъ изъ оды его „на воцареніе Елисаветы:“

Въ Тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье изліяли
Въ твои пресвѣтлы очеса!
Лице всходящія денницы
И бодрость быстрыя орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являла дняхъ;
Уже младенческія взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
Что бѣднымъ нынь отъемлетъ страхъ.

—

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь!
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ,
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ;
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

— Такъ, вѣрно! съ чувствомъ проговорилъ хозяинъ.

— Прекрасно! Божественно, проговорили въ одинъ голосъ дочки хозяина и Сильвестръ. Всѣ снова замолкли.

Но вдругъ среди общаго сочувствія послышался визгъ, крикъ и брань: слышался голосъ толстой карлицы и еще чей-то бойкій голосокъ,

отвѣчающій на ея брань. Дверь изъ сѣней распахнулась, и карлица катила на всѣхъ парусахъ свою безобразную фигуру съ быстрыми, странными рѣчами:

— Пытать тебя, четвертовать, казнить надо! Еслибъ да прежнее время! Довела бы тебя вороненка, до каторги! до ссылки, до пытки! Такъ кричала карлица, оборачиваясь къ сѣнямъ, откуда слышался отвѣтъ:

— Вотъ понесла свою неоколесную!

— Неоколесную?.. Я-бъ показала тебѣ какъ на колесахъ вертятъ, если бы было времячко блаженной памяти Екатерины Алексѣевны или Анны Іоановны! Я бы тебѣ нашла мѣсто, стоило бы слово сказать: утащила бы тебя не спрашивая за что; а за то что я знаю. И слово и дѣло!

— Что тамъ случилось Афимья! чѣмъ тебя крестникъ прогнѣвилъ, что впала ты опять въ свое безобразное причитанье? спросилъ хозяинъ, глядя на нее съ недовольной миной, межъ тѣмъ какъ дочери смѣялись тихонько, прикрываясь платочками. Какъ видно было, это безобразное явленье, поразившее Барановскаго, для всѣхъ было дѣломъ привычнымъ, не выходящимъ изъ обыденнаго порядка.

— Пытать баловня проучить надо! Выростетъ негодяемъ на висѣлицу. Собаку съ цѣпи спустилъ, она мою китайскую гусыню съ гнѣзда согнала, и въ огородѣ всѣ лучшія гряды по-

вытаптала! Запирается! Не онъ видишь сдѣлалъ. Въ застѣнокъ-бы тебя стащить, на дыбки,—признался бы непутный! Жаль не такая намъ доля выпала.

— Уходи, Афимья, говорю уходи! Избавь меня отъ хулы твоей безумной! Разумъ твой затмѣвается, одна ты хулишь при общей радости! вскрикнулъ на карлицу хозяинъ и поднялся съ мѣста.

Сильвестръ и дочери встали ему на помощь.

Анна! Уведи тетку! приказалъ старикъ.

— Тетушка! намъ пора въ швейную, тамъ ждали насъ кроить; дѣло остановилось! Ольга! проводи отца отдохнуть въ его комнату. А вы Сильвестръ еще не видѣли вашего помѣщенія? Да вели, Ольга, готовить все къ обѣду на дворѣ, въ бесѣдкѣ!

Раздавши всѣмъ приказанія, Анна, сильная, и рослая, увела за собою тетку, какъ малаго ребенка, хотя та хотѣла еще направиться къ дверямъ сѣней, чтобы докончить, какъ она говорила; т. е. еще покричать на своего крестника, мальчика лѣтъ 17-ти, находившагося въ услуженіи въ домѣ.

Таковъ сложился нравъ у Афимьи Тимофѣевны подъ вліяніемъ разныхъ раздраженій въ ея жизни.

Всѣ разошлись, и Сильвестръ увелъ Стефана къ себѣ, въ боковую пристройку дома.

— Ну Сильвестръ! сказалъ Барановскій когда они остались одни: разскажите-же мнѣ, что за люди ваши хозяева? Особливо желалъ бы знать отъ куда у нихъ такая тетка; вѣдь вы мнѣ никогда ничего не говорили о ней!

Но Сильвестръ мало обращалъ вниманія на карлицу, и не могъ разсказать своему пріятелю ничего изъ того, что слѣдуетъ разсказать здѣсь о судьбѣ Афимьи Тимофѣевны. Афимья Тимофѣевна, какъ можно было узнать изъ словъ ея самой, принадлежала къ людямъ очень стараго времени. Она помнила послѣдніе годы царствованія Петра 1-го, пережила еще нѣсколько перемѣнъ въ правленіи, и очень хорошо помнила время Анны Іоановны. Харитонову она была родственница очень далекая, почти только носила одну съ нимъ фамилію Харитоновыхъ, а родилась и выросла въ другой семьѣ. Старая столица, Москва Петровскаго времени была ея родиной. Она помнила старые дворцы Кремля съ ихъ теремами и палатами, молельнями, и сѣнями для прислуги. Знавала она и нѣмецкую слободу, слышала о пирахъ и маскарадахъ при Петрѣ 1-мъ. Отецъ ея служилъ при Петрѣ I, и она съ дѣтства жила въ средѣ, гдѣ передавались устные разсказы очевидцевъ о стрѣлецкихъ бунтахъ и о смирившихъ ихъ казняхъ. Чего не наслушалась она! Первыя понятія о жизни представились ей въ видѣ вѣчной борьбы съ

врагами, которыхъ слѣдовало уничтожать всѣми средствами, чтобы самимъ всплывать на поверхность. Съ лѣтами она прислушивалась къ разсказамъ о борьбѣ различныхъ партій, видѣла какъ возвышались въ чинахъ и богатствѣ люди тѣхъ партій, которымъ удавалось взять перевѣсъ надъ другими. Наступило время, когда ей и самой пришлось проталкиваться между другими, съ желаньемъ занять мѣсто повыше и по лучше. Про Афимью Тимофѣевну нельзя было сказать, что ея заботы начались когда она выросла; на оборотъ, заботы ея начались, когда въ семьѣ ея увѣрились, что она никогда не выростетъ, и останется ростомъ не выше 6-ти четвертей, при большой круглой головѣ. Когда ей минуло 16 лѣтъ, родители ея недовольные ея неудачнымъ сложеніемъ и некрасивымъ лицемъ въ дѣтствѣ, начали понемногу утѣшаться, замѣтивъ, что она уродъ и карлица. На этихъ двухъ недостаткахъ они начали строить блестящіе планы пристроить дочь въ почетную должность шутихи при царскихъ палатахъ. Когда они объяснили дочери какую пользу она могла извлечь изъ своего уродства, они возбудили въ ней довольство собою и даже гордость. Съ тѣхъ поръ развивалось въ Афимьѣ Тимофѣевнѣ и ея нравственное уродство. Ее наряжали въ пестрые одежды, пріучали къ гримасамъ и ломанью; за неимѣніемъ же лучшей среды для представленій пріучали быть

шутихой дома въ семьѣ, и передъ знакомыми. Ее водили по улицамъ Москвы, чтобы обратить на нее вниманіе; показывали ее въ церквахъ; когда она была замѣчена, ее приводили въ богатые дома, гдѣ она привыкала забавлять всѣхъ своими шутками. Афимью Тимофѣевну стали приглашать въ дома приближенныхъ ко двору, а родители просили межъ тѣмъ провести ее въ число карлицъ и шутихъ при дворѣ государыни Анны Іоановны. Съ этой цѣлью провели ее сначала въ Измайловскій дворецъ, гдѣ жила вдовствующая царица Прасковья съ меньшими царевнами, дочерьми ея. Во дворецъ этотъ приглашали часто, для развлеченія царевенъ, шутихъ и юродивыхъ; и начиная съ этого поприща можно было подвинуться и дальше. Афимья Тимофѣевна допускалась въ пріемныя комнаты дворца и въ комнаты царевенъ, чтобы разгонять ихъ скуку. Она провела тамъ много счастливыхъ часовъ, вмѣстѣ съ другими шутами и юродивыми, которые являлись туда грязными, или полу-нагими въ одной сорочкѣ, все это согласно съ взятыми на себя ролями. Афимья Тимофѣевна отличалась отъ нихъ щегольскими платьями или сарафанами русскаго покроя, что уже въ то время относилось къ маскараднымъ одеждамъ, съ тѣхъ поръ какъ высшіе слои общества приняли иностранныя одежды. Тутъ случилось ей встрѣтить и привлечь на себя вниманіе государыни,

ее записали даже въ число карлицъ, готовыхъ отправиться въ Петербургъ. Но тутъ постигла ее совершенная неудача: появилась карлица гораздо меньше и забавнѣй ея, и она получила полную отставку. Безъ особыхъ средствъ къ жизни, безъ ремесла, неучившись рукодѣльямъ, она осталась на мели. Къ счастью ея родители пристроили ее наконецъ въ семействѣ дальнихъ родственниковъ, которые иначе взглянули на нее. Они давали Афимьѣ Тимофѣевнѣ разныя хозяйственныя занятія, пріучили ее къ дѣлу; со временемъ, она обратилась въ хорошую ключницу и хозяйку, и жила у родныхъ въ деревнѣ. Когда сержантъ Харитоновъ овдовѣлъ послѣ своей поздней женитьбы на вдовѣ Ефимовской, карлица поступила въ домъ ихъ, чтобы вести хозяйство. Но пролетѣвшіе годы не могли утѣшить ее, въ перенесенныхъ неудачахъ. Она продолжала вести переписку съ Московскими родственниками, умоляя ихъ пристроить ее при новомъ дворѣ государыни. И когда послѣ долгаго молчанія, родственники отписали ей наконецъ: — что ни карлицъ, ни шутовъ при новомъ дворѣ не держатъ, что должности эти упразднены на всегда, она была поражена неожиданной для нея новостію. Такой непонятный для нея переворотъ въ обычаяхъ и нравахъ, возмутилъ Афимью Тимофѣевну болѣе всѣхъ другихъ новшествъ, и даже развилъ въ ней желчную злобу къ новому

времени. Вотъ все, что можно было узнать о прошломъ Афимьи Тимофѣевны.

Глава II.

Сильвестръ Яницкій мало говорилъ Барановскому о самомъ хозяинѣ, Харитоновѣ; онъ или не зналъ его прошлаго, или избѣгалъ распросовъ Стефана. Любопытство его было удовлетворено позднѣе самимъ хозяиномъ, недѣли черезъ двѣ послѣ прибытія ихъ на хуторъ. Хозяинъ бывалъ порою задумчивъ. Въ такія минуты онъ самъ старался стряхнуть съ себя находившую на него тоску. Онъ исчезалъ на цѣлый день изъ дому, ходилъ въ поля, гдѣ шла жатва, ѣздилъ по хозяйству, и нерѣдко проведя день такимъ образомъ, возвращался домой бодрѣе. Но когда и это не помогало, то его видѣли дома сумрачнымъ на весь вечеръ, онъ старался оживить себя виномъ, или разсѣяться играя въ шашки, съ крестникомъ Афимьи Тимофѣевны. Такъ случилось и при Барановскомъ.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, когда солнце зашло, а даль одѣвалась сѣренькимъ туманомъ, Харитоновъ вернулся изъ поля довольно мрачно настроеннымъ. Двѣ дочери его, и оба гостя, сидѣли на крылечкѣ, спускавшемся въ садъ съ крытой галлереи, окружавшей домъ. Ольга вышивала

что-то, Сильвестръ читалъ вслухъ. Анна нанизывала на бѣлыя шелковыя нитки огромныя буссы и янтари, коробку съ которыми держалъ Стефанъ, подавая ей по немногу.

— Вотъ эту возьмите, вотъ крупная...

— Не мѣшайте Сильвестру, говорите по тише... замѣчала Анна.

— Кто ему помѣшаетъ! Онъ когда начнетъ читать такъ ничего не слышитъ, хоть загремятъ буссами у него надъ ухомъ... Барановскій тряхнулъ коробку, буссы посыпались...

— Что вы надѣлали? спросилъ останавливаясь Яницкій.

— Подберите-ка! сказала Анна.

Барановскій медленно подбиралъ буссы, продолжая встряхивать коробку.

Въ это время вошелъ Харитоновъ, и прошелъ мимо ихъ въ дальній уголъ терассы; онъ сѣлъ облокотясь на перилы. Посидѣвъ нѣсколько времени молча, поодаль отъ молодыхъ людей, онъ кликнулъ къ себѣ дочь Ольгу и передалъ ей какое-то распоряженіе. Барановскій не слышалъ, что говорилъ ей Харитоновъ, но видѣлъ за тѣмъ что мальчикъ, крестникъ Афимьи Тимофевны принесъ на галлерею небольшой столъ и разставилъ на немъ нѣсколько стакановъ, большую кружку, въ которой подавался на хуторѣ крѣпкій домашней варки медъ, и бутылку вишневой наливки, манившей взоры Барановскаго своимъ чистымъ

густымъ цвѣтомъ. Все это было поставлено поодаль подлѣ хозяина, неподвижно сидѣвшаго и смотрѣвшаго въ даль безцѣльно. Не много погодя онъ обернулся къ принесенному столу, и выпилъ стаканъ крѣпкаго меду.

— Такъ-то лучше! сказалъ онъ:—Что ей злодѣйкѣ волю давать. Дашь волю грусти, такъ она заѣстъ! Ну, вы тамъ, - чего притихли? Не хочешь ли ученый человѣкъ стаканъ меду? спросилъ онъ обратясь къ Сильвестру.

— Или ты, Стефанъ? Да иди ко мнѣ поговорю съ тобой, повеселѣе!

— Чего-же унывать? развѣ болѣете?.. спросилъ подходя ближе Барановскій.

— Болѣю я часто, да не такъ какъ другіе, по своему: тоскую!—прибавилъ онъ съ сильнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ. Удивишься, можетъ быть? продолжалъ Харитоновъ: чего, дескать, тосковать?.. Выпей меду, или вотъ наливки рюмку;—да садись... Я пожалуй лучше поразскажу тебѣ. Они тамъ, заняты своими разговорами, указалъ онъ на Сильвестра.

Барановскій смотрѣлъ на старика и съ любопытствомъ и съ участіемъ, садясь подлѣ него на стулъ, стоявшій рядомъ. Оба они взялись за рюмки, и медленно выпивали изъ нихъ налитую наливку.

— Вспомнишь,—и стоскуешься! Вѣдь много пережито въ прошломъ, говорилъ Харитоновъ отрывисто и задумчиво.—Вы вотъ начинаете,—

а мы свое кончили! сказалъ онъ взглянувъ на Барановскаго нѣсколько веселѣе.

— Не кончили, а давно живете, перебилъ его Барановскій.

— Давно! да, давно! подтвердилъ Харитоновъ.—Подумай! продолжалъ онъ ставя на столъ пустую рюмку: при Петрѣ I, по его указу поступилъ на службу солдатомъ, когда вызвали на службу всѣхъ у кого въ полкахъ найдутся родственники: меня и взяли, почти мальчикомъ, лѣтъ 17-ти, служилъ я въ одномъ полку съ двоюроднымъ братомъ, Шубинымъ... Слыхалъ о немъ когда?...

— Слышалъ, что-то говорили..

— Ну такъ съ нимъ служили! замѣтилъ Харитоновъ, значительно. Лѣтъ двадцат было мнѣ когда я въ походъ ходилъ съ царемъ Петромъ; въ Финдляндію съ нимъ отплыли. Тамъ Апраксинъ взялъ насъ подъ команду,—при мнѣ еще и городъ ихъ взяли: Абу. (т. е. Або). При Аннѣ Іоановнѣ ходили мы съ Туркомъ биться, подъ Очаковъ! Ну это все ничего. Все вынесли; въ гвардію насъ перевели съ повышеніемъ! Правда, порядки тогда тяжелы были въ арміи, да и мѣнялись-то порядки уже больно часто! Не примѣнишся бывало! Ну это еще все ничего!..

— Еще и труднѣй что-нибудь пришлось? спросилъ Барановскій.

— Вотъ въ этомъ-то бѣда! отвѣчалъ хозяинъ:

Про Шубина слыхалъ? спросилъ онъ опять въ полъ-голоса, наклонясь ближе къ Барановскому.

— Кажется слышалъ про него.. отвѣчалъ Барановскій.

— Такъ вотъ это было въ то время. Елисавета Петровна тогда лѣтъ 17-ти была, цесаревной ее называли. Когда взошелъ на престолъ молодой царевичъ Петръ II, Алексѣевичъ, и тогда всѣ толковали, что ее обошли отеческимъ престоломъ! Всѣ жалѣли о ней; всѣхъ привлекала она къ себѣ и тогда: видомъ незлобливая, привѣтлива,—умъ у ней былъ въ родителя,—и просто со всѣми обращалася, по русски! Ну, каждый въ ней душу видѣлъ; вся гвардія къ ней расположена была! Еще при воцареніи Петра II многіе за нее пострадали...

— И вы?..

— Нѣтъ, тутъ до насъ не дошло; продолжалъ Харитоновъ.—А вотъ при Аннѣ Іоановнѣ еще больше не взлюбили и подозрѣвали всѣхъ, съ кѣмъ ласкова была цесаревна Елисавета Петровна! Тутъ оговорили родственника моего Шубина, и съ нимъ я былъ сосланъ...

— Сосланъ? Куда же? Далеко?.. спросилъ Барановскій.

— Далеко попали! Въ Камчатку!..

— Боже ты мой! И долго вы тамъ томились?

— Долго! Всего тамъ испытали, вынесли все, благодаря Бога! Возвратили насъ на второй годъ

царствованія государыни Елисаветы, — раньше отыскать не могли!

— Такъ вы здѣсь живете съ самаго возвращенія васъ изъ ссылки!

— Нѣтъ; сначала мы прибыли съ братомъ въ Петербургъ. Намъ оказывали много милостей, оставили въ Петербургѣ; но мы скоро просили уволить насъ по слабости здоровья. Братъ уѣхалъ въ свою вотчину, а я пріѣхалъ сюда. Меня пригласила сюда по старому знакомству Софья Петровна, (покойная жена моя), Ольга и Анна были ея дѣти отъ перваго брака съ Ефимовскимъ, я нашелъ ее вдовою, и позднѣе она согласилась выйдти за меня замужъ. По смерти ея я одинъ остался при ея дѣтяхъ: они на моихъ глазахъ выросли и воспитались. Для помощи по хозяйству я пригласилъ родственницу мою, вотъ Афимью Тимофѣевну. Братъ мой скончался въ своей вотчинѣ. Много всего было, какъ вспомнишь. Много разъ мы попадали изъ огня въ полымя!

Сержантъ замолчалъ, высказавъ свои старыя воспоминанья и угрюмо смотрѣлъ въ даль. И было отчего!

Разсказы стараго Харитонова наводили раздумье даже на безшабашнаго Барановскаго. Онъ перебиралъ въ умѣ всѣ событія только что минувшаго времени, когда водоворотомъ перемѣнъ

втягивало въ бѣду всѣхъ, кто не успѣвалъ посторониться, и все жило какъ въ чаду и туманѣ.

Но туманъ и тучи уплывали теперь, съ воцареніемъ Елисаветы, всѣ надѣялись что все клонится къ лучшему порядку, и пойдетъ по колеѣ, указанной Руси ея преобразователемъ. Великій зодчій новаго зданія оставилъ его недоконченнымъ. Блестѣли верхи возведеннаго зданія, но въ тѣни оставались прежнія старыя болота и не затянулись еще раны и ушибы, необходимо достававшіеся при передѣлкѣ трудившимся. Хотя Россія начала жить Европейскою жизнію, но никто не зналъ плана дальнѣйшихъ работъ:—зодчій унесъ ихъ съ собою, и работы не подвигались долгое время!

Общее желаніе сбылось съ воцареніемъ Елисаветы. Она, освободясь сама отъ угнетавшей ее иноземной власти, — желала видѣть счастливымъ свой народъ, который она любила.

Къ сожалѣнію, вокругъ императрицы не примирились враждующія партіи; онѣ стояли около нея съ вѣчной заботой, какъ бы уничтожить другъ друга, и съ корыстнымъ разсчетомъ стремились только упрочить свое собственное положеніе, не раздѣляя ея теплыхъ чувствъ къ родному краю. Елисаветѣ предстояло искать новыхъ людей, воспитывать, готовить ихъ, какъ дѣлалъ ея великій отецъ. На нее одну устремлены были общія надежды, и по воцареніи ея

возвращены были всѣ сосланные Бирономъ, въ числѣ ихъ и старый сержантъ съ своимъ братомъ. Объ этой порѣ любилъ онъ вспоминать въ своихъ разсказахъ, не забывая притомъ и пережитаго горя.

Разговоръ ихъ съ Барановскимъ въ углу галлереи, окончился тѣмъ, что сержантъ выпилъ полную чарку за здравіе Елисаветы. Старикъ охотно бесѣдовалъ съ молодыми, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на будущее Россіи.

— Вы учитесь, говорилъ онъ Барановскому,— вы будете работать со временемъ! Богъ дастъ больше такихъ людей и много сдѣлаютъ они хорошаго. Наше время было другое, — мы были люди темные. Ныньче стали заботиться, чтобы больше разуму было на Руси, чтобы при случаѣ умѣли помогать себѣ. Ныньче и при дворѣ въ люди выходятъ и подымаются не одни вельможи, а и простые люди; по разуму, да по таланту. Можетъ быть и ты Стефанъ, откроешь себѣ дорогу!

— Да... отвѣтилъ Барановскій задумчиво:— только Богъ знаетъ еще, куда поведетъ эта дорога.

Пока Барановскій проживалъ на хуторѣ Харитонова, онъ сближаясь съ хозяиномъ, пользуясь его дружескимъ расположеніемъ, сближался и съ дочерьми его; онъ старался угадать для которой изъ нихъ проживалъ здѣсь его ученый пріятель.

Сильвестръ. Онъ еще не рѣшилъ этого вопроса; легче было предположить, которая изъ нихъ согласна была назваться его невѣстой; конечно не Анна. Склонности Анны были довольно ясны.

Ей всего привлекательнѣй казались разсказы Афимьи Тимофѣевны о придворной жизни, о блескѣ старыхъ царскихъ палатъ, и одеждахъ боярынь. Афимья Тимофѣевна разсказывала ей о пирахъ, о золоченыхъ каретахъ, и о театральныхъ представленіяхъ во дворцѣ царицы Анны Іоановны; объ ея итальянскихъ и нѣмецкихъ „комедіянтахъ“, какъ она называла ихъ труппы. Старая тетка любила представить въ лицахъ и потѣхи, и забавы шутихъ: она напяливала на себя атласную юбку на фижмахъ, надѣвала высокую концеобразную шапку съ развѣвавшимися на ней лентами, и разыгрывала сцены между шутами и шутихами; она представляла какъ эти шутки переходили вдругъ въ ссоры и драку, потомъ дѣлала видъ, что сама разгоняла толпу шутовъ и шутихъ плетью.

Старикъ сержантъ не любилъ этихъ представленій, и теперь позволялъ ихъ ради Барановскаго, которому хотѣлось всмотрѣться въ живую страницу изъ темной жизни, недавно миновавшей.

Отецъ желалъ удалить такіе сцены отъ дочерей. Но не такъ легко удавалось ему удалять Анну и отъ этихъ представленій, и отъ многихъ другихъ суетныхъ внушеній Афимьи Тимофѣев-

ны. Трудно было предостеречь ее отъ напѣваній тетки о томъ, что лучше всѣхъ на свѣтѣ жилось царскимъ слугамъ; что нѣтъ лучшей доли, какъ пробраться въ услуженіе при дворѣ, и выйти замужъ за знатнаго вельможу! Анна заслушивалась и мечтала о возможоости такого плана.

— Тогда можно бы бросить хуторъ, и не вспомнить о немъ! говорила Афимья Тимофѣевна.— Наряжайся тогда въ парчу и бархатъ и увѣшивай грудь золотыми ожерельями и жемчугомъ!

Такія внушенія падали не на безплодную почву. Анна уже старалась провести въ свою жизнь хоть что нибудь, напоминавшее такія мечты. Вмѣстѣ съ Афимьей Тимофѣевной перерывала она всѣ сундуки, гдѣ хранились богатые наряды: парчи и ковры, все оставшееся наслѣдство московскихъ бабушекъ Петровскаго времени, и временъ Анны Іоановны, и выбирала все, что могло годиться,—на украшеніе своей комнаты.

Когда Барановскій считался уже близкимъ знакомымъ въ домѣ, старый хозяинъ проводилъ его по всему дому: черезъ парадную гостиную съ обвѣтшалою теперь,—когда то богатою штофною мебелью, черезъ диванную съ сплошнымъ диваномъ вокругъ стѣнъ, очень низенькимъ и покрытымъ коврами, и даже черезъ комнаты дочерей, чтобъ показать все свое жилье. Барановскій всегда пытливо во все всматривавшійся, замѣтилъ рѣзкую разницу въ убранствѣ комнатъ обѣихъ

сестеръ. Въ комнатѣ Ольги, просторной и свѣтлой все было чисто и просто. На окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣсы, длинное бѣлое покрывало на постели и на подушкахъ, въ простѣнкѣ зеркало, кой гдѣ малороссійскіе вышитые рушники, въ углу кипарисный шкафъ съ книгами, простыя деревянныя скамьи съ сафьянными подушками у стѣнъ, все очень просто. Не то было въ комнатѣ Анны. Тамъ на тяжелыхъ креслахъ съ высокими спинками видѣнъ былъ, хотя и полинялый бархатъ; большой дубовый столъ накрытъ былъ персидскимъ ковромъ; надъ кроватью висѣлъ тяжелый штофный занавѣсъ съ золотымъ кольцомъ у потолка. Въ шкафахъ, за стекломъ, было много серебра, кубковъ, ковшей и чашъ.

— Искусно свили вы свое гнѣздышко, и хорошій матерьялъ выбрали! сказалъ Барановскій Аннѣ, разсматривая все въ ея комнатѣ:—у сестры вашей комната не похожа на вашу.

— У меня сохраняются всѣ наши старыя вещи; сестра не хотѣла взять это на себя. Посмотрите: вотъ портреты русскихъ царей,—а вотъ портреты польскихъ королевичей... показывала Анна на большіе портреты, висѣвшіе въ простѣнкахъ въ золоченыхъ рамахъ.—Портреты эти достались намъ еще отъ прадѣдовъ нашихъ.

— Вотъ такого бы королевича дождаться въ женихи! сказалъ Барановскій, разсматривая портретъ какого то молодого польскаго королевича.

Анна спокойно улыбнулась,—можетъ быть Барановскій угадалъ ея мысли.

— Невозможнаго и желать не слѣдуетъ, сказала она помолчавъ съ минуту.

— Да нельзя же вамъ однако выходить замужъ за человѣка простого, какъ всѣ люди! Не знатнаго, не богатаго, да пожалуй еще не только не добравшагося до бригадирскаго чина,—а и вовсе безъ чиновъ.

Анна опять улыбнулась и не вымолвила ни слова. Сильвестръ подошелъ къ шкафчику съ книгами въ комнатѣ Ольги, и не слышалъ этихъ разспросовъ. Кончивъ осмотръ дома, всѣ сошли съ галлереи въ садъ, садомъ прошли въ поле, гдѣ пошли на просторѣ между полями пшеницы, которая налила полные колосья, блестѣвшіе сѣменами, и вся наклонилась къ землѣ. Обѣ сестры пошли рядомъ съ Сильвестромъ, а Барановскій шелъ за ними, поодаль отъ нихъ; Сильвестръ говорилъ, что онъ не надышится этимъ цѣлебнымъ воздухомъ.

— Вѣкъ прожилъ бы въ деревнѣ! Сколько бы время было здѣсь и читать, и написалъ бы много, въ тиши! продолжалъ онъ.

— Для васъ такая жизнь шла бы, вы не замѣтили бы одиночества за своими книгами, сказала Анна, а я бы желала жить между людьми! Только ради отца я согласилась жить здѣсь.

— Отецъ позволитъ тебѣ уѣхать, куда ты по-

желаешь, сказала Ольга,—ему довольно и того что я останусь при немъ.

— А вы не уѣдете отъ отца? спросилъ Ольгу Сильвестръ.

— Нѣтъ! зачѣмъ уѣзжать, когда и здѣсь хорошо! отвѣтила она.

— Да, проговорилъ Сильвестръ задумчиво,—женщины могутъ свободно располагать своей судьбой, не то что мы!

— Ну, не всѣ женщины свободны! возразила Анна.—Но неужели это считается грѣшно, выбрать себѣ занятіе, согласно съ своими желаньями?

— Мы въ академіи не отъ себя зависимъ, говорилъ ей Сильвестръ: насъ для того и воспитывали, чтобъ мы принялись за дѣятельность, которую намъ укажутъ. Да еслибы намъ и позволили выбирать, такъ сами мы должны понимать и идти туда, гдѣ нужна наша помощь.

Сильвестръ попалъ въ свою колею, и все подвигаясь впередъ по межѣ полей, не умолкая высчитывалъ обязанности человѣка. Барановскій слушалъ, слѣдуя за ними молча.

— Умныя дѣвушки, думалъ онъ: стали бы другія слушать его? Этимъ дѣвушкамъ нравятся видно его умныя рѣчи; терпѣливо какъ слушаютъ!

Затѣмъ Барановскій затянулъ потихоньку малороссійскую пѣсню, сперва тихо, чтобы не мѣшать разговорамъ, потомъ все громче, чтобъ

обратить на себя вниманье. Анна обернулась, и пошла съ нимъ рядомъ, Ольга шла впередъ разговаривая съ Сильвестромъ. Барановскій запѣлъ живѣе, онъ переходилъ отъ одной пѣсни къ другой. Анна слушала его смѣясь, а возвратясь домой поблагодарила его за пѣніе, говоря что давно не слышала такого пріятнаго голоса. Барановскому показалось даже, что всегда спокойное лице Анны смотрѣло живѣй и болѣе теплымъ взглядомъ, подъ вліяніемъ его пѣсенъ; она показалась ему еще красивѣй. Такъ проходило время на хуторѣ; то прогулки, то чтенье, а иногда случалось и поиграть въ горѣлки по просьбѣ Барановскаго, который первый затѣвалъ игры съ дѣвушками, вышедшими въ садъ изъ швейной Афимьи Тимофѣевны. По вечерамъ молодежь вмѣстѣ поливала цвѣты.

Какъ ни пріятно было здѣсь Бароновскому, но ему скоро показалось что не достаетъ чего-то; эта хорошая семейная жизнь напомнила ему что-то еще болѣе родное! Онъ заявилъ Сильвестру, что ему пора отправляться на родину, къ своей семьѣ. Всѣ старались удерживать Барановскаго на хуторѣ, особенно хозяинъ очень къ нему привязавшійся; направивъ общія усилія, можетъ быть удалось бы уговорить его остаться, но на эту пору на хуторѣ получили извѣстіе, которое увлекло общее вниманіе въ другую сторону. При

такомъ оборотѣ дѣлъ, Барановскому легче было выбраться съ хутора.

Сержантъ Харитоновъ получилъ извѣстіе о томъ, что мать графа Разумовскаго, находившаяся нѣсколько времени при дворѣ, возвращалась теперь по своему желанію на родину, въ Малороссію, въ городъ Батуринъ, гдѣ жилъ второй сынъ ея графъ Кириллъ Григорьевичъ, выбранный въ гетманы Малороссіи. Проѣзжая черезъ Кіевскую губернію, графиня Разумовская намѣрена была на короткое время остановиться для отдыха въ имѣньи Харитонова, въ его домѣ, о чемъ его и увѣдомляли. Извѣстіе это взволновало семью сержанта. Самъ онъ относился къ этому событію совершенно спокойно, но дочери его, и тетка, взволновались, каждая по своему. Ольга принялась приготовлять все къ пріему знатной гостьи; Анна помогала украшать отведенную для нея комнату, изобрѣтала различныя украшенія и волновалась потому, что ей пришло въ голову, что вотъ представляется единственный случай замолвить словечко о себѣ, просить графиню выхлопотать мѣстечко при дворѣ! Афимья Тимофѣевна одобрила этотъ планъ и обѣщала свою помощь, придавая особенное значеніе своимъ мнимымъ заслугамъ во дворцѣ царицы Прасковьи, въ старые годы.

Барановскій простился съ семьей; всѣ были заняты, только пріятель его Сильвестръ былъ

свободенъ, и могъ проводить Барановскаго, чтобъ пробыть съ нимъ еще нѣсколько часовъ. Онъ помогъ Барановскому собрать и уложить въ кожанный мѣшокъ все его небольшое имущество, и вышелъ съ нимъ со двора хутора; они направились по той же дорогѣ, по которой пришли на хуторъ.

Дорогой Сильвестръ уговаривалъ Барановскаго не запаздывать, пораньше приходить въ академію, по окончаніи каникулъ, чтобы избѣжать возможныхъ непріятностей.

— Не знаю, о себѣ ничего не знаю, а за васъ боюсь; чтобъ вы не зажились здѣсь на хуторѣ. На это есть причины...

— Что за причины? Ты на что намекаешь? Я здѣсь не теряю времени, вы также занимались и готовили себя на будущее поприще; я рано вернусь въ академію.

— Тѣмъ и кончится ваша жизнь на хуторѣ?..

— Чѣмъ же ей еще кончится? спросилъ Сильвестръ удивясь.—Вотъ я могу сказать чѣмъ кончатся твои отлучки изъ академіи. Не вѣчно будутъ прощать тебѣ, прійдетъ конецъ терпѣнью и ты пострадаешь. Ты такъ успѣшно идешь по пути къ служенію церкви, на защиту православія, и самъ собьешь себя съ дороги.

Барановскій махнулъ нетерпѣливо рукой, будто отбиваясь отъ часто слышанной рѣчи. Они проходили въ это время по длинной гати, уса-

женной ивами. Въ концѣ гати гдѣ начинался сухой лугъ, Барановскій остановился у послѣдней развѣсистой ивы, и спустилъ на землю мѣшокъ, который висѣлъ у него черезъ плечо.

— Остановимся здѣсь, сказалъ онъ,—да обговоримъ все, чтобъ вы знали, что есть у меня въ мысляхъ и на сердцѣ. Онъ присѣлъ на свой дорожный мѣшокъ, Сильвестръ стоялъ передъ нимъ.

— Я жалѣю васъ, продолжалъ Барановскій, что вы забираетесь въ древность,—а не видите, что дѣлается около васъ новаго.

— Такова и есть моя цѣль, потому что назначаю себѣ идти по стопамъ отцовъ церкви и ученыхъ Кіевской Академіи. Наши предшественники не щадили себя, когда это было нужно; они распространяли знаніе у себя и далѣе, когда шли на великую Русь того времени; ихъ принимали тамъ какъ враговъ, по невѣжеству не видѣли кто выступалъ на дѣло для ихъ же блага. Но дѣятели наши шли неостанавливаясь, хотя имъ приходилось бороться и сложить свои головы!

— Наши предшественники сдѣлали свое дѣло; слава имъ, и помянемъ ихъ добрымъ словомъ! Но наше время другое, намъ и бороться не съ кѣмъ. Посвящайте себя религіи, если чувствуете къ тому склонность. Но въ наше мирное время, когда не гнетутъ насъ поляки и католики, можно взять и другое дѣло. Есть много и другихъ

дорогъ и вездѣ нужны люди. Москва ужъ давно не враждуетъ съ учеными нашей академіи, и еслибъ я вышелъ изъ академіи, не посвятивъ себя духовному званію, вы ничего не должны говорить противъ этого. Куда бы я ни пошелъ, лишь бы я работалъ и работа моя приносила пользу людямъ.

— Тебѣ, такому одаренному свыше человѣку, стыдно будетъ выйти изъ академіи не кончивши. А твои странствія приведутъ ко вреду тебя и другихъ... горячо возражалъ Сильвестръ.

— Если такъ, то уходите и вы съ хутора скорѣе; вы также можете вредить тутъ.

— Кому? Что тебѣ взбрело на умъ?

— Которой нибудь изъ двухъ дочерей хозяина, Харитонова. Если вы не намѣрены остаться здѣсь навсегда, скажу вамъ прямо—уходите скорѣе. За старшую я не боюсь, она о насъ не подумаетъ; но вторая такъ слушаетъ ваши благочестивыя рѣчи, что готова идти, куда вы ей укажите.

— Я никому не укажу дурного пути, отвѣтилъ Сильвестръ спокойно.

— Хорошо бы было еслибы вы могли идти по этому пути вмѣстѣ, рядомъ...

Сильвестръ смутился и покраснѣлъ отъ такого замѣчанія.

— Прощайте, сказалъ онъ,—пора вамъ идти

дальше, я подумаю о томъ, что вы мнѣ говорите. Прощайте!

— Дай вамъ Богъ надумать что нибудь такое, при чемъ вамъ веселѣе жилось бы на свѣтѣ! Прощайте! кто знаетъ, приведется ли свидѣться опять!

Оба пріятеля дружески обнялись на прощаньи. Они разошлись, каждый по своей дорогѣ. Сильвестръ шелъ домой задумавшись, ему казалось даже, что хуторъ къ которому онъ возвращался теперь смотрѣлъ на него не такъ весело, и что ему будетъ тамъ уже не такъ ловко и свободно: все это было по милости вопроса, брошеннаго ему Барановскимъ.

Барановскій, межъ тѣмъ весело шелъ впередъ, подымался съ луговъ на холмы, засѣянные хлѣбами. Просторъ охватилъ его, такъ легко дышалось, и непріятно было вспомнить увѣщанья Сильвестра, скорѣй вернуться въ душные стѣны города, и академію. Какъ бы онъ странствовалъ еслибъ не былъ связанъ:—и Сильвестръ, подумалъ онъ, скоро почувствуетъ какъ онъ стѣсненъ. А смутился онъ, и странно, въ первый разъ заговорилъ со мной на вы, точно съ начальникомъ, отъ котораго получилъ замѣчаніе. Стефанъ Барановскій шелъ дальше между протянувшимися полями овсовъ и пшеницы, все золотилось, блестѣло на пекущемъ солнцѣ; кой гдѣ зеленѣли холмики, поросшіе деревьями, изъ хлѣ-

бовъ выпархивали тяжелые перепела. въ самомъ небѣ носился ястребъ, протянувъ крылья. Барановскій скоро забылъ Сильвестра и хуторъ, вглядывался все дальше на горизонтъ, гдѣ синѣлся Днѣпръ разстилаясь по лугамъ, — оттуда потянулъ болѣе свѣжій вѣтерокъ. Барановскій позабылъ всѣ заботы и потихоньку затянулъ пѣсню. Онъ былъ хорошій ходокъ, и до полудня успѣлъ сдѣлать не малый конецъ, но не дошелъ до жилья. Онъ подсѣлъ къ полю ржи, вынулъ съѣстные припасы, уложенные ему на хуторѣ, и послѣ завтрака, когда томительно знойный воздухъ клонилъ ко сну,—онъ легъ спокойно около дороги, спрятавъ голову въ высоко растущія травы, и заснулъ. Онъ спалъ долго и крѣпкимъ сномъ, какъ спятъ всѣ утомившіеся пѣшеходы въ степяхъ.

Глава III.

Путешествіе пѣшкомъ не могло быть легко, и не скоро пришлось Барановскому добраться до родного края. Россія и тогда дѣлилась на губерніи, но къ нѣкоторымъ губерніямъ причислялись еще, такъ называемыя провинціи. Городокъ, въ которомъ жила семья Барановскаго, принадлежалъ къ Нижегородской провинціи. Маленькій городокъ смотрѣлъ бѣдно, еще бѣд-

нѣе смотрѣлъ домъ матери, очень устарѣвшій. Онъ былъ окруженъ большимъ дворомъ и огородомъ; въ концѣ огорода, у рѣки, стояла кузница и много разоренныхъ строеній и домиковъ. Это была когда то фабрика его покойнаго отца для выдѣлки желѣзныхъ издѣлій. Къ фабрикѣ его были приписаны и закрѣпощены душъ 30-ть крестьянъ, по правамъ того времени. По теперь всѣ дома около кузницы стояли разорены и пусты; всѣ рабочіе сбѣжали одни за другими въ дальніе края имперіи; они сказывались тамъ не помнящими ни родства, ни помѣщика, и имъ позволялось приписываться къ вольнымъ общинамъ поселенцевъ, которыми старались тогда заселить пустыя окраины степи, тянувшейся на югъ. Поселенцы эти состояли большею частію изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей помѣщиковъ. Они селились, охотно брали на себя новыя подати и повинности, только бы ихъ не высылали на прежнее мѣсто жительства, къ прежнему помѣщику.

При опустѣвшей фабрикѣ Барановскихъ, осталась однако одна семья рабочихъ, и въ кузницѣ никогда не умолкалъ стукъ молота; въ ней съ незапамятныхъ, для Барановскаго, временъ, работалъ пожилой кузнецъ Артемъ, не пожелавшій бѣжать. Онъ остался здѣсь, и крѣпостнымъ по своей волѣ и по привычкѣ къ хозяйкѣ. Хозяйка осталась вдовой, съ тремя дѣтьми, они выроста-

ли подъ защитою кузнеца и кормились его работой. У самого кузнеца уцѣлѣла, отъ всей его многочисленной семьи, одна дочь Малаша, не много чѣмъ моложе старшаго сына хозяина, Стефана Барановскаго. Мать Барановскаго должна была также трудиться для поддержки семьи своей: она весь день шила, садила въ огородѣ, сбивала масло и готовила кушанье, все съ помощію Малаши. Малаша и отецъ ея пользовались удобствами жизни на равнѣ съ семьей, которую они поддерживали своей работой. Въ праздникъ Малаша уходила водить хороводы съ дѣвушками городской слободы, а хозяйка ея Марфа Ивановна Барановская сидѣла у воротъ и смотрѣла на меньшихъ братьевъ Стефана Барановскаго, игравшихъ въ бабки. Такъ шла жизнь семьи нѣсколько лѣтъ сряду. Лѣтомъ они всегда поджидали къ себѣ Стефана, и Марфа Ивановна говорила:—что нѣтъ въ городѣ молодца — лучше ея Степушки.—И вѣстимо что такъ, подтверждала слова ея Малаша. Отецъ ея усмѣхался молча, говоря себѣ самому:—кому же быть лучше сынка родного! Такъ Барановскій заставалъ всегда свою семью въ сборѣ, когда приходилъ въ праздникъ; только Артемъ стучалъ одинаково своимъ молотомъ и въ будни и въ праздникъ. Въ послѣднее лѣто Барановскому предстояло найдти большую перемѣну въ семьѣ. Также встрѣтили его братья и матушка, также слышенъ былъ стукъ молота,

но не видно было Малаши, къ которой онъ привыкъ, какъ къ сестрѣ. Барановскій подошелъ къ воротамъ дома, издали махая всѣмъ шапкой. Онъ сбросилъ съ плечъ дорожный мѣшокъ и сѣлъ на заваленку дома подлѣ матери, обнявшей его со слезами. Братья вертѣлись около него, заглядывая къ нему въ глаза.

— Поди позови Артема, послала мать одного изъ мальчиковъ,—пусть онъ посмотритъ на хозяина. Артемъ пришелъ, все такой же сильный, рослый, со всклоченными волосами и съ молотомъ въ рукахъ, съ засученными рукавами до локтей. Онъ радовался и усмѣхался глядя изъ подлобья на выращеннаго имъ хозяина.

— Посмотри, какой онъ сталъ молодецъ! говорила Марфа Ивановна.

— Здорово, хозяинъ! Должно быть попилъ ты дорогою! Ишъ ты какой, налитой.

— Съ чего ты взялъ! Когда жъ онъ пилъ у насъ?...

— Когда малъ былъ не пилъ, а теперь другое дѣло. Развѣ былъ бы онъ такой красокъ безъ вина.

За шутками и объятіями Барановскій едва могъ вставить свое слово и спросить накопецъ:—да гдѣ-же Малаша?

— Вамъ это неизвѣстно, такъ какъ некому отписать вамъ было, отвѣтилъ кузнецъ:—а Малаша, благодаря Бога, замужъ выдана.

— Сосватана что ли? живо спросилъ Барановскій вскочивъ на ноги.

— Нѣтъ, — она замужемъ, обвѣнчана, слава Богу! проговорили въ одинъ голосъ и кузнецъ и Марфа Ивановна.

— Кто выдалъ? Насильно выдали? разспрашивалъ Барановскій.

— Кто-бъ ее насильно выдалъ; согласилася, почти что не противившись! возразилъ ему кузнецъ Артемъ, не замѣчая, что молодой хозяинъ такъ воззрился въ него, будто собирался на него кинуться за его безтолковый отвѣтъ.

— Полуумный ты, полуумный! проговорилъ Барановскій,—да ты хоть бы у меня спросилъ прежде объ этомъ!

— Не гнѣвись, вступилась Марфа Ивановна:— мы тебѣ писали, да не дошла видно грамотка! Безъ тебя точно бы не слѣдовало отдавать дѣвку замужъ: ты ея хозяинъ и въ совершенномъ возрастѣ; а у тебя теперь одной крѣпостной меньше!

— Виноватъ, не подумалъ: надо было хозяина подождать! говорилъ кузнецъ, соболѣзнуя о своей ошибкѣ.

— Вотъ о чемъ толкуютъ! сказалъ Барановскій, и опустился на свое мѣсто молча; онъ подавилъ свой гнѣвъ. Нечего было толковать съ ними, они не могли понять о чемъ онъ горевалъ теперь. Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ.

— Что же, спросилъ онъ, стараясь говорить спокойно:—гдѣ она теперь, матушка? Не погубили вы дѣвушку?

— Маленько ошиблись! повинился отецъ Малаши.—Я ей этого жениха нашелъ; человѣкъ онъ ловкій, умный, да помѣщикъ у него не хорошъ. Отъ барина ихъ почти всѣ люди бѣгутъ. Малаша еще не видѣла барина, но скоро ждутъ его изъ другой вотчины. Она пока при мужѣ работаетъ, каждый праздникъ ее ко мнѣ пускаетъ. Вотъ скоро прійдетъ.

Барановскій, понуривъ голову, слушалъ не веселую исторію Малаши, считавшейся почти сестрой въ дѣтствѣ.

— Что вамъ вздумалось, матушка, выдавать ее не вѣсть за кого! спросилъ онъ мать.

— Артемъ очень упрашивалъ, человѣкъ ему хорошъ показался, я не могла отказать! отвѣтила слезно мать,—хотя и трудно мнѣ было съ нею разстаться и нѣтъ мнѣ теперь безъ нея помощи.

Барановскій видѣлъ, что Марфа Ивановна отняла у себя Малашу ради желанья и просьбъ ея отца, ради своей постоянной доброты и благодарности къ этому вѣрному помощнику, не покинувшему ея даже, чтобъ искать воли. Барановскій не могъ ничего больше сказать ей въ упрекъ.

— Полуумный! повторилъ онъ про себя, глядя на Артема.

— Да вотъ она и сама! обрадовался отецъ.

Малаша почти бѣжала къ нимъ по улицѣ, торопливо и мелкими шажками. Увидѣвъ Барановскаго, она стала на мѣстѣ, будто дивясь его внезапному появленію, и вдругъ весело разсмѣялась. Смѣхъ ея облегчилъ душу Барановскому; храни Богъ онъ увидѣлъ бы ее плачущую, но она смѣялась по прежнему. Хотя не высокая, но крѣпко сложенная, съ вьющимися какъ у отца ея волосами, покрытыми алымъ платочкомъ,—Малаша очень походила на отца; разница была въ томъ, что она казалась очень не дурна, тогда какъ отецъ ея, могъ скорѣе пугать нежели нравиться. Оживленный ея весельемъ Барановскій пошелъ къ ней на встрѣчу поздороваться, и обнялъ ее по братски; но потомъ невесело глянулъ на нее.

— Что то пасмуренъ, сказала Малаша;—вѣстимо, съ дороги! Не отдыхалъ еще хозяинъ?

— Теперь ужь не хозяинъ, проговорилъ ей Барановскій:—ты зачѣмъ замужъ вышла!

— Такъ отецъ велѣлъ, сказалъ: надо тебѣ идти! Со мной, говоритъ, вѣкъ не изживешь; одежи себѣ больше не наживешь, пока я живъ при мнѣ иди. Человѣкъ вишь хорошъ ему показался.

— А тебѣ какъ онъ показался?..

— Мнѣ ничего. Пока не обижаетъ; да жизнь у нихъ за помѣщикомъ больно тяжкая, всѣ из-

велись. Все повытянули у нихъ, ничего завести нельзя: поборы отъ своихъ и отъ чужихъ, пріѣзжающихъ, да еще мучаютъ...

— Глупо ты сдѣлала, что безъ меня вышла замужъ! сказалъ Барановскій.

— Вѣстимо. Тебя бы имъ подождать надо было.

Она опять засмѣялась. Правда, смѣхъ былъ у нея привычкой, но все же какъ видно было, она не тужила, если и не радовалась своему замужеству.

— Тебѣ не надо ли что вымыть, хозяинъ? спросила она, забирая въ руки его дорожный мѣшокъ: не отнести ли это въ домъ?

— Отецъ отнесетъ; а ты садись, да поразскажи о себѣ, сказалъ Барановскій.

Малаша исполнила приказаніе и сѣла подлѣ него, сложивъ на колѣняхъ свои смуглыя руки. Барановскій смотрѣлъ на нее, что-то обдумывая. Марфа Ивановна пошла въ домъ, приготовить позавтракать сыну.

— На недѣлѣ будетъ праздникъ, говорила Малаша,—я прійду все вымою и перечиню тебѣ поскорѣе, хозяинъ.

— Зачѣмъ спѣшить, я здѣсь проживу не мало.

— Да мнѣ надо скорѣе кончать все; я тебѣ послѣ скажу отъ чего... Какъ ты мнѣ посовѣтуешь въ нашемъ дѣлѣ? А теперь пойду къ хозяйкѣ матушкѣ.

Они пошли къ матушкѣ и очень кстати. Она

хлопотала, готовила, приносила все чѣмъ угостить сына, и безъ Малаши долго бы не собрала всего, что казалось ей нужно.

Когда всѣ, наконецъ сидѣли у стола за завтракомъ, а Малаша подавала и помогала всѣмъ, она тутъ же передавала разныя неутѣшительныя подробности изъ быта крестьянъ у ея новаго помѣщика: у кого отняли коровъ за недоимки, кто былъ битъ, и кто сидѣлъ въ подвалѣ.

— И зачѣмъ это не попалъ молотъ кузнецу въ голову, прежде чѣмъ онъ вздумалъ выдать дочь, къ такому помѣщику! думалъ про себя Барановскій.

Замужество Малаши отуманило всю его ра дость возвращенія на родину. Безъ Малаши въ домѣ было пусто, а Марфѣ Ивановнѣ хлопотъ было черезъ силу; все было ветхо, и домъ, и постройки въ огородѣ теперь опустѣли.

Не бросить ли академію? подумывалъ онъ,—я могъ бы заработать денегъ для матери... Да! Но чего-же будетъ стоитъ мое образованіе, если оно будетъ не кончено? Боюсь, никуда нельзя будетъ сунуться. Вотъ нельзя ли на каникулы попробовать? Посмотрѣлъ бы Москву, и Петербургъ... Ноги мои все вынесутъ!—такія мысли возникали часто въ головѣ Барановскаго.

Попасть въ Москву и въ Петербургъ было съ нѣкотораго времени постояннымъ стремленьемъ Барановскаго. Во время его прошлогоднихъ странст-

вій на каникулы по городамъ и по ярмаркамъ Нижегородской губерніи, онъ нашелъ и купилъ себѣ нѣсколько театральныхъ пьесъ того времени: одну трагедію Сумарокова, и переводы изъ Мольера, и еще нѣсколько пьесъ; однѣ въ рукописи, другія же напечатанныя. Пьесы эти заинтересовали его какъ первыя пьесы, которыя онъ нашелъ на русскомъ языкѣ; онъ не только прочелъ ихъ по нѣскольку разъ, но запомнилъ, затвердилъ наизустъ нѣсколько монологовъ, и находилъ особенное удовольствіе декламировать ихъ, не смотря на тяжелый негибкій стихъ того времени. И когда дошелъ до него слухъ, что пьесы Сумарокова разыгрывались въ Петербургѣ въ шляхетскомъ корпусѣ и при дворѣ государыни,—съ тѣхъ поръ имъ овладѣло желаніе пробраться туда и послушать хоть одно изъ этихъ представленій. Вообще его вкусъ направился въ эту сторону; онъ старался отыскивать всѣ пьесы Сумарокова, жалѣлъ, что не могъ читать на иностранныхъ языкахъ, зная хорошо только древніе языки. За то онъ принялся въ академіи за греческіе трагедіи Софокла и задумывалъ даже перевести ихъ на русскій языкъ. Но неужели, думалъ онъ, найдутся у насъ люди, которые съумѣли-бы представлять эти трагедіи? И хорошо ли играютъ пьесы Сумарокова? Онъ начиналъ самъ читать про себя какой нибудь монологъ изъ трагедій Сумарокова, и потомъ, забывшись,

читалъ уже вслухъ. Затѣмъ, сосредоточиваясь на своемъ монологѣ, онъ такъ входилъ въ смыслъ рѣчи и въ жизнь говорящаго лица, что не могъ не принять особеннаго подходящаго къ словамъ положенія, позы, какъ сказали бы въ наше время; за тѣмъ слѣдовали взмахи руки, и восклицанья. Не разъ случалось, что Марфа Ивановна пріотворивъ дверь его помѣщенія спрашивала кого ты кличешь, Степа? Пристыженный Барановскій приходилъ въ себя, и увѣрялъ, что онъ кликалъ брата, чтобъ попросить принести воды или прикрывалъ чѣмъ нибудь другимъ свои возгласы, чтобъ не признаться, что онъ кричалъ только ради своего удовольствія. Къ его счастію, голосъ его доносился очень рѣдко къ живущимъ въ домѣ, потому что самъ онъ помѣщался въ одной изъ пустыхъ построекъ на огородѣ,—съ окнами, выходившими къ рѣкѣ. Постройка окружена была грядами капусты и маку, а подъ окнами разрослись высоко кусты шиповника, закрывавшіе его отъ любопытства проходящихъ. Въ этомъ далекомъ отъ всѣхъ помѣщеніи, Барановскій въ первый разъ еще давалъ полную свободу своей склонности къ декламаціи вслухъ любимыхъ монологовъ.

— Хорошо быть актеромъ говорилъ онъ себѣ съ увлеченіемъ. — Если чтеніе его хорошо, онъ овладѣетъ всѣми, кто его слушаетъ, и всѣ хорошія высокія мысли, они унесутъ съ собою

въ жизнь, въ ея ежедневное обращеніе! Но вступи я въ актеры, никто изъ моихъ пріятелей въ Кіевѣ не призналъ бы это за трудъ, и подвигъ, хотя я отдалъ бы душу на это дѣло?

Барановскій разсуждалъ вѣрно. Съ тѣхъ поръ какъ вышли изъ обычая представленія въ церквахъ, такъ называемыхъ „Мистерій“ въ которыхъ знакомили народъ съ событіями изъ жизни Христа, или изъ библіи, съ тѣхъ поръ какъ представленія начали почерпать содержаніе изъ жизни настоящаго,—они потеряли уваженіе въ стѣнахъ академіи, и среди большинства общества. На нихъ смотрѣли какъ на праздничныя, и ярморочныя забавы. Тѣхъ кто участвовалъ въ такихъ представленіяхъ называли: лицедѣями. Если и въ наше время талантъ артиста рѣдко открываетъ ему доступъ въ высшіе слои общества, то можно предположить, какъ смотрѣло на актера большинство того времени. Въ низшихъ слояхъ считали грѣхомъ такого рода развлеченія. Высшіе слои смотрѣли на положеніе лицедѣя, какъ на положеніе шута, не приносящее, сверхъ того, ни чиновъ ни богатства, ради которыхъ считалось бы еще возможнымъ вступить на этотъ путь. Барановскій получилъ другія понятія, онъ былъ знакомъ со взглядомъ древнихъ на искусство и зналъ какъ оно уважалось. Ему не разъ приходило въ голову испытать свои способности на этомъ поприщѣ, и онъ

принялся теперь за это испытаніе на просторѣ, у матери, гдѣ у него былъ полный досугъ и полная воля. Разъ какъ-то послѣ полудня, когда всѣ обитатели городка засыпали непробуднымъ сномъ, отдыхая отъ работъ дневныхъ, а на улицахъ было такъ пусто, какъ въ улицахъ какого нибудь древняго городка откопаннаго изъ подъ лавъ Везувія, подъ которымъ онъ скрывался цѣлыя столѣтія,—разъ въ эту тихую пору дня, Барановскій предался своему занятію. Онъ уже настолько опредѣлилъ свои планы въ будущемъ, что началъ учить рѣчи отдѣльныхъ лицъ изъ трагедій Сумарокова, короче: начиналъ уже приготовлять роли, какъ сказали бы въ наше время. Онъ разучивалъ роль „Гамлета“ изъ трагедіи Сумарокова „Гамлетъ“, пьэса, которую онъ написалъ скоро послѣ своей трагедіи „Хоревъ“ изъ русской исторіи. „Хоревъ“ была та пьэса, представленіе которой въ шляхетскомъ корпусѣ, доставило первую извѣстность Сумарокову.

Стефану Барановскому по душѣ приходились нѣкоторыя строфы изъ Гамлета, и онъ читалъ ихъ съ большимъ одушевленіемъ. Онъ декламировалъ громче и громче, не замѣчая, что дверь пріотворилась, и на порогѣ появилась Малаша, всматриваясь въ него пока онъ произносилъ:

„Умри... но что потомъ въ несчастной сей странѣ,
Подъ тяжкимъ бременемъ народъ речетъ о мнѣ?

— Степанъ.. окликнула его Малаша, дѣлая ему знакъ, чтобы онъ замолчалъ.

Не сразу приходя въ себя, онъ тихо спросилъ лаша? ко мнѣ?

— Вѣстимо, проговорила она обычный свой отвѣтъ.

— Что-же пришла за совѣтомъ?.. разскажешь, что обѣщала сказать?

-- Все объ одномъ. Теперь больше не о чемъ говорить: одно дѣло спѣшное.

Въ ея словахъ и голосѣ была тревога, которая перешла и на Барановскаго; онъ тоже заговорилъ чуть не шопотомъ.

— Иди сюда, запремъ дверь, и никто тебя не увидитъ, говорилъ онъ тихо.

— Кому увидать! Некому! У насъ на дворѣ всѣ спятъ, позакрыли уши подушками, и у васъ тоже. И отецъ и тотъ спитъ, пересталъ стучать молотомъ,—разсказывала Малаша, садясь подлѣ Стефана Барановскаго, но отодвигаясь изъ уваженія къ хозяину па самый край скамьи. Она начала сообщать ему свою тайну; тайна была не малая.

— Видишь-ли, объяснила она: съ каждымъ днемъ пошло хуже, помѣщикъ всѣхъ забиваетъ, всякій за себя боится, и порѣшили всѣ, чтобъ бѣжать отъ него. Всѣхъ насъ душъ до двадцати, всѣмъ надо подняться вмѣстѣ. Если кто останется, тому житья не будетъ: будутъ ихъ до-

прашивать, куда бѣжали. У кого есть малые дѣти, тѣ понаходили себѣ мѣста, гдѣ спрятаться пока розыски утихнутъ. А мы поплывемъ по Волгѣ къ Астрахани. Я зайду будто не нарочно, съ отцомъ проститься, и съ вами со всѣми....

— И не жаль тебѣ насъ покидать?—говорилъ Барановскій, блѣднѣя при мысли на какую опасность она шла, и такъ спокойно шла.

— Жалѣю всѣхъ, очень жалѣю; да нельзя отъ мужа, отъ Бориса, отстать. Если-бы остаться мнѣ на время, — такъ на меня накинутся пытать про мужа.

Барановскій успѣлъ уже узнать ея мужа, Бориса, ловкаго й неудержимаго человѣка; ему было совершенно ясно, что Борисъ затянется и пропадетъ въ исканьи желанной воли, и вмѣстѣ съ собой онъ погубитъ и Малашу. Она прилѣпится къ нему по обязанности, и какъ малое дитя не зная опасностей.

— Тебѣ бы остаться, Малаша, толковалъ онъ ей, спрятаться съ другими,—а потомъ я бы увелъ тебя съ собою.

— Ты бы увелъ? спросила она внушительно.— Да если я съ тобой пойду, такъ отецъ дастъ мнѣ своимъ молотомъ...

— Твой отецъ не смыслитъ ничего. Онъ не зналъ, что я и самъ не прочь былъ отъ того, чтобы на тебѣ жениться, еслибъ тебя не выдали

замужъ! высказалъ ей Стефанъ Барановскій, самъ не зная, какъ это у него вырвалось.

— Что ты говоришь! Одно то что ты хозяинъ, а еще говорятъ что ты въ монахи пойдешь, архиреемъ будешь! возражала ему Малаша съ серьезнымъ видомъ.

— Я-то архиреемъ?.. Легко сказать! проговорилъ Барановскій, невольно усмѣхаясь:—развѣ это легкое дѣло дойти до архирейскаго сана?

— Отецъ такъ говорилъ, право! и тебѣ жениться нельзя.

— Вотъ какъ! это еще неизвѣстно! Никто не можетъ знать чѣмъ я буду, и какая будетъ у меня работа. А ты вотъ уйдешь, и ужъ никогда намъ больше не видать другъ друга! Останься! просилъ и уговаривалъ Барановскій.

Малаша молчала, понуривъ голову и слезы навернулись на веселыхъ прежде глазахъ.

— Ты не говорила отцу?—спросилъ Барановскій.

— Говорила.

— Чтожъ—онъ? Не останавливаетъ?

— Нѣтъ, говоритъ, одно дѣло,—бѣжать надо' спасаться; и другимъ поможете, какъ дружно съ ними возьметесь.

— Ужъ таковъ кузнецъ былъ всю свою жизнь! подумалъ Барановскій. И дочь похожа на отца. Оба они готовы трудиться, чтобъ спасать нашихъ сирыхъ! Они трудъ и терпѣнье въ живѣ воплощенные!

Малаша прервала его думу.

— Прощай пока, сказала она.—Еще зайду может быть.

— Погоди сказалъ онъ и вынувъ свой небольшой запасъ денегъ онъ хотѣлъ отдать ей половину, но она упрямо отказывалась, говоря: отдай лучше матушкѣ. Онъ едва принудилъ ее взять хоть небольшую часть, и крѣпко обнялъ ее на прощаньи; они разстались не безъ слезъ. Онъ проводилъ ее до воротъ, вернулся въ свое помѣщеніе; и сѣлъ у стола,, облокотясь на него. Онъ началъ перелистывать и читать свою тетрадь, немного погодя, онъ тихо прочелъ дальше тѣ строфы изъ Гамлета, на которыхъ остановило его появленіе Малаши, и кончилъ на словахъ:

Нельзя мнѣ умереть,—исполнить надлежитъ,
Что совѣсти моей днесь истина гласитъ!

Въ раздумьѣ оставилъ онъ тетрадь свою и вышелъ побродить въ саду и въ огородѣ. Онъ рѣшилъ, что уйдетъ отсюда скоро послѣ бѣгства Малаши, а можетъ быть и прежде, и пошелъ переговорить съ матерью о своемъ отъѣздѣ. Голосъ ея слышался во дворѣ, она скликала свою домашнюю птицу.

Вотъ жизнь ея! всегда въ трудѣ! Уйду можетъ быть мнѣ удастся и для нея что нибудь заработать.

Черезъ нѣсколько дней по городу пошелъ слухъ о томъ, что у помѣщика Подковцева сбѣ-

жали всѣ его крестьяне; дѣлали розыски въ окрестности, дѣлали розыски въ домѣ Марфы Ивановны, по родству Малаши съ кузнецомъ Артемомъ,—конечно никого нигдѣ не оказалось. Подковцеву не удалось вернуть ни одного изъ своихъ крестьянъ, дома ихъ опустѣли, поля остались не убраны. На слѣдующій годъ онъ подалъ заявленіе:—что платить податей не можетъ; такъ какъ всѣ дворы крестьянъ опустѣли, работать и платить было не кому.—Заявленія такого рода бывали не рѣдко въ то время.

Немного спустя послѣ этого происшествія, и послѣ обыска въ домѣ Марфы Ивановны, Барановскій ушелъ съ мѣста родины, давъ обѣщаніе матери зайти къ ней осенью, на обратномъ пути въ Кіевъ. Цѣль пути Барановскаго—былъ Петербургъ, какъ мы сказали, но случайность привела его къ другой, лучшей для него цѣли, и онъ не добрался до Петербурга въ это лѣто, къ его счастію, потому что средства его были не велики, а въ Петербургѣ у него не было ни одной знакомой души.

Онъ ушелъ отъ матери въ концѣ іюля, и даже ко всему привыкшій Барановскій начиналъ томиться отъ зноя стоявшаго надъ Нижегородскими лѣсами и болотами, гдѣ дороги были пустынны и небезопасны. Онъ спѣшилъ снова повернуть къ Волгѣ, раздумывая проѣхать на баркѣ водою, хотя и пришлось-бы на время взять

какую нибудь должность на баркѣ, еслибы не чѣмъ было уплатить хозяину. Онъ взялъ мѣсто на баркѣ плывшей въ Ярославль, оттуда хозяинъ барки намѣренъ былъ сплавить грузъ свой съ мѣшками муки, водою же, до Петербурга. Барановскій обрадовался, и рѣшился не отставать отъ этого торговца до Питера. Не успѣлъ онъ еще сойтись съ торговцемъ, предложивъ ему свои услуги вести счетъ и книги при продажѣ и покупкѣ хлѣба,—какъ уже всѣ планы его измѣнились вслѣдствіе нечаяннаго знакомства.

Онъ встрѣтилъ на баркѣ одного ярославскаго купца, который возвращался домой, случайно они разговорились съ нимъ. Купецъ очень хвалилъ свой городъ, разсказывалъ о его диковинкахъ, и особенно хвалился тѣмъ, что въ Ярославлѣ устроился театръ и даются представленія; что есть тамъ даже труппа актеровъ, чего не было еще нигдѣ въ Россіи, только развѣ въ одномъ Петербургѣ, что всѣ эти диковинки устроилъ тамошній житель, купеческій сынъ, Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Барановскій и прежде слышалъ о Волковѣ; теперь случай представлялъ возможность попытать счастья въ его труппѣ, или повидать его, остановившись въ Ярославлѣ. Оставалось хорошенько разспросить ярославскаго фабриканта: возможно ли выполнить этотъ планъ, а для этого всего лучше было бы угостить его пивомъ или

наливкою, которые онъ пилъ, какъ было видно, охотно. При первой остановкѣ барки, Стефанъ Барановскій сбѣгалъ на берегъ и принесъ бутылку наливки изъ городского трактира. Онъ пригласилъ фабриканта роспить съ нимъ эту бутылку, продолжая снова говорить съ нимъ о Волковѣ. Фабрикантъ снова хвалилъ его, передавалъ подробности о томъ, какъ Ѳедоръ Григорьевичъ назначался своимъ вотчимомъ служить въ Петербургѣ при торговой конторѣ; а между тѣмъ у него явилась страсть къ театру, послѣ того, какъ онъ видѣлъ тамъ хорошую игру придворной труппы.

— И сколько же у Ѳедора Григорьевича теперь актеровъ? спрашивалъ Барановскій.

— Порядочное число; все изъ его пріятелей, онъ ихъ уговорилъ, сообщалъ фабрикантъ.

— Что-жъ они, получаютъ отъ него годовую плату, или какія другія условія? спросилъ опять Барановскій.

— Да вы что-жъ такъ разспрашиваете? Вѣдь это должно быть не даромъ... замѣтилъ вдругъ фабрикантъ:—не даромъ вы меня угощаете, не желаете ли, чтобъ я порекомендовалъ васъ Ѳедору Григорьевичу?

Барановскій смутился на минуту, видя, что тайна, съ которою онъ такъ долго прятался, выступала вдругъ такъ открыто наружу; но онъ

справился съ собой и ловко воспользовался предложеніемъ.

— Я очень желалъ бы познакомиться съ Волковымъ, сказалъ онъ:—о немъ я слышалъ много хорошаго.

— Какъ же; о немъ только и говорятъ одно хорошее. При немъ есть и еще хорошіе люди. Афанасій Ивановичъ Нарыковъ, напримѣръ, какой человѣкъ! Молодой, а какъ свѣдущъ во всемъ, ловокъ! Онъ вѣдь сынокъ нашего протоіерея, спачала только ради пріятельства съ Волковымъ согласился представлять у него на театрѣ; а теперь видно, уже по собственной охотѣ продолжаетъ. Страсть къ этому обуяла, вотъ грѣхи какіе! Изъ семинаріи вышелъ, въ лицедѣи пошелъ?

— Что-жъ за грѣхи? Вамъ развѣ не нравятся эти представленія?

— Очень нравятся посмотрѣть на нихъ; часто хожу смотрѣть. Ну, а играть,—сыну моему я бы не позволилъ; это только баловство одно; для этого да дѣла бросать.

— Каждому свое дѣло. Вотъ вы теперь видѣли и знаете такія пьесы, которыхъ бы вы никогда не прочитали.

— Для насъ Федоръ Григорьевичъ много сдѣлалъ удовольствія, для всего города, надо ему честь отдать. На свой счетъ зданіе выстроилъ, а мало ли еще расходовъ? Плата за мѣста не

дорогая, не оплатитъ затратъ его. По благодушію своему старается, всѣ мы ему благодарны!

— Такъ и выходитъ, что дѣло его благое, доказывалъ Барановскій:—отчего же вы не дозволили бы сыну заняться имъ?

— Вы это дѣло горячо что-то принимаете къ сердцу! Вы, надо полагать, сударь, желаніе имѣете пристать къ нимъ...

— Нѣтъ, что вы! А правда, хотѣлъ бы я найти у нихъ работу на каникулы.

— Изъ семинаріи вы должно быть?

— Да, отвѣтилъ Стефанъ Барановскій,—изъ семинаріи. Я могъ бы пьесы имъ переписывать, и перевести бы могъ съ греческаго, съ латыни.

— Ученый человѣкъ-съ! И деньги желаете заработать, это понятное дѣло.

— Я еще не кончилъ курсъ въ семинаріи и не могу пристать къ Волкову. Да и гдѣ мнѣ играть, какъ у него играютъ; хотя я и знаю много пьесъ наизустъ.

— Неужели? И сейчасъ, стало, можете эдакъ прогремѣть что нибудь? Попробуйте!.. для васъ это не трудно, а ужъ я какъ люблю. Время то и пройдетъ кой-какъ, пока до нашего города доберемся. А мнѣ на водѣ тоска, заняться нечѣмъ. Ну, для меня!

Барановскій согласился, чтобы задобрить фабриканта, прочесть ему и продекламировать что нибудь. Къ тому же изъ простодушнаго суда это-

го любителя, онъ могъ узнать подходитъ ли его чтеніе къ тому, какъ играютъ въ труппѣ Волкова.

— Извольте, для васъ радъ служить, постараюсь что нибудь припомнить.

Барановскій приблизился къ борту барки, и простоялъ нѣсколько минутъ собираясь съ духомъ; припомнивъ одинъ изъ знакомыхъ ему монологовъ, онъ началъ сначало тихо и спокойно:

— Забавы, счастье,—проходятъ такъ какъ тѣнь,
И весь нашъ краткій вѣкъ минется такъ какъ день;
А если въ животѣ мы чѣмъ себя прославимъ,
Мы имя симъ свое надолго жить оставимъ.

— От-лично! от-лично батюшка! восклицалъ фабрикантъ разстановочно; — вотъ точно, какъ нашъ Нарыковъ! Только тотъ любитъ по-громче и руками эдакъ взмахиваетъ. Да и вы можете громче, у васъ вѣдь сила—голосъ; да и пріятный какой... Прочтите сначала. Какъ хорошо: забавы, счастье—проходятъ! читалъ самъ фабрикантъ растроганный и голосомъ Барановскаго, и настроенный чувствительно выпитымъ виномъ.

Барановскій продолжалъ:

Не вѣчно въ свѣтѣ жить, родится человѣкъ,
Но вѣчно будетъ тотъ, иль очень долго славенъ,
Кто въ злополучіи и счастіи былъ равенъ.

— Хорошо, хорошо это высказано, говорилъ фабрикантъ, отирая со лба капли пота и вмѣстѣ тихонько смахивая набѣжавшую слезу.—Вамъ надо прямо къ Федору Григорьевичу Волкову поступать; погодите, я самъ и свезу васъ къ нему, онъ меня знаетъ. А пока у меня въ домѣ проживете нѣсколько деньковъ, вмѣстѣ проведемъ и прочтете намъ еще что нибудь.

— За предложеніе благодарю и не откажусь. Одинъ я какъ въ лѣсу буду въ новомъ городѣ, не скоро отыщу.

— Ну а теперь за мои будущія услуги прочтите что нибудь, и вамъ веселѣй будетъ... просилъ любитель сильнаго чтенія.

Барановскій былъ теперь въ томъ состояніи духа, когда человѣкъ взволнованный удачей и надеждами легко соглашается на просьбы. Онъ началъ читать, и перечиталъ почти все, что зналъ изъ разныхъ извѣстныхъ въ ту пору пьэсъ. Забывая о слушателѣ онъ увлекся наслажденьемъ, которое находилъ самъ въ декламаціи размѣренныхъ строфъ, которыя влекли его какъ пѣнье или музыка; наслажденіе это удвоивалось прекраснымъ видомъ на рѣку, къ которой онъ обернулся лицемъ, и голосъ его сливался съ гуломъ волны, шумѣвшей будто въ тактъ съ его чтеніемъ, прибоемъ у берега. Барановскій долго бы могъ предаваться этому удовольствію, если бы два новыхъ обстоятельства не помѣшали ему, и

не прекратили чтенія. Во первыхъ, къ баркѣ подплывали двѣ большихъ очень длинныхъ лодки, въ родѣ старинныхъ расшивовъ, наполненныхъ народомъ. На баркѣ началась тревога; рабочіе переклпкались съ береговыми бурлаками, тянувшими барку; побѣжали будить хозяина. Дѣло въ томъ, что барки на Волгѣ были далеко не безопасны отъ разбойниковъ, разъѣзжавшихъ и жившихъ на ней въ тѣ времена, какъ не безопасны были отъ нихъ и всѣ пути Россіи. Эти шайки разбойниковъ составлялись изъ тѣхъ же бѣглыхъ крестьянъ, скрывающихся отъ ревизіи, на которую смотрѣли съ особеннымъ недовѣріемъ, или изъ крестьянъ пробиравшихся на поселеніе на окраины Россіи. Скрываясь отъ поисковъ, не имѣя возможности что нибудь заработывать, они прибѣгали къ грабежу на большихъ дорогахъ, сперва чтобъ обезпечить свое существованіе, а подъ конецъ, — потому что привыкали къ этой дикой и не человѣческой жизни. Такими толпами бродягъ полны были муромскіе лѣса, и такіе же на все готовые, оторвавшіеся отъ общества люди, разъѣзжали по Волгѣ и среди бѣлаго дня высматривали, нельзя ли пограбить барку, нагнавъ ее къ ночи. Двѣ лодки съ такими брогягами показались не вдалекѣ отъ барки, на которой плылъ Барановскій. Все переполошилось, всѣ бѣжали къ борту барки, стоя на которомъ Барановскій только что прекратилъ чтеніе, звучно

разносившееся по водѣ. Онъ замолкъ и въ толпѣ затерялся его слушатель ярославецъ. Но пробираясь за нимъ сквозь толпу рабочихъ, Барановскій встрѣтилъ новое лице, котораго не замѣтилъ прежде на баркѣ. Это былъ сторожъ при кіевской академіи и сторожъ церкви Печерской Лавры, старикъ Антонъ, хорошо знакомый всѣмъ ученикамъ академіи. Это былъ старикъ сутуловатый и подслѣповатый, но юркій, бодрый и любившій всюду всматриваться.

— Ты какъ попалъ сюда, отецъ Антонъ? спросилъ его, кланяясь ему, Барановскій.

Хитрый и пронырливый старикъ засыпалъ Барановскаго нескончаемыми привѣтствіями, прежде чѣмъ принялся объяснять, какъ очутился онъ здѣсь; дѣло было въ томъ, что онъ отпросился на богомолье и ѣхалъ въ Соловецкій монастырь.

— Я тебя, Стефанъ, давно примѣтилъ, говорилъ онъ, значительно сжимая губы, и хитро прищуривая узкіе, полоской прорѣзанные глазки.—Я тебя видѣлъ, когда ты еще бѣгалъ за виномъ на берегъ. Хотѣлъ подойти, да ты занялся съ какимъ то купцомъ, кажется, по одежѣ его судя. Какъ началъ ты ему читать что-то, да выкрикивать, ну, думаю, пусть его забавляется! Вѣдь ты мастеръ у насъ людей морочить! Онъ то не подумаетъ теперь, что ты въ монахи готовишься, чай Богъ знаетъ за кого принялъ.

Стефанъ Барановскій примолкъ, не зная что

сказать этому опасному свидѣтелю его представленій, притомъ любившему выслужиться, сплетничая начальству.

— Меня матушка послала по своимъ торговымъ дѣламъ въ Ярославль; а оттуда я скоро поворочу въ Кіевъ, прежде тебя тамъ буду, увѣрялъ онъ сторожа.

Пока шелъ ихъ разговоръ, рабочіе на баркѣ вооружались дубинками и кольями; они повалили всѣ къ борту, и увлекли съ собой богомольца, подслѣповатаго Антона сторожа.

Лодки поравнялись съ баркой; на нихъ было множество народу, онѣ катили бойко на шести, и на двѣнадцати веслахъ; всѣ онѣ были глубоки, и часть людей сидѣла или лежала на днѣ ихъ. Виднѣлись все черныя, загорѣлыя лица, обросшія длинными бородами и волосами.

Въ рукахъ у нихъ виднѣлись у кого ружья, у кого дубины, кой гдѣ блестѣли косы и топоръ. На днѣ лодки одни спали спокойно протянувшись, другіе лежали, облокотясь о бортъ съ кистенемъ въ рукахъ. Тутъ-же виднѣлись женщины опрятно одѣтыя, изъ которыхъ нѣкоторыя укачивали прижимая къ себѣ, малыхъ грудныхъ ребятъ. Когда они поровнялись съ баркой, нѣсколько человѣкъ приподнялись со-дна лодки на ноги, и стоя, окликнули хозяина барки.

— Хозяинъ! ты чѣмъ торгуешь?

— Вамъ на что знать? Дубинками торгую! окликнулся хозяинъ.

— Можетъ онѣ пополамъ съ хлѣбомъ, такъ подѣлимся: хлѣба дай намъ, а дубинки себѣ оставь! кричали съ лодки.

— Попробуй, поди возьми, кричала толпа рабочихъ на баркѣ, грозя имъ дубьемъ.

— Хозяинъ! Брось сколько нибудь мѣшковъ хлѣба или муки: вотъ тѣ хрестъ честной,—оставимъ васъ въ покоѣ!

Хозяинъ барки молчалъ, угрюмо наклоня голову, всматриваясь въ лодки.

— Хозяинъ, дай хлѣба малымъ ребятишкамъ! послышался крикъ съ лодки. Не заставляй грабить, ради Христа!

По распоряженію хозяина, рабочіе ловко перебросили на лодку нѣсколько мѣшковъ сухарей и муки. Всматриваясь, хозяинъ призналъ по разнымъ признакамъ, что-то были просто бѣглые крестьяне плывшіе куда нибудь скрыться по Волгѣ.

Барановскій стоялъ у борта блѣдный, и немогъ отвести глазъ отъ лодки. Между стоявшими молодцами онъ видѣлъ, онъ ясно видѣлъ Бориса, мужа Малаши! это не представилось ему онъ хорошо узналъ его; такъ хорошо, что непремѣнно перекинулся бы съ нимъ знаками, или окликнулъ-бы его, еслибъ не боялся обратить вниманіе опаснаго свидѣтеля, сторожа академіи: хо-

рошія свѣдѣнія доставилъ бы о немъ Антонъ въ академію, еслибъ замѣтилъ его знакомство съ бѣглыми.

Получивъ хлѣба, лодки быстро повернули на водѣ, и скоро скрылись въ одномъ изъ заливовъ Волги. Стефанъ Барановскій остался мрачно на стражѣ на весь остальной день; онъ ужъ не могъ развеселиться. Раздумье о судьбѣ Малаши сжимало ему сердце, какъ бываетъ при мысли о недавней потерѣ любимаго лица. Спустя нѣсколько часовъ, вдали показались на крутомъ берегу Волги, бѣлѣвшіе колокольни, и блиставшіе на солнцѣ кресты и куполы церквей города Ярославля. Вниманье всѣхъ обратилось въ ту сторону и Барановскій позабылъ на время о недавней встрѣчѣ. „Скоро берегъ“, думалъ онъ, и неувѣренный въ томъ, на долго ли приметъ его эта пристань, онъ зналъ, что близокъ къ пристани, въ которой долго стремился въ мысляхъ и ежедневныхъ желаньяхъ. Онъ слышалъ какъ сердце у него громко стучало. Подъѣзжая къ берегу, Ярославскій купецъ отыскалъ его и звалъ съ собой на пристань и въ городъ.

— Пойдемъ, братъ! Поведу тебя прямо къ себѣ домой, а завтра-же и предоставлю тебя къ Ѳедору Григорьевичу. Смотри каковъ нашъ городъ! Вонъ тамъ Богоявленскій соборъ, при немъ отецъ Нарыкова, нашъ протоіерей служитъ. Волковъ-то въ соборѣ образъ своей работы по-

ставилъ: онъ и въ этомъ мастеръ, рисуетъ отлично. Онъ самъ и запавѣсъ рисовалъ. Ужъ пристрою тебя, какъ сына!

— Тогда буду звать васъ крестнымъ! говорилъ взволнованно Барановскій.

Разговаривая они сошли съ барки, и расплатившись съ хозяиномъ, Барановскій пошелъ взбираясь вверхъ отъ берега, въ незнакомый ему городъ, полный ожиданій.

Глава. VI.

На хуторѣ сержанта, гдѣ оставался Сильвестръ Яницкій, все было готово для встрѣчи именитой гостьи, графини Разумовской. Сильвестръ былъ далекъ отъ мысли, что этотъ случайный проѣздъ графини черезъ хуторъ Харитоновыхъ, будетъ поводомъ къ большой перемѣнѣ въ судьбѣ его, и въ судьбѣ всей семьи хозяина хутора. Быть можетъ, что все давно было готовокъ такимъ перемѣнамъ, и достатчно было самаго легкаго прикосновенія, или столкновенія съ новы милицами, для того, чтобъ вызвать все наружу.

Когда одинъ изъ провожавшихъ графиню, вѣстовыхъ, прискакалъ на хуторъ увѣдомить, что карета графини тотчасъ будетъ вслѣдъ за нимъ,— то сержантъ Харитоновъ, одѣтый въ лучшій

свой мундиръ и застегнутый на всѣ пуговицы, не отходилъ отъ воротъ своего дома, поглядывая не покажется ли карета. Старый казакъ увѣщевалъ его уйти въ домъ; онъ сообщилъ имъ, что графиня любила, чтобы ее встрѣчали попросту. Но вся семья собралась на крыльцѣ дома, гдѣ казакъ пристально уставилъ глаза на Афимью Тимофѣевну, и развелъ руками,—словно хотѣлъ спросить: это что за диковинка? Честолюбивая карлица нарядилась въ штофное платье съ фижмами, немного полинялыми отъ времени, и дева поклонилась казаку; она боялась пропустить первое появленіе кареты гостьи, желая разсмотрѣть подробно ея роскошный экипажъ и нарядъ. Анна и Ольга стояли подлѣ отца, и привѣтливо разговаривали съ казакомъ, успѣвшимъ стряхнуть пыль съ своего дорожнаго казакина синяго сукна, перетянутаго алымъ шерстянымъ поясомъ; онъ поправлялъ сѣдые усы, хитро усмѣхаясь; живые глаза его глядѣли изъ подъ густыхъ бровей напоминая глаза какой нибудь хищной птицы, и перебѣгали отъ одной сестры къ другой, когда онъ на вопросы ихъ разсказывалъ о вкусахъ и привычкахъ графини.

— *Ей*,—барышни любезныя, говорилъ онъ съ поклономъ, все у васъ понравится; *она* любитъ все по просту.“

Анна и Ольга были также нарядно одѣты; шея Анны была украшена тяжелымъ ожерельемъ

изъ камней обдѣланныхъ золотомъ; ожерелье это было вынуто на этотъ случай изъ хранилища семейныхъ драгоцѣнностей и могло-бы составить пріятное пріобрѣтеніе нынѣшнихъ любителей археологическихъ рѣдкостей. Ольга осматривая, тяжелое ожерелье, раздумывала: понравится ли графинѣ, что Анна надѣла на себя столько драгоцѣнныхъ камней,—если она любитъ все попросту? Но экипажъ графини подъѣзжалъ къ крыльцу, некогда было и раздумывать. Афимья Тимофѣевна смотрѣла и думала, что ее обманывали: такъ простъ былъ экипажъ и нарядъ графини. Но то была она сама; придворная ливрея лакея, отворившаго тяжелую дверцу кареты, могла убѣдить въ томъ хозяина хутора. Графиня была одѣта въ темный шелковый казакинъ; она и при дворѣ въ Петербургѣ не разставалась съ своей привычной одеждой, напоминавшей покроемъ платья малороссійскихъ казачекъ; при ней было нѣсколько прислуги, также одѣтой очень просто. Старый сержантъ, видѣвшій и прежде графиню, представился ей, называя себя по имени, и поочереди подводилъ ей дочерей; онъ указалъ на Сильвестра, какъ на знакомаго ученика Кіевской академіи.

Афимья Тимофѣевна готовилась было подойти съ объясненіемъ: „что и она когда то посѣщала дворецъ царицы Прасковьи,“ но сержантъ обрѣзалъ ее на первомъ словѣ, и сказалъ за нее:

„а это наша старая тетка, вотъ и вся семья!“ Съ этими словами онъ заставилъ всѣхъ посторониться, вводя графиню въ домъ.

Афимья посмотрѣла съ злобою вт слѣдъ сержанту: „онъ намъ все дѣло испортитъ“ прошептала она Аннѣ.

Графиня была и привѣтлива „по просту“ какъ выразился казакъ, ея провожатый. Она оставалась той-же простой и умной старушкой, какою знали ее въ Малороссіи, много лѣтъ тому назадъ, когда она жила бѣдной вдовой съ двумя сыновьями, въ селѣ Лемешкахъ въ Черниговской губерніи. Но съ тѣхъ поръ въ жизни ея совершилось такое быстрое и чудное превращеніе, о какихъ она слыхала только въ сказкахъ. Пѣніе ея старшаго сына въ церкви на клироссѣ и его привлекательная наружность были причиной такого превращенія судьбы ея. Проѣзжій полковникъ былъ такъ увлеченъ его мягкимъ и сильнымъ голосомъ, что увезъ его съ собою въ Петербургъ; такимъ образомъ изъ сельскаго пастуха въ деревнѣ Лемешкахъ, ходившаго пѣть въ церкви, Алексѣй Разумовскій поступилъ въ придворные пѣвчіе.

Елизавета Петровна была тогда еще далека отъ престола, на который ей предстояло вступить мною времени спустя. Она звалась цесаревною, и жила въ удаленіи отъ двора. При большой набожности, которой она отличалася,

она часто посѣщала церкви; такъ случилось ей услышать голосъ Разумовскаго и замѣтить его прекрасную наружность. Голосъ и прекрасный малороссійскій типъ лица его произвели на нее сильное впечатлѣніе, и она выразила желаніе приблизить къ себѣ даровитаго молодого человѣка. По просьбѣ ея онъ былъ причисленъ въ число служащихъ при ней, въ качествѣ секретаря. Глубокая впечатлительность была въ характерѣ цесаревны Елисаветы, она быстро отдавалась возникавшему въ ней чувству симпатіи, и сохраняла его на долго,—если не навсегда. Сколько можно судить по бывшимъ близкими къ ней личностямъ, симпатія эта возникла подъ впечатлѣніемъ красоты, таланта, или ума, и образованія.

Она не была измѣнчива въ своихъ склонностяхъ, и была вѣрна имъ, пока случайности жизни не удаляли отъ нея лицъ, на которыхъ сосредоточилась ея симпатія. Въ свою очередь ея живая душа вызывала симпатію и безграничную преданность приближенныхъ лицъ. Но многіе изъ нихъ увлекались корыстными цѣлями и измѣняли свою преданность, оказывались нед стойными ея милостей. Но Разумовскій, которому открылась блестящая карьера съ ея воцареніемъ, до конца сохронилъ свою преданность къ ней, и оставался всегда при своемъ нрямодушіи

честною и свѣтлою личностью среди вельможъ окружавшихъ престолъ Елисаветы.

Ордена и титулы быстро сыпались на него съ первыхъ дней воцаренія Императрицы Елисаветы; прошелъ рядъ годовъ, покровительство ея не ослабѣвало, и онъ скоро сталъ именоваться графомъ Разумовскимъ и русскимъ генераломъ-фельдмаршаломъ. Мать пожалованнаго графа Разумовскаго была вызвана къ двору съ меньшимъ своимъ сыномъ Кириллою Григорьевичемъ, ее окружили роскошью и почестями. Когда меньшой сынъ ея былъ посланъ за границу, для его образованія,—она оставалась въ Петербургѣ, стараясь на сколько могла приладиться къ новой средѣ, привлекая къ себѣ окружающихъ умомъ и добродушіемъ, которые были врожденными дарами въ семействѣ Разумовскихъ. Вмѣстѣ съ счастіемъ семьи ихъ, разцвѣтала и судьба родного края, до сихъ поръ забытой, и подавленной Малороссіи, мало по малу освобождавшейся отъ гнета тяжелаго и чуждаго ей управленія, осмѣливавшейся послать своихъ депутатовъ просить Императрицу Елисавету объ облегченіи своей участи, надѣясь, конечно, на ходатайство лицъ не чуждыхъ Малороссіи.

Просьба была принята милостиво; и когда по старому обычаю, дозволено было избрать Гетмана для особаго управленія Малороссіею, Гетманомъ, какъ было упомянуто выше, былъ из-

бранъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій. И такъ старая графиня Разумовская ворочалась на родину, къ своему Гетману!

Она высказала хозяину, сержанту:—что рада была отдохнуть у него и взглянуть на его красавицъ, дочекъ; но видимо сторонилась отъ Афимьи Тимофѣевны, напрасно захаживавшей около нея. За обѣдомъ, для котораго хозяйка постаралась приготовить все что можно было найти лучшаго, а Афимья Тимофѣевна пожертвовала лучшими павлинами изъ своей птичной,—Разумовская помѣстилась рядомъ съ старымъ сержантомъ. Она торжественно передала ему, — что государыня вспомнила его, посылала ему свой милостивый поклонъ, и позволила обратиться къ ней съ просьбой, если онъ имѣлъ о чемъ просить ее. Сержантъ только поклонился тронутый, и заявилъ, что ежедневно молился за Елизавету и радовался ея царствованію, продли его Господь!

— Да, промолвила Разумовская серьезно.—Я слышала много о васъ и о всѣхъ вашихъ прошлыхъ невзгодахъ. Слышала, что вы и родителя государыни помните, и при немъ служили.

Сержантъ бесѣдовалъ съ графиней о старинѣ, она разспрашивала о его старыхъ походахъ. Къ сожалѣнію, къ концу обѣда карлица нашла случай прервать ихъ бесѣду, и обнаружить свое соболѣзнованіе о прошломъ времени, когда держали въ страхѣ Божіемъ, избаловавшійся нынѣ

народъ! Сѣдой казакъ взглянулъ на нее изъ подъ лобья такъ строго, что она растерялась и незнала, какъ бы ловчѣе вставить свою рѣчь; разговоръ межъ тѣмъ перешелъ на древніе храмы Кіева, о которыхъ разспрашивали Сильвестра. Но послѣ обѣда, когда всѣ были весело настроены и сидѣли на галлереѣ, выходившей въ садъ,— Афимья Тимофѣевна была неудержима, какъ бурный потокъ, прососавшій плотину; напрасно старый сержантъ неодобрительно кивалъ ей головой, и даже грозилъ пальцемъ. Съ похвалами старому времени, она высыпала весь запасъ своихъ воспоминаній о шуткахъ и забавахъ, шутахъ и карлахъ при старыхъ дворахъ. Графиня Разумовская слушала ее не прерывая, но смотрѣла пытливо и удивленно на ея странности. Отъ забавъ Афимья Тимофѣевна перешла и къ старымъ обычаямъ, сожалѣя о пыткахъ и колесованьи. Старый казакъ, издали наблюдавшій за ней съ усмѣшкой, заговорилъ съ ней теперь.

— Намъ съ вами можетъ быть тогда все лучше казалось: потому по насъ было... А другимъ за то теперь все больше нравится!

— Чему теперь нравиться? и чѣмъ теперь забавляются, смѣю спросить?

— Много еселятся; даже такъ веселятся, продолжалъ онъ съ тонкой усмѣшкой: что и дѣло иной разъ застаивается.

— Вотъ, вотъ! Такъ и лучше было, когда шу-

ты да шутихи плясали, самимъ-то не приходилось утомляться!

— Нынѣ это никого не забавляетъ, толковалъ ей казакъ: люди стали учены очень; имъ нужны театры, балы, маскарады. Съ иностранными послами, съ учеными людьми разговоры ведутъ. А мы съ вами этого не поймемъ, люди старые! Вамъ бы: еслибъ поколесовали кого нибудь.— вотъ бы вамъ представленіе было... А нынче Императрица этого не терпитъ и не допускаетъ.

— Нельзя не допускать-то. Вѣдь приходилось же Императрицѣ въ началѣ царствованія... Нельзя было оставить безъ наказанія тѣхъ, кто удалялъ ее отъ престола!.. спорила карлица.

— Даже и тѣхъ государыня помиловала,— назначенной казни имъ не допустила, говорила Разумовская.

— Точно—такъ, графиня! съ поклономъ отвѣтила Афимья Тимофѣевна;—за то другіе нашлись,—только покажи милость! Нашлись-же такіе люди, которымъ безпремѣнно нужно было языки укоротить! Отыскали честную компанію...

— Перестанешь-ли ты? строго сказалъ сержантъ, потерявъ всякое терпѣнье.

— Такими-же любителями, какъ вы, было подстрастно! Горячо заговорилъ казакъ: а сама Императрица сердцемъ чуетъ, что довольно вы терпѣли на Руси, что къ хорошему пріучать нуж-

но! Она пытки-то вмѣстѣ съ вашимъ шутовствомъ уничтожила!

Неизвѣстно куда завелъ бы горячій споръ; напрасно племянница силилась увезти тетку, она стояла обиженная, не двигаясь съ мѣста. Но случай пришелъ на помощь. Крестникъ ея перемѣнялъ въ это время воду въ многочисленныхъ клѣткахъ, въ которыхъ сидѣли запертыми разнообразныя птицы Афимьи Тимофѣевны. Нечаянно ли, шутя ли,—онъ выпустилъ птичекъ на волю; пѣстрыя пѣвушки порхали одна за другой на галлерею, и бросались по сторонамъ въ испугѣ, попавъ въ шумную толпу людей.

— Откуда эти красивыя пташки вылетѣли? спросила Разумовская.

— Боже мой! Это тетушкины птицы, живо вскричала Анна, и дала новую пищу взбалмашной карлицѣ.

— Семенъ! Это онъ! проговорила она, и поспѣшно выбѣжала въ отворенную дверь дома.

Всѣ были видимо довольны происшествію съ птицами, всѣ развеселились. Разумовская весело заговорила съ Анной подошедшей къ ней.

— Вотъ тетушкѣ новое горе! Теперь позабудетъ свой споръ. Старые люди,—такъ и хвалятъ старые годы. Не выучила-ли она и васъ хвалить старое? спросила она смѣло.

— О нѣтъ! Мы всегда за одно съ батюшкой, не нарадуемся перемѣнамъ, наступившимъ съ

правленіемъ Императрицы Елисаветы Петровны! А я считала бы за великое счастье служить при дворѣ государыни, еслибы имѣла случай проситъ мѣста при ней... проговорила Анна и съ сильнымъ волненіемъ ждала отвѣта.

— Если-бы вы пожелали, для васъ не трудно было-бы испросить мѣсто. Батюшку вашего помнитъ государыня, она прислала поклонъ ему сказала Разумовская.

Растроганный сержантъ глубоко поклонился.

— Батюшка вашъ можетъ подать просьбу Императрицѣ, а мы замолвимъ слово за васъ докончила графиня.

Аннѣ оставалось только глубоко поблагодарить ее.

— Герасимовъ! обратилась графиня къ казаку, своему провожатому:—Запиши, мнѣ на память,—что я обѣщала просить государыню за падчерицу Ивана Ивановича Харитонова; за Анну Ефимовскую,—чтобы пожаловали ее во фрейлены.

— Грамотный казакъ, служащій при канцеляріи Гетмана, вынулъ изъ боковаго кармана на груди небольшую, но толстую тетрадь, и вписалъ туда все, что приказала Разумовская, Анна преисполнена была радостію; планъ ея выполнялся такъ легко, и безъ ходатайства тети, котораго она не желала теперь

— А вы, можетъ быть, тоже желали-бы пос-

тупить въ фрейлены государыни? спросила графиня, обращаясь къ Ольгѣ.

— Одна изъ насъ должна оставаться при отцѣ, чтобы беречь его; и я охотно уступаю сестрѣ эти почести, отвѣтила Ольга.

Взглядъ ея при этихъ словахъ невольно скользнулъ по лицу Сильвестра; глаза ихъ встрѣтились и оба они потупились въ замѣшательствѣ.

— Богъ благословитъ васъ за трудъ на себя взятый вами, покоить отца на старости! сказала графиня Ольгѣ.—И тутъ Господь найдетъ васъ и пошлетъ вамъ всякое благо.

Ольга поклонилась ей, будто получала благословенье въ словахъ престарѣлой графини.

— Я сама не оставлена дѣтьми! докончила старушка.

Глаза Ольги снова искали Сильвестра, по привычкѣ искать у него одобренія своимъ поступкамъ. Сержантъ заявилъ, что онъ о себѣ не заботится, и на все готовъ для счастья дочерей, выросшихъ на его глазахъ. Вечеръ кончился превозглашеніемъ сержанта, что они выпьютъ за здоровье дорогой государыни, даровавшей миръ и жизнь всей Руси.

Когда Разумовская покидала хуторъ для дальнѣйшаго пути, поблагодаривъ хозяина за гостепріимство, она просто и задушевно расцѣловала молодыхъ дочерей его. Сильвестра она просила напомнить о ней знакомымъ лицамъ Печерской

Лавры, которую она только что посѣтила:—пусть и меня не забудутъ въ своихъ молитвахъ, сказала она. Въ добромъ настроеніи она потрепала по плечу и карлицу, говоря: „худой миръ лучше доброй ссоры. А всѣхъ не передаешь!“ прибавила она на своемъ родномъ нарѣчіи. Карлица униженно припала къ рукѣ ея, благодаря за милость, оказанную племянницамъ. Афимья Тимофѣевна не могла, однако не послать гнѣвнаго взгляда старому казаку, сидѣвшему съ нѣкоторой удалью во всей фигурѣ его, на передкѣ экипажа Разумовской.

Проводивъ гостью, еще долго поминали всѣ умную, ласковую старуху, и ѣдкія рѣчи казака обращенныя къ теткѣ. Афимья Тимофѣевна долго поминала сколько она трудилась для пріема гостьи и высчитывала: чего все это ей стоило,—потому что она желала задобрить гостью ради Анны!

Анна видимо измѣнилась послѣ посѣщенія графини. Она уже заранѣе видѣла себя фрейленой и одѣвалась и говорила иначе чѣмъ прежде. Съ Сильвестромъ Яницкимъ обращалась она свысока, перестала интересоваться его книгами и разсказами:—все это хорошо для тѣхъ, кто готовится отречься отъ міра, заявила она. По цѣлымъ днямъ читала она французскія книги, оставшіяся у нея отъ бывшей ея учительницы, польки; она читала, твердила, дѣлала выписки, — словомъ учи-

лась, потому что французскій языкъ былъ въ употребленіи при дворѣ съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій былъ совершенно оставленъ. Все это задѣвало Сильвестра. Такъ сильно обнаружились въ Аннѣ тщеславіе и гордость, и казалось подавили всѣ добрыя свойства души ея! Онъ проводилъ все время съ Ольгой, больше не къ кому было ему обратиться на хуторѣ: сержантъ казался угрюмъ и нездоровъ; онъ былъ сердитъ на выходки Афимьи Тимофѣевны при гостьѣ.

— Что сталось бы съ вашимъ отцемъ, если бы и вы были также тщеславны какъ сестра ваша! высказалъ Сильвестръ Ольгѣ, когда они прогуливались въ саду въ тѣни густыхъ вишневыхъ деревьевъ.

— Не для того-ли послалъ васъ Господь, чтобы отъ васъ запали во мнѣ другія мысли? отвѣтила Ольга.

— Развѣ я внушилъ вамъ что-нибудь? Сильвестръ вспомнилъ при этомъ, какъ остерегъ его Барановскій на прощаньѣ.

— Ваши бесѣды и книги не пропали даромъ! Столько лѣтъ провели мы съ вами, и почти оставили всѣхъ сосѣдей въ послѣдніе годы. Правда, я и прежде была набожна. Отецъ даже отпустилъ нашу учительницу католичку, говорилъ будто она повернула мнѣ голову по своему. Она читала мнѣ о своихъ святыхъ и я цѣлые часы проводила съ ней. Сестра была всегда рѣзвѣй

меня и разсѣянна. Она больше любила сказки Афимьи Тимофѣевны.

— Можетъ быть и вамъ скоро полюбятся другіе разсказы... сказалъ Яницкій.

— Нѣтъ, нѣтъ! горячо возразила Ольга.—Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ... она замолчала на минуту; Сильвестръ глядѣлъ на нее, желая угадать чего она не досказала.—Мнѣ нравится уже совсѣмъ другое, добавила она, и я не увлекусь мірскою суетой.

— Чего-же вы хотѣли бы въ жизни, какой путь изберете вы? спросилъ Сильвестръ,—и неожиданно для него сердце въ немъ замерло, онъ ждалъ и боялся отвѣта, будто бралъ его на свою совѣсть.

— Я не могу знать путь назначенный мнѣ Господомъ впереди. Но пока,—я буду счастлива если останусь при отцѣ, отвѣчала Ольга:—это спасетъ меня отъ ложнаго пути; я здѣсь могу слѣдовать вашимъ совѣтамъ.

— Что вы называете ложнымъ путемъ? спрашивалъ Сильвестръ участливо глядя на нее; онъ былъ растроганъ ея кроткими, прямодушными рѣчами.

— Путь тщеславія, и ненужной суетности. Въ ней нѣтъ никому пользы, и бываетъ много вреда. Я не боюсь за себя, пока я у отца. Но, можетъ быть, мнѣ грозитъ сватовство по обычаю, и сватовство, отъ котораго нельзя будетъ отка-

заться. Тогда будетъ новая жизнь,—чуждо все будетъ, для меня! Не думаю, чтобъ и Анна осталась довольна жизнію въ будущемъ. Она тоже вступитъ въ бракъ въ угоду окружающимъ ее, и будетъ упрекать себя, когда съ новымъ спутникомъ надо будетъ забыть все, что прежде ей внушали! Храни Богъ отъ спутника, для котораго прійдется отказаться отъ указаній души своей! договорила Ольга.

— Но вамъ не предлагаютъ еще такого спутника?.. спросилъ Сильвестръ, тревожась за Ольгу.

— До сей поры—нѣтъ. Но отцу могутъ посовѣтовать, и потребовать согласія.—Вотъ вы и скажите мнѣ: чѣмъ я могу навсегда оградить себя отъ такого сватовства? Подумайте хорошенько, и придумайте: я прошу васъ, какъ брата,—если вы согласны исполнить долгъ брата!

— Я обѣщаю вамъ; хотя ничего не могу сказать въ сію минуту! Но обѣщаю вамъ исполнить долгъ брата, и помочь вамъ совѣтомъ, если прійдетъ борьба для васъ.

— Прощайте пока, мой названный братъ! Придумайте, предложите мнѣ... какое хотите средство, чтобъ спасти меня навсегда! проговорила Ольга, съ непривычною живостію и отрывисто. Краска бросилась ей въ лицо, и она быстро ускользнула изъ аллеи, по которой они шла вмѣстѣ. Сильвестръ стоялъ растерянный; ему казалось, что она уходила недовольная: почему онъ не

тотчасъ указалъ ей вѣрное средство. И никогда еще не говорила она такъ довѣрчиво, не выказывала такого расположенія къ нему. Онъ боялся, что это могло идти изъ другого источника, что это не была нѣжность сестры къ брату, какъ она назвала его. Да, онъ не могъ не понять въ эту минуту, какъ дорога была ему Ольга, и что семья сержанта была давно его родной семьей. Кромѣ нея, у него и не было ничего родного: тоска охватила его при мысли, что онъ потеряетъ на всегда семью эту; въ тяжеломъ раздумьи ходилъ онъ одинъ по саду, забираясь въ самые дальніе углы его. Въ ушахъ его раздавались просьбы Ольги—и онъ признавалъ за собой обязанность прійти ей на помощь. Новый планъ жизни начиналъ рисоваться въ болѣе ясныхъ чертахъ въ его головѣ:—Я еще свободенъ, выяснилось ему,—я могу посвятить жизнь свою на благо семьи сержанта; это не помѣшаетъ другимъ моимъ планамъ, добавилъ онъ увѣренно.

Сильвестръ отдавался новому чувству и новымъ мыслямъ со всею подвижностію его натуры даровитой, но мягкой и неопредѣлившейся. Такія натуры, съ влеченьемъ къ добру, быстро создаютъ себѣ новые планы, и поклоняются на время всему, что создали въ головѣ своей, или подчаются вполнѣ чужому вліянію и болѣе твердой волѣ. До сихъ поръ имъ владѣли другіе; другіе

выбрали ему призваніе почти съ дѣтства; когда онъ не зналъ еще жизни,—его пріучили готовить себя для неба. И онъ любовался этимъ небомъ, живя въ мирной семьѣ на малороссійскомъ хуторѣ, гдѣ оно такъ привѣтно раскидывало свой куполъ надъ роскошно растущими деревьями, надъ свѣжими лугами и синими водами. Пока любуясь природой онъ считалъ, что она, отдѣливъ его отъ шумной суеты остальнаго міра, все свободнѣе возносила къ небу,—между тѣмъ живая жизнь все болѣе опутывала его, все теплѣе проникала въ него, и пускала крѣпкіе корни. Онъ долженъ былъ сказать себѣ, что уже давно живетъ подъ вліяніемъ Ольги, и раздѣлилъ ея живыя чувства, глубокія и всегда сдержанныя, но проявлявшіяся для него въ тихой улыбкѣ и долгихъ взглядахъ. Сильвестръ понялъ приходившее къ нему счастіе, и вспомнилъ слова Барановскаго. Онъ началъ обдумывать новую жизнь, ему представлялась прелесть призванія преподавателя; развѣ онъ не возвыситъ умъ учениковъ своихъ, передавая имъ разумъ древнихъ авторовъ, изучая съ ними литературу и философію? Смышленые и бойкіе товарищи Сильвестра по академіи, говорили не даромъ о немъ: „что мудрый Сильвестръ стоялъ на распутіи“.

Прошло нѣсколько дней, онъ былъ озабоченъ, но не избѣгалъ Ольги; онъ не отходилъ отъ нея, помогая ей въ хозяйственныхъ занятіяхъ.

Вечеромъ, когда она поливала цвѣты въ цвѣтникѣ передъ домомъ хутора, Ольга спросила его:

— Помните ли вы о чемъ я васъ просила? Придумали ли вы что нибудь?

— Я все рѣшилъ въ своихъ мысляхъ, отвѣчалъ Яницкій съ свойственною ему торжественностію.

— Помните, что если вы обречете себя въ монастырь,—то покинете насъ на всегда.. сказала она быстро взглянувъ въ лице его.

— Я рѣшилъ, что я буду проподавателемъ, чтобъ не покинуть васъ, безъ поддержки!

Ольга разцвѣла и просіяла,—она выиграла половину дѣла:

— Это не помѣшаетъ вамъ уѣхать далеко отсюда, сказала она немного спустя.

— Гдѣ бы я ни былъ, я пріѣду, какъ только вы призовете меня, обѣщалъ ей Яницкій.

— И останетесь здѣсь? навсегда?.. спрашивала она пытливо вглядываясь въ лице его.

— Навсегда?.. но... хотѣлъ онъ возразить

— Сильвестръ! прервала его Ольга.—обдумайте, согласитесь ли вы остаться здѣсь навсегда,—если васъ попросятъ объ этомъ.

— Но для чего? спросилъ Яницкій, ожидая чтобъ Ольга уяснила мысль свою.

— Для чего люди заключаютъ союзъ... навсегда? проговорила Ольга живо и не глядя на него.

— Еслибы я думалъ, что это возможно, сказалъ Сильвестръ нерѣшительно и смущенный.

— Все возможно для того, кто твердо идетъ къ тому чего желаетъ, внушала Ольга: спросите только себя: не противорѣчитъ ли вашимъ склонностямъ такой союзъ... со мною? докончила она.

Сильвестръ стоялъ погруженный въ себя, онъ приходилъ въ положеніе человѣка, которому снятся счастливые сны: но Ольга ждала отвѣта.

— Я думаю, что нѣтъ, – я не рѣшился бы сказать вамъ только. .

— Вы думаете, что согласны на такой союзъ? спрашивала она протягивая ему руку. Яницкій робко взялъ въ обѣ руки протянутую руку Ольги и наклонился поцѣловать эту руку.

— Боже мой! послышался за ними громкій голосъ Анны:—что же это за представленіе? говорила она подходя къ нимъ ближе. Что тутъ случилось?

— Я послѣ скажу тебѣ, отвѣчала Ольга спокойно.

— А вотъ и отецъ, онъ искалъ тебя Ольга.

— Я послѣ скажу все отцу, отвѣчала Ольга, думая только о случившемся, и не отвѣчая на голосъ отца.

— Занята что ли чѣмъ? Чего вы не откликаетесь? спрашивалъ сержантъ, и смѣясь махнулъ на нихъ рукой.

Яницкій молча продолжалъ поливать цвѣты, улыбаясь какъ во снѣ, и безсознательно заливая цвѣты водою.

— Вѣдь вы цѣлый потопъ въ цвѣтникѣ сдѣлаете! сказала Анна. Бросьте лейку,--отецъ зоветъ насъ съ собою на пасѣку. Идемъ Ольга скорѣе, звала она сестру.

— Вы пойдете, Сильвестръ? спросила Ольга.

— Я пойду вслѣдъ за вами, я догоню васъ. Зайду только прибрать книги у себя и закрою окно.

Дѣвушки пошли обѣ съ отцомъ, въ ту сторону отъ дома, куда тянулось поле, потомъ начиналась степь съ буераками, т. е. небольшими овражками, въ которыхъ разростались иногда густые лѣски, они подымались по отлогимъ горкамъ, составляя отдѣльныя рощи, острова и стѣнки, какъ ихъ называютъ въ Малороссіи. Въ такой стѣнкѣ лѣса помѣщалась пасѣка хутора съ небольшой избой сторожа—пасѣчника. Солнце опускалось, свѣтъ его падалъ слабѣе, принимая красноватый цвѣтъ, и длинныя тѣни разстилались на траву отъ деревьевъ, и отъ проходящихъ людей.

Сильвестръ скоро догналъ сержанта и дочерей его. Онъ не пошелъ за ними тотчасъ, чтобъ дать себѣ время оправиться отъ охватившаго его смущенія. Съ нимъ такъ быстро совершилась перемѣна, мысль о которой еще недавно не мог-

ла бы прійти ему въ голову; какъ онъ былъ доволенъ смѣлостію Ольги, которой у него не хватило бы! „Она сама предложила ему союзъ навсегда, предпочла его, безроднаго, какому нибудь знатному и богатому жениху; предпочла изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ и развитію умственному,—вотъ какова была Ольга“! Такія мысли наполняли его между тѣмъ, какъ онъ догонялъ обѣихъ сестеръ, почти у лѣса. Онъ поровнялся съ ними, и хотѣлъ идти рядомъ съ Ольгой, но сестра ея, Анна, стала между ними. Яницкому показалось, что она не желала оставить ихъ вдвоемъ и нарочно мѣшала имъ говорить между собою. Онъ пошелъ рядомъ съ сержантомъ. Издали онъ слышалъ голосъ Ольги, ея тихій серебристый смѣхъ; она была весела и шутила надъ Анной, которая спорила и серьезно возражала ей недовольнымъ тономъ. На пасѣкѣ сержантъ спросилъ у дѣда—сторожа, есть ли у него подрѣзанныя соты и велѣлъ принести ихъ. Всѣ сидѣли на опушкѣ, куда дѣдъ пасѣчникъ принесъ на маленькихъ глиняныхъ тарелочкахъ соты и свѣжаго чернаго хлѣба. Анна и тутъ не отходила отъ Ольги, или сама угощала Сильвестра и разговаривала съ нимъ. Яницкому разъ только удалось подойти къ Ольгѣ на обратномъ пути домой, подойти такъ близко, что онъ могъ сказать ей тихо:

— Завтра я дамъ вамъ отвѣтъ на всѣ ваши вопросы.

— Рѣшительный отвѣтъ? спросила она и добавила:—въ полдень я прійду въ садъ къ пруду.

Вечеромъ, вернувшись съ прогулки на пасѣку, Яницкій уже не видалъ болѣе Ольги. Сестры обѣ оставались въ своихъ комнатахъ: случайно проходя мимо ихъ оконъ, Яницкій могъ слышать, что тамъ шелъ оживленный говоръ, похожій на споръ.

— Что ты призадумался, батюшка Сильвестръ? спрашивалъ сержантъ, замѣчая, что его что то заботило:—да тихій какой сталъ, точно малый ребенокъ! Нѣту Стефана, тотъ бы насъ развеселилъ.

— Да; и я желалъ бы съ нимъ поговорить теперь, отвѣчалъ Сильвестръ, невольно высказывая свое желаніе посовѣтываться съ любящимъ его человѣкомъ.

Къ ужину Анна вышла одна. Ольга не приходила; Анна объяснила ея отсутствіе усталостію, головною болью. Сильвестръ начиналъ тревожиться. Такъ ли онъ понялъ Ольгу? или не жалѣла ли она, что поступила такъ рѣшительно? Она была всегда очень сдержана, что же принудило ее вдругъ измѣнить своимъ привычкамъ? Одна Анна могла что нибудь объяснить ему.

— Могу ли я предложить вамъ вопросъ? ска-

залъ онъ подходя къ Аннѣ, когда она вышла на галлерею.

— О чемъ? сухо и неохотно спросила Анна.

— Если позволите, я спрошу у васъ о томъ, что касается вашей семьи,—но что и меня тревожитъ по привычному участію къ ней.

— Вы говорите о головной боли у Ольги? спросила Анна.

— Да, о ея здоровьѣ, и о томъ тревожномъ состояніи, въ которомъ я вижу ее въ послѣднее время. Я привыкъ откровенно говорить съ вами, и если наши отношенія не совсѣмъ измѣнились.

— Нисколько. Я попрежнему уважаю васъ, поспѣшила отвѣтить Анна:

— Такъ не можете ли вы сказать мнѣ: не предлагали-ли сестрѣ вашей какое нибудь сватовство, которымъ она могла бы тревожиться?

— Я намѣрена была сообщить вамъ все, что знаю объ этомъ; вотъ что встревожило Ольгу: отецъ сообщилъ ей что при прощаньѣ Разумовская пожелала ему найти хорошихъ мужей для его дочерей, и сказала,—что сама объ этомъ постарается. Сообразивъ кондуитъ графини относительно нашей семьи,—можно замѣтить, что она получила къ намъ особенное расположеніе! Меня это радуетъ; но у Ольги другія понятія, она огорчена и тревожится. А почему? Вы можетъ быть это лучше меня знаете?

— Я видѣла только, что Ольга чѣмъ-то особенно испугана, и благодарю васъ за объясненіе.

— Если говорить откровенно, —то я не одобряю ея кондуита,—закончила Анна, снова помѣщая въ рѣчь свою иностранное слово, какъ она всегда дѣлала теперь, и уходя на зовъ отца въ столовую.

Сильвестръ простился съ сержантомъ и ушелъ къ себѣ. Онъ боролся съ новыми мыслями, и не могъ лечь спать. Ему казалось, что именно теперь слѣдовало бы поговорить съ Ольгой. Отчего она скрылась вечеромъ? Сомнѣвалась ли она въ немъ, или сама прибѣгала къ союзу съ нимъ неохотно, чтобы избавиться отъ зла болѣе неизвѣстнаго? Вправѣ ли они были оба вступить въ бракъ на такомъ основаніи, и благословитъ ли Богъ союзъ —безъ прямой, искренней любви другъ къ другу? Онъ не можетъ дать ей отвѣтъ на завтра! Сперва слѣдовало спросить Ольгу о многомъ. Потушивъ огонь въ комнатѣ, онъ подошелъ къ окну и глядѣлъ на звѣздное небо,—но мысли его были въ безпорядкѣ, и онъ не могъ молиться. Онъ вспоминалъ всѣ годы, пережитые на хуторѣ, и могъ отвѣтить за себя: что Ольга всегда привлекала его, онъ всегда предпочиталъ ее Аннѣ. Могла ли она сказать, что не любила никого другого? Еслибъ Стефанъ былъ здѣсь, онъ вѣрно распуталъ-бы всѣ недоумѣнья! „До завтра!“ сказалъ онъ, и

перекрестясь, попробовалъ лечь и уснуть: но сонъ пришелъ не скоро, и до утра онъ спалъ неспокойно, часто просыпаясь, и сознавая что то тяготившее его.

Утромъ — тѣ-же сомнѣнья передъ Ольгой. Онъ рѣшился идти въ церковь и послѣ молитвы рѣшить: долженъ ли онъ принять такой союзъ? Въ церкви сошло на него полное спокойствіе; — онъ рѣшилъ, что не допуститъ Ольгу вступить съ нимъ въ бракъ безъ особой склонности къ нему, — онъ нашелъ въ себѣ силу отказаться отъ блеснувшей надежды на счастіе, — ради ея! Онъ объяснитъ ей, что не можетъ воспользоваться ея ошибкой, въ которой она можетъ раскаяться. Возвращаясь изъ церкви, онъ встрѣтилъ Ольгу въ саду, — и просилъ ее тотчасъ-же выслушать отвѣтъ его, — не дожидаясь полудня. По первому взгляду на Сильвестра, Ольга угадала по его непривычной блѣдности, что ей придется выслушать отказъ, — но надо бодро выдержать необходимое зло. Ольга спокойно пошла съ нимъ рядомъ, направляясь къ пруду, въ густую ливоду изъ старыхъ ивъ; тамъ никто не могъ помѣшать имъ. Въ густой рощѣ изъ старыхъ, частію посохшихъ ивъ, никого не было; только галки взлетали стаями съ своихъ огромныхъ гнѣздъ, и испуганныя, улетали въ луга.

Сильвестръ и Ольга прошли въ чащу по узкой заросшей подорожникомъ тропинкѣ, они

остановились надъ прудомъ, искрившимся на утреннемъ солнцѣ; небо было надъ ними свѣтло и привѣтливо, какъ и вчера:

— Что-же онъ скажетъ сегодня? думала Ольга,—и молча ждала этихъ словъ.

— Я долженъ сказать вамъ Ольга, началъ, Сильвестръ,—что вы поступаете ошибочно, и можете раскаяться и пострадать со временемъ, избирая меня своимъ спутникомъ,—для того только, чтобы избѣжать какого-то неизвѣстнаго, пугающаго васъ брака. Я считаю долгомъ отказаться отъ такого счастія,—ради васъ.

— Скажите лучше, прервала его Ольга глядя на него съ упрекомъ: скажите лучше: ради своего честолюбія, — и притомъ, не раздѣляя моей склонности;—вамъ легко отказаться отъ ненужнаго вамъ счастья:—и кончимъ нашъ разговоръ! докончила она, порываясь уйти.

— Нѣтъ, остановитесь на минуту! удержалъ онъ Ольгу, готовую уйти; передъ Богомъ,—мнѣ не легко отказаться отъ счастья, и у меня нѣтъ плановъ честолюбія въ будущемъ,—я еще никогда не рѣшалъ его. Но, чтобъ союзъ былъ благословенъ небомъ, надо съ обѣихъ сторонъ вносить въ него любовь другъ къ другу.

— Да! И вы не находите ея въ себѣ, Сильвестръ;—довольно.

— Я не знаю: найду ли ее въ васъ, Ольга. Я никогда не слышалъ отъ васъ... продолжалъ

Сильвестръ смущенный, вглядываясь въ выраженіе лица ея.

Ольга молчала; она смотрѣла въ сторону, слегка отворачивая лице отъ Сильвестра, борьба выражалась на лицѣ ея. Ей было и безъ того неловко; солнце свѣтило ей прямо въ лице, обливая всю ее своимъ теплымъ свѣтомъ а вѣтеръ относилъ въ сторону бѣлый кисейный шарфъ, служившій ей вуалемъ, длинные концы его падали на плечо Сильвестра, который безсознательно задержалъ одинъ изъ нихъ рукою. Ольга старалась надвинуть вуаль на свои шелковистыя свѣтлыя косы, лежавшія вокругъ головы, темные глаза ея сумрачно глядѣли въ даль.

— Если вамъ нужно было, чтобъ я высказала любовь свою къ вамъ—то я скажу: что согласилась-бы выйти замужъ только за васъ, проговорила она, и огорченная продолжала отворачивать лице свое.

— Что-же мѣшало вамъ высказать это? Развѣ гордость?... спрашивалъ Яницкій улыбаясь, и начиная вѣрить, что Ольга на половину дѣйствовала подъ вліяніемъ привязанности къ нему.

— Вы поступаете жестоко, отвѣчала Ольга. Прощайте Сильвестръ. Я никогда не высказала-бы вамъ любви моей, еслибы обстоятельства не грозили мнѣ выйти за нелюбимаго человѣка. Вы заставляете меня открыть вамъ мою тайну, не говоря о вашихъ чувствахъ ко мнѣ,—прощайте!

говорила она стараясь освободить свой вуаль изъ рукъ его.

— Я виноватъ! Но перестанемъ-же сердиться, постараемся понять другъ друга, говорилъ Яницкій, ласково удерживая Ольгу, которая пытливо на него взглядывала; улыбка и гнѣвъ вмѣстѣ играли на лицѣ ея.

— Я люблю васъ, торопливо проговорилъ Сильвестръ,—хотя не давно созналъ въ себѣ это чувство. И если мы равно любимъ другъ друга, то здѣсь-же и спросимъ благословенія неба! Ни вы, ни я,—не должны произносить ложнаго обѣта! Повторите тоже, что я могу сказать о себѣ:

— Я люблю Ольгу и желаю посвятить жизнь мою для ея счастія ..

— Я люблю Сильвестра, и молю небо, чтобъ онъ это понялъ и не разлучался со мною, высказала Ольга торжественно обративъ глаза къ небу.

— Теперь прошу простить меня, что я не понялъ этого раньше! Но какъ могъ я думать, что вы меня полюбите Ольга!

Яницкій былъ прощенъ, конечно, и они заключили свои обѣты искреннимъ поцѣлуемъ. Такой быстрый поворотъ отъ ссоры, грозившей навсегда разлучить ихъ, возбудилъ въ нихъ волненіе и тревогу, которыя долго не могли улечься. Они прошлись нѣсколько разъ по дорожкѣ огибавшей прудъ, рука съ рукою, перебирая въ

памяти всѣ вчерашнія событія. Ольга разсказала ему, что Анна была, конечно, противъ ея брака съ Сильвестромъ, и вчера-же хотѣла возстановить противъ нихъ отца, въ то-же время мѣшая имъ объясниться. Вотъ почему Ольга не вышла къ ужину вечеромъ. У нихъ былъ продолжительный споръ въ ихъ комнатѣ.

Анна увѣщевала сестру не затѣвать неравнаго брака, въ то время, когда можетъ быть ее ждало богатое замужество. Она упрекала Ольгу въ томъ, что она отвлекала Сильвестра отъ его призванія, когда его единственной блестящей будущностію могло быть монашество, которое привело бы его къ высокому сану.

— Мнѣ нужно, только одного, чтобы моя будущность привела меня къ полезной, благой дѣятельности, прервалъ Яницкій разсказъ Ольги.

— А я сказала Аннѣ, что уступаю ей всѣ почести, всѣхъ знатныхъ и богатыхъ жениховъ, и, хотя бы и самаго Гетмана... Послѣ этого она поцѣловала меня,—и мы помирились.

— Такъ вотъ, какъ высоко она смотритъ! сказалъ Сильвестръ, удивленно пожимая плечами.

— Да, ея желаньямъ конца нѣтъ; а я боюсь-что ея же пылкость и надменность не мало принесутъ ей горя, даже если она будетъ при дворѣ государыни.

— Мнѣ надо знать еще, что скажетъ мнѣ нашъ почтенный сержантъ вашъ отецъ! Позвольте мнѣ

тотчасъ переговорить съ нимъ и просить его согласія на бракъ нашъ. Тяжело мнѣ идти къ нему,—не зная, какъ онъ это приметъ!

— Развѣ онъ не ласкаетъ васъ уже много лѣтъ, какъ родного сына! Онъ вѣрно уже вчера все понялъ, когда весело махнулъ на насъ рукою. Идите смѣло. Анна сказала, что отецъ не только согласится на мой бракъ съ вами, но даже отдалъ бы и ее за Стефана, чтобъ пріобрѣсти веселаго собесѣдника.

— Въ такомъ случаѣ, я пойду къ нему смѣло, сказалъ Сильвестръ и пошелъ къ дому рѣшительною и твердою поступью.

Ольга смотрѣла вслѣдъ ему, радуясь его твердости. И кто бы не повѣрилъ ему въ эту минуту, глядя какъ онъ былъ бодръ подъ вліяніемъ минутнаго одушевленія!

Яницкому не долго пришлось увѣщевать сержанта, котораго онъ нашелъ на галлереѣ, выходившей въ садъ. Старикъ сидѣлъ за стаканомъ чая, и медленно потягивалъ струи дыма изъ своей старой, походной трубки. Когда Сильвестръ заговорилъ съ нимъ о своихъ братскихъ отношеніяхъ къ Ольгѣ, о преданности къ семьѣ сержанта, онъ долго слушалъ его молча и угрюмо; онъ далъ ему вдоволь наговориться о его планахъ въ будущемъ. Это молчаніе начинало уже пугать Сильвестра, когда вдругъ сержантъ, посматривавшій на него искоса, тихо разсмѣялся.

— Да развѣ-жъ я не зналъ всего этого! заговорилъ онъ наконецъ. Анна вчера-же мнѣ на васъ нажаловалась! Да я и самъ давно видѣлъ. Богъ да благословитъ васъ! Я вѣдь Аннѣ не товарищъ въ ея затѣяхъ. Хорошій, знакомый человѣкъ—самый лучшій зять для меня; а кого выберутъ дочери,—это ихъ дѣло; Анна можетъ поступать, какъ знаетъ, а Ольга выбрала умно. Только не отняли-бы тебя у насъ, ужъ очень любятъ тебя въ академіи. Гдѣ-жъ Ольга? пойдемъ къ ней, маршъ!

Сильвестръ обнялъ старика, тронутый его добродушіемъ, и пошелъ искать Ольгу. Ему приходилось изумляться, что все это устроилось такъ скоро. Весной еще онъ не позволилъ-бы себѣ думать о женитьбѣ, и всего менѣе о женитьбѣ на одной изъ дочерей сержанта,—и вотъ онъ былъ уже женихомъ Ольги, почти неожиданно для него. Сильвестръ мало изучалъ себя самого; и не зналъ до этого времени, какъ онъ былъ способенъ подчиняться вліянью окружающихъ его людей, и обстоятельствъ. Но теперь онъ отдавался счастью, съ которымъ встрѣтился въ первый разъ въ жизни, не думая объ остальномъ мірѣ. Ясные дни шли быстро, какъ во снѣ, беззаботная веселость овладѣла молодыми счастливцами; на хуторѣ раздавались пѣсни и смѣхъ, всѣ радовались съ ними. Между тѣмъ въ поляхъ кончали жатву, плоды созрѣвали въ садахъ, и осень

напоминала о предстоявшей разлукѣ. Она наступила раньше, чѣмъ они ждали ее. Уже въ половинѣ августа Яницкаго вызвали въ Академію по случаю болѣзни ректора. Онъ звалъ Сильвестра на помощь для всѣхъ распоряженій передъ началомъ преподаванія. Ольга и Яницкій считали себя сильнѣе всѣхъ препятствій и не отчаявались при разставаньѣ. Стоило только выжидать твердо и терпѣливо, говорила Ольга,—и они разстались бодро и съ надеждой на счастливое будущее.

Глава V.

Сильвестръ вернулся въ академію на утѣшеніе ректора и преподавателей. Его обыкновенно встрѣчали тамъ послѣ каникулъ, какъ любимое дитя семьи. Ему и Стефану Барановскому приходилось испытывать только лучшія стороны воспитанія при академіи,—на ихъ долю не приходилось ни наказаній, ни притѣсненій, которыя зачастую приходилось выносить другимъ ученикамъ, особенно въ меньшихъ классахъ. Встрѣтивъ теперь Сильвестра, ему говорили, что онъ разцвѣлъ и возмужалъ, что никогда еще онъ не казался такимъ виднымъ и красивымъ. Яницкому неловко было выслушивать все это: у него не спокойно было на совѣсти, такъ

какъ онъ долженъ былъ затаить все, что свершилось съ нимъ на хуторѣ. Его помолвку слѣдовало скрывать до окончанія курса. Особенно тяжелы были ему частыя бесѣды съ больнымъ ректоромъ, возлагавшимъ на него большія надежды. Ректоръ заявилъ ему:—что еслибы ему и пришлось умереть, отъ болѣзни такъ долго длившейся, то онъ умретъ съ однимъ утѣшеніемъ, что Сильвестръ займетъ со временемъ его мѣсто, при осиротѣвшей академіи. Смущенный Сильвестръ отвѣчалъ уклончиво, что онъ желалъ бы поступить въ преподаватели при академіи, и высказалъ желаніе продолжать еще работать для своего дальнѣйшаго развитія на поприщѣ наукъ. Но ректоръ не удовлетворялся такимъ отвѣтомъ, онъ опредѣленнѣе разъяснялъ картину будущности Сильвестра, говорилъ о его постриженіи и о повышеніяхъ въ монашествѣ, о высокихъ санахъ, которые онъ займетъ со временемъ. Сильвестръ тяготился неловкостію своего положенія, прошло нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ какъ онъ вернулся въ академію, а онъ уже потерялъ свой ясный видъ и начиналъ тосковать впадая въ разладъ съ самимъ собою. Стефанъ еще не возвращался и не съ кѣмъ было ему поговорить по душѣ. Въ густыхъ аллеяхъ сада было мрачно, преподаваніе еще не начиналось, и нѣсколько часовъ въ день Сильвестръ проводилъ у постели ректора по желанію больного.

Расспросы его о проведенномъ на хуторѣ лѣтѣ смущали Сильвестра. Онъ прежде привыкъ смотрѣть прямо въ глаза людямъ, и чувствовалъ, что скрывая теперь свою тайну онъ дойдетъ до лицемѣрія, тѣмъ болѣе, что тайна его противорѣчила ожиданьямъ всѣхъ его окружающихъ. При такомъ разладѣ съ людьми и съ собою въ немъ даже подымалось сомнѣнье — не поспѣшилъ-ли онъ рѣшивъ свою участь лѣтомъ? Не перешелъ ли на путь менѣе почтенный? Ректоръ имѣлъ способность ярко представлять достоинство человѣка, который отрекался отъ земныхъ благъ, ради чистоты и вѣры и проповѣдыванія ея другимъ. Подъ вліяніемъ его рѣчей, или вечеромъ стоя подъ сводами освѣщеннаго храма, мысли его получали новое направленіе, и все свершившееся съ нимъ въ послѣдніе дни лѣта, казалось ему ребячествомъ. Онъ выходилъ на улицы города, чтобъ передумать все въ другой обстановкѣ, но и на улицахъ встрѣчалъ только толпы богомольцевъ, серьезные лица монаховъ, или бѣдный людъ калѣкъ и нищихъ, и ему снова совѣстно было вспомнитъ о своемъ беззаботномъ счастьѣ; — а между — тѣмъ однако міръ казался бы ему мраченъ, еслибы онъ не зналъ, что были въ немъ люди, которые любили его! Чтобъ забыть это тяжелое раздумье, онъ вдался въ чтеніе. Готовясь въ преподаватели, или въ крайнемъ случаѣ въ священники, онъ читалъ исторію отцовъ

церкви, или принимался за греческій и латинскій языки. Онъ придумалъ, что, готовясь въ священники, онъ не такъ рѣзко отступитъ отъ положенія, къ которому его готовили другіе. Успокоившись на этой мысли, онъ началъ открыто высказывать свое предпочтеніе къ положенію бѣлаго духовенства; и ему легче было выдерживать длинные разговоры съ ректоромъ, который начиналъ между—тѣмъ выздоравливать, и рѣже велъ рѣчь объ отреченіи отъ земныхъ благъ.

Одинъ за другимъ возвращались всѣ ученики академіи, не доставало только одного Барановскаго, наконецъ и объ немъ пришли вѣсти. Сторожъ Антонъ вернулся изъ путешествія по святымъ мѣстамъ съ сѣвера, и принесъ вѣсть, что встрѣтилъ Стефана на баркѣ на Волгѣ. Ректоръ еще не выходилъ изъ своей комнаты, онъ скучалъ, и ради развлеченія пожелалъ видѣть сторожа и распросить его о дальнихъ краяхъ. Сторожъ вручилъ ему просфору съ пожеланіемъ скораго выздоровленія, и долго занималъ его разсказами; онъ не забылъ упомянуть и о Стефанѣ, который могъ-бы подтвердить его разсказы о разбойникахъ, напавшихъ на барку.

— Да развѣ ты видѣлъ тамъ Стефана? Не ошибся ли ты?

— Нѣтъ, ваше преподобіе, точно видѣлъ Стефана! Сначала я самъ себѣ не вѣрилъ; сидитъ

кто-то подлѣ купца одного, распиваетъ съ нимъ изъ бутылочки, точно будто вино...

— Гм... прокашлялъ больной.

— Похожъ, думаю, на Стефана. Слышу и голосъ,—совсѣмъ Стефановъ! Я по ближе слушаю: онъ стихи читаетъ какіе-то, такъ бойко! прокихикалъ, наконецъ, сторожъ.—А купецъ все хвалилъ его. Я тутъ призналъ Стефана; нельзя было не признать: кричитъ такъ громко,—нельзя не узнать голоса его!

— Гм... откашлялся снова больной,—что же это за купецъ былъ.

— Господь его вѣдаетъ! Около Ярославля, смотрю, — сошли съ барки и пошли вмѣстѣ въ городъ, продолжалъ старикъ.

— Тебѣ слѣдовало узнать, распросить! внушительно проговорилъ ректоръ:—человѣкъ онъ молодой, неопытный, могутъ завести его Богъ знаетъ куда!

— Я спросилъ самого Стефана: какъ вы сюда попали?—По дѣламъ, говоритъ, матушка послала. Ну я повѣрилъ, закончилъ Антонъ, съ притворнымъ простодушіемъ, хотя кривой глазъ его замигалъ безпокойно, всматриваясь въ ректора.

— Ну, ступай, отпустилъ ректоръ разсказчика.

Но тотчасъ было послано за Сильвестромъ. Раздраженный и разстроенный больной сообщилъ ему, что сторожъ Антонъ видѣлъ Стефана на

Волгѣ и спросилъ: не можетъ ли Сильвестръ объяснить такое странное путешествіе?

Сильвестръ удивился не меньше ректора и заявилъ совершенно искренно, что ничего неслышалъ о Стефанѣ послѣ того, какъ простился съ нимъ два мѣсяца тому назадъ и проводилъ его въ Нижегородскую губернію, къ его роднымъ. Но вѣрно все объяснится по возвращеніи Стефана.

Стефанъ Барановскій скоро появился. Въ полдень онъ проходилъ черезъ монастырскій дворъ въ знакомомъ для всѣхъ платьѣ, и съ тѣмъ же кожаннымъ мѣшкомъ за плечами, съ которымъ вышелъ изъ академіи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ сильно загорѣлъ, но лице смотрѣло свѣжо, хотя онъ казалось, былъ озабоченъ и заявилъ, что только что выздоровѣлъ послѣ тяжелой горячки, которую захватилъ въ Ярославлѣ; волосы его были очень коротко острижены, какъ онъ увѣрялъ, во время его болѣзни. Съ Сильвестромъ они по братски обнялись при встрѣчѣ. Какъ только они остались одни, Сильвестръ передалъ Стефану, какъ неблагопріятна оказалась для него встрѣча съ монастырскимъ сторожемъ на баркѣ, потому что сторожъ уже выболталъ все ректору. Барановскій предвидѣлъ это, онъ былъ не даромъ озабоченъ. Его не тотчасъ позвали къ ректору: больной чувствовалъ себя хуже и отложилъ объясненіе до другого дня. Барановскому оставались цѣлые сутки, чтобъ при-

думать свое оправданіе. Въ общей столовой, ссылаясь на болѣзнь, отбившую у него вкусъ къ пищѣ, онъ не дотронулся до кушанья, не смотря на понуканіе товарищей. По окончаніи обѣда онъ заявилъ, что пойдетъ къ знакомому доктору. Докторъ, знакомый Стефану, былъ родомъ венгерецъ, смолоду поселившійся на Руси и обрусѣвшій. Его знаніе медицины было необширно, хоть онъ и ссылался на открытія древнихъ философовъ. Самъ онъ прописывалъ не болѣе того, что называется теперь домашними средствами, любилъ бросать кровь, и увѣрялъ, что природа измѣнила свои свойства со временъ Аристотеля, судя потому, что жаба имѣла прежде цѣлительныя свойства. Преимущественно прописывалъ онъ употребленіе магнезіи и составилъ порошки, носившіе его имя, въ которыхъ мѣлъ входилъ какъ основаніе, въ большомъ количествѣ, а запахъ мяты и корицы доставлялъ имъ большую популярность; съ примѣсью ревеню они совершали чудеса, и поддерживали скудныя средства доктора Войтоса. Докторъ былъ бѣденъ и одинокъ и очень любилъ посѣщенія Стефана Барановскаго, забѣгавшаго къ нему побесѣдовать. Вышедши изъ столовой, Барановскій отправился въ самую дальнюю отъ академіи улицу, гдѣ находилась давно извѣстная ему еврейская корчма, въ которой хозяйка держала обѣды, чай и водку. Барановскій поѣлъ тутъ и выпилъ за

двухъ, и покончивъ все пошелъ къ врачу Войтасу. Онъ засталъ его за чтеніемъ старой латинской книги. Книга тотчасъ была оставлена, огромныя стекла очковъ вздвинуты на лобъ и Барановскій услышалъ ласковый привѣтъ.

— Наконецъ то я тебя дождался повѣса! Гдѣ изволилъ пропадать такъ долго?

— Болѣлъ, Вильгельмъ Федоровичъ, болѣлъ на чужой сторонѣ.

— Умру—не повѣрю! воскликнулъ врачъ.

— Ваша воля! А у меня и сейчасъ еще жаръ въ желудкѣ:, жжетъ меня вотъ здѣсь, говорилъ Барановскій, указывая подъ ложечку.

— Поѣлъ колбасы съ перцемъ, объяснилъ докторъ съ безстрастнымъ взглядомъ, и спокойно разглаживая бѣлую бороду и сѣдые волоски, сохранившіеся вокругъ большой лысины.

— Ничего не могъ ѣсть въ рефекторіи.

— Это могло случиться, замѣтилъ врачъ спокойно.

— Я болѣлъ горячкой, послѣ болѣзни мало ѣмъ, простуживаюсь, и страдаю жженіемъ внутри, жаловался Барановскій.

— Это излѣчимо. Я пропишу тебѣ своихъ порошковъ; тебѣ я отпущу ихъ даромъ. А пока выпей моего бальзама!

Стефанъ Барановскій отказался отъ питья, но послѣ настоятельнаго требованія доктора выпилъ всего четверть рюмки, глотая быстро, какъ не

любимое лѣкарство. Онъ пришелъ къ врачу съ цѣлію получить отъ него мѣлу, и зналъ что получитъ его если пожалуется на жженіе. Такимъ образомъ Барановскій пріобрѣлъ порошокъ тонко истолченнаго мѣлу, какого онъ не могъ бы получить въ лавкѣ или приготовить дома не возбудивъ подозрѣнія, еслибы кто нибудь заприм҇ѣтилъ его покупку или работу. Теперь предстояла задача: какъ уйти скорѣе отъ врача, который приготовился поболтать съ своимъ гостемъ? Барановскій отдѣлался послѣ недолгой бесѣды, сказавъ, что долженъ былъ явиться къ ректору. Врачъ махнулъ рукой и отпустилъ его. Барановскій вышелъ отъ него, осторожно уложивъ въ карманъ порошокъ мѣлу, и вернувшись домой рано легъ въ постель. На утро, когда всѣ еще спали, онъ подмазалъ себя мѣломъ, такъ искусно, какъ приходилось ему не разъ подмазывать себя и другихъ въ тотъ мѣсяцъ, который онъ провелъ въ Ярославлѣ въ труппѣ Волкова. Онъ былъ хорошо принятъ, какъ только отрекомендовалъ его фабрикантъ, за которымъ онъ послѣдовалъ въ городъ съ барки. Волковъ былъ замѣчательной личностію того времени, себѣ одному обязанный своимъ развитіемъ и одаренный отъ природы замѣчательнымъ талантомъ артиста, онъ страстно относился къ искусству. Его трудами и на его средства былъ основанъ первый публичный театръ въ Россіи и онъ же собралъ первую

замѣчательную труппу артистовъ. Встрѣтивъ Барановскаго, Волковъ сразу понялъ, что и въ немъ зародилась такая же страсть къ театру, какая была въ самомъ Волковѣ, а познакомясь ближе призналъ въ немъ большое дарованіе. Труппа Волкова была очень не велика, и онъ охотно принялъ даровитаго любителя. Средства его театра были также не велики, и въ этомъ отношеніи онъ могъ удовлетворить только любителей искусства. Но въ этой небольшой труппѣ Барановскій нашелъ все далеко выше и совершеннѣе, чѣмъ могъ себѣ представить. Онъ былъ такъ мало знакомъ съ какими бы то нибыло представленіями, кромѣ тѣхъ не сложныхъ церковныхъ мистерій, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе во времена дѣтства; и которые скоро потомъ вышли изъ обычая и прекратились въ церквахъ. Волковъ былъ самый талантливый артистъ своей труппы и только любимый имъ пріятель его, Нарыковъ, могъ помѣряться съ нимъ въ даровитости. Стефану приходилось многому поучиться у нихъ обоихъ. Но Волковъ уже настолько имъ заинтересовался, что жалѣлъ почему онъ тотчасъ же не могъ совершенно посвятить себя театру. Пока онъ принялъ его до осени, на условіяхъ очень скромныхъ; денегъ у нихъ было немного. Содержаніе театра не могло окупаться при такой дешевой цѣнѣ за мѣста, какую они должны были назначить; за

мѣста на скамьяхъ въ первомъ ряду платилось по пяти копѣекъ мѣди. Большую часть расходовъ Волковъ оплачивалъ изъ своихъ денегъ, и притомъ умѣя рисовать, самъ разрисовывалъ декораціи и занавѣсъ. Онъ трудился изучая новѣйшіе языки, и первая пьэса дававшаяся у нихъ при открытіи театра была переведена съ итальянскаго языка самимъ же Волковымъ. Онъ надѣялся, что найдетъ помощь въ Барановскомъ, если бы они пожелали перевести одну изъ греческихъ трагедій; притомъ Барановскій брался переписывать пьэсы и роли, за что ему назначили особую плату. На такихъ условіяхъ Стефанъ Барановскій поступилъ въ труппу Волкова актеромъ, суфлеромъ и переписчикомъ на лѣтнее время до конца его, подъ именемъ Яковлева. Когда назначенъ былъ день для пробы его чтенія и игры,—онъ ждалъ его съ нѣкоторой тревоггой Онъ былъ такъ молодъ, что самая новость его положенія и обстановки радовала и увлекала его, и пробнаго дня онъ ждалъ какъ дѣти ждутъ обѣщаннаго праздника;—но вмѣстѣ съ тѣмъ смущалъ его вопросъ объ успѣхѣ его игры!

Положеніе начинающаго артиста—актера въ тѣ дни—было очень трудно. Взглядъ на искусство тогда еще не выработался ни долголѣтними впечатлѣніями, ни сравненіемъ сцены съ жизнію. Искусство состояло въ подражаніи древнимъ образцамъ по старымъ преданіямъ. Для всего су-

ществовали разъ принятыя правила: какъ слѣдовало ходить по сценѣ, какія движенія и позы принимать при извѣстномъ положеніи и ощущеніяхъ лица въ пьесѣ, насколько и съ какою силою возвышать голосъ или гремѣть имъ въ порывѣ гнѣва и другихъ страстей. Такія правила давали возможность выучиться играть и представлять по извѣстнымъ образцамъ, но они же стѣсняли каждый естественный порывъ, проявленіе неподдѣльнаго чувства и самобытныхъ выраженій его. Какъ ни казались бы они необходимы артисту по его внутреннему пониманію,—ему не позволялось отступать отъ правилъ. Образовавшаяся такимъ образомъ школа существовала тогда во всѣхъ европейскихъ государствахъ и служила авторитетомъ для русской, только что зародившейся сцены. Публика только что начинала входить во вкусъ представленій; при всѣхъ своихъ недостаткахъ они будили въ публикѣ дремавшую, несознанную мысль и чувство, и зарождали ясные взгляды на жизнь. Подъ вліяніемъ перваго увлеченія, никто не разсуждалъ о недостаткахъ принятыхъ правилъ, никому еще не бросалось въ глаза, что они натянуты и ложны.

Съ живой натурой Барановскаго трудно было подчиняться этимъ правиламъ, онъ не могъ вполнѣ поладить съ классическою школой, и часто у него прорывались правдивыя, живыя движенья и интонація голоса. Необъяснимое впечатлѣніе

производилъ онъ въ такія минуты на публику и на артистовъ. Всѣ чувствовали, что онъ игралъ увлекательно, но не совсѣмъ еще правильно, по понятіямъ того времени; въ одинъ голосъ было рѣшено наконецъ, что актеръ Яковлевъ большой талантъ, но которому надо было еще поучиться для усовершенствованія. Стефанъ покорился и подражалъ своимъ, уже увѣреннымъ въ себѣ и заслуженнымъ учителямъ;—но въ душѣ протестовалъ противъ такого стѣсненія его страстной игры; подавленное чувство артиста прорывалось въ дозволенныхъ возвышеніяхъ голоса, при чемъ его сильный и особенно пріятный органъ, возбуждалъ единодушный взрывъ общаго увлеченья. Такъ блаженно проходилъ для Барановскаго остатокъ лѣта. Словно сила чародѣя внезапно окружила его всѣмъ, чего такъ долго жаждала душа, о чемъ изнывала въ пустотѣ и бездѣйствіи. Онъ весь погрузился въ изученіе ролей, и забывалъ свою жизнь, изучая и проникаясь жизнію взятаго на себя лица. Правда, не легко было заучивать тяжелые, шероховатые стихи изъ пьэсъ Сумарокова,—не лучше былъ и языкъ въ переводныхъ пьэсахъ Мольера. Это составляло мучительную, черновую сторону работы. Часто послѣ долгаго зубренья Барановскій искалъ освѣженія и отдыха, прочитывая нѣсколько строфъ изъ Горація и Овидія, насколько онъ помнилъ на память. Иногда напѣвалъ онъ ста-

ринную русскую пѣсню и находилъ, что народъ какъ то складно умѣлъ сложить ея строфы. „А вотъ говорятъ, русскій языкъ неповоротливъ, не разработанъ и не скоро дойдетъ до звучности и гармоніи древнихъ языковъ“, думалъ онъ. „Увѣряютъ даже, что это не въ характерѣ русскаго языка! А если взять за образецъ древнія русскія пѣсни? Почему не берутъ?“ Такія мысли ходили въ головѣ его, какъ загадка. Но Боже сохрани, бывало, когда случится ему высказать ихъ вслухъ! Даже Волковъ не совсѣмъ ему сочувствовалъ въ этомъ дѣлѣ, а другіе прямо смѣялись и нападали на него.

— Помилуйте! говорилъ Нарыковъ,—народныя пѣсни,—да развѣ это идетъ, подходитъ ли это къ высокому стилю? Развѣ тутъ есть что нибудь классическое? Годится ли это для высокой трагедіи? внушалъ онъ Стефану.

— Вы, батюшка, недоросли еще, чтобъ различить что есть отмѣннаго въ стихахъ нашихъ пьэсъ. Вѣско! сударь мой, тяжело! Да вѣдь и жизнь наша тяжела и запутана. Вотъ оно что! училъ его актеръ весьма посредственный, умѣвшій только выкрикивать вѣскія фразы. Онъ считалъ себя горячимъ и страстнымъ и ежедневно бывалъ пьянъ къ вечеру почти до безпамятства. Въ труппу Волкова приняли его за богатырскій ростъ и голосъ, и онъ вымѣщалъ часто на Стефанѣ предпочтеніе, которое оказывала публика

новому актеру, выступившему передъ ней подъ именемъ Яковлева.

Въ этихъ спорахъ Стефанъ не умѣлъ еще доказать свою мысль но смутно чувствовалъ, что всѣ эти доводы были только ложными предубѣжденіями. Эти столкновенія, споры, и мелкія непріятности, не мѣшали его блаженному состоянію духа. Страсть его къ театру развивалась, для него было рѣшено, что онъ вступитъ въ актеры, покончивъ занятія въ Академіи. Выйти преждевременно значило бы надѣлать шуму, возбудить гоненіе,—и огорчить матушку. Теперь Августъ былъ на исходѣ, надо было спѣшить еще взглянуть на мать, и потомъ спѣшить въ Кіевъ, онъ и такъ опоздалъ уже! Въ Ярославлѣ Волковъ простился съ нимъ, какъ съ любимымъ товарищемъ, и всѣ разстались съ нимъ неохотно. Положено было что онъ вернется въ концѣ Мая, чтобъ окончательно пристроиться къ ихъ труппѣ съ будущаго года. Стефанъ пустился въ обратный путь съ счастливыми думами.

Прибывъ въ Нижегородскую губернію, онъ пробылъ въ родной семьѣ неболѣе двухъ дней. Передавая матери очень небольшую сумму сбереженныхъ для нея денегъ, онъ увѣрилъ ее, что работалъ въ Ярославлѣ, въ канцеляріи воеводы. Увѣрить ее было не трудно въ чемъ ему было угодно. Отъ Артема онъ получилъ вѣсти о Малашѣ. Одинъ изъ окрестныхъ крестьянъ, вернув-

шійся къ старому отцу, не могшему бѣжать по дряхлости, скрывался не далеко отъ ихъ села. Отъ него слышали, что бѣглецы и съ ними Малаша и мужъ ея, поплыли по Волгѣ къ Астрахани, желая тамъ приписаться къ Оренбургскимъ крестьянскимъ общинамъ, какъ дозволялъ это новый указъ относительно „русскихъ выходцевъ,“ къ числу которыхъ не замедлили отнести себя всѣ бѣглецы.

Стефанъ Барановскій слышалъ объ этомъ указѣ. Онъ слыхалъ объ Оренбургскомъ губернаторѣ Неплюевѣ, выхлопотавшемъ такіе права для бѣглыхъ, прибывавшихъ въ тѣ края. Опытный и умный правитель, одинъ изъ вымирающихъ уже людей, приготовленный для государственной дѣятельности во времена Петра I, — онъ понялъ пользу, которую можно было принести краю, поселяя прибывавшіе туда толпы, на окраинахъ Россіи, и въ крѣпостяхъ строившихся по линіи къ Оренбургу. Онъ давалъ этимъ бродившимъ толпамъ новую жизнь на льготныхъ условіяхъ, при которыхъ они становились полезными гражданами. Неплюевъ являлся благодѣтелемъ того края.

Барановскій узналъ, что мужъ Малаши оставилъ ее съ другими односельчанами, и скрылся въ дальнихъ Башкирскихъ степяхъ, обѣщая дать имъ знать, какъ только найдетъ удобное вольготное мѣсто для ихъ поселенія.

Такія вѣсти о странствіяхъ Малаши ослабили нѣсколько веселое настроеніе Стефана. Онъ зналъ, что въ степяхъ были безпрерывныя возстанія Башкировъ, еще недавно перерѣзавшихъ всѣхъ жителей въ близъ лежащихъ крѣпостяхъ. Они были усмирены съ особенною ловкостію Неплюевымъ-же, успѣвшимъ поселить разъединеніе между ними. Но на долго ли могли успокоиться эти дикія племена? Стефанъ обѣщалъ себѣ позабоботиться и розыскать Малашу, какъ только онъ будетъ свободенъ и найдетъ для этого денежныя средства.

Позднее возвращеніе Стефана въ академію, ставило его въ затруднительное положеніе, приходилось искать себѣ какого нибудь оправданія. Мысль сослаться на горячку пришла ему въ домѣ матери; онъ попросилъ кузнеца Артема остричь его покороче, что кузнецъ выполнилъ, какъ мастеръ своего дѣла. Стефану Барановскому предстояло также „какъ мастеру“ розыграть теперь роль больного и внушить ректору участіе къ себѣ. Это была новая проба его таланта.

Спокойно вошелъ Барановскій въ комнату больного ректора, куда ему предписано было явиться. Окинувъ комнату бѣглымъ взглядомъ, онъ увидалъ сидѣвшаго въ уголкѣ Сильвестра; онъ заключилъ изъ этого уже, что пріемъ не будетъ очень суровъ, иначе Сильвестръ, не остался бы здѣсь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впе-

редъ, Стефанъ началъ медленно отступать, какъ будто испуганный слабостію больного, въ тоже время почтительно кланяясь и медленно приподнимая наклоненную голову,—при чемъ лице его мѣловато блѣдное, рѣзко отличалось отъ его черной одежды и темныхъ волосъ.

— Вы болѣете? проговорилъ Стефанъ, первый робко прерывая тягостное молчаніе.

— Давно уже... отвѣтилъ ректоръ, смягченный заявленнымъ участіемъ.

— Не горячкой-ли, ваше преподобіе? Повсюду слышно о горячкахъ, и я чуть не скончался отъ нея въ Ярославлѣ.

— За какимъ дѣломъ попалъ ты въ Ярославль, когда тебя давно ждутъ здѣсь? спросилъ ректоръ строго.

— Я бы давно былъ здѣсь, еслибы не болѣзнь, чуть не сгубившая меня, говорилъ Стефанъ. Если позволите я разскажу почему я былъ тамъ.

— Объясни. Не пойму, какъ ты зашелъ туда. Слышалъ, тебя видѣли на Волгѣ?

— Точно. Я ѣхалъ водою, потому что иное путешествіе обошлось бы дороже чѣмъ я могъ издержать. Матушка желала, чтобы я съѣздилъ къ ея роднымъ и попросилъ опредѣлить къ нимъ меньшаго брата: они берутъ его къ себѣ на будущее лѣто. Я только и думалъ переговорить—и уѣхать обратно. Но меня тамъ остановили, предложили мнѣ работу, говоря что въ деревнѣ нѣтъ

занятій, а въ городѣ я могъ заработать рублей 30 для матери. И я точно могъ-бы заработать, еслибы не заболѣлъ.

Ректоръ слушалъ молча и начиналъ довѣрчивѣй всматриваться въ блѣдное лице и серьезную мину Стефана. Сильвестръ глядѣлъ въ сторону, чтобы не выдать, какъ онъ былъ смущенъ необычными пріемами и перемѣной внѣшности Стефана. Онъ дѣлалъ его невольнымъ соучастникомъ своего обмана.

— Какія работы досталъ ты въ городѣ?

— Я велъ счеты въ конторѣ одного купца фабриканта, смѣло сослался Барановскій на новаго знакомаго. А сверхъ того, мнѣ давали работы при театрѣ...

— Какъ при театрѣ?...

— Боюсь, что вы не одобрите... проговорилъ робко Стефанъ.

— Говори все прямо, ободрилъ его ректоръ.

— Я по вечерамъ ходилъ переписывать роли актерамъ, переписывалъ и цѣлыя пьесы.

— Не слѣдуетъ знаться съ такого рода людьми! прервалъ ректоръ строго.

— Вотъ какъ случился этотъ грѣхъ. Останавливался я у тамошняго протоіерея Николаевской церкви, Нарыкова: познакомился съ сыномъ его. Сынъ этотъ недавно кончилъ въ Семинаріи курсъ, и очень хорошо. Черезъ нихъ познакомился я съ Волковымъ.

— Слыхалъ я о Волковѣ... прервалъ его больной.

— Волковъ купеческій сынъ, онъ работалъ въ купеческой конторѣ по желанію своего вотчима. Но съ тѣхъ поръ, какъ удалось ему увидать актеровъ итальянской оперы, которые играютъ при дворѣ государыни... Барановскій остановился перевести духъ, и положилъ руку на грудь съ болѣзненной усталостію.

— Садись! приказалъ ректоръ усталому Стефану, заинтересованный его разсказомъ.

— Съ той поры, Волковъ получилъ такую страсть къ театру, что вернулся въ Ярославль и завелъ тамъ на свой счетъ зданіе для театра, и актеровъ. Бываетъ въ театрѣ весь городъ. Играютъ у него классическія трагедіи Сумарокова и другіе классическія пьессы. Волковъ былъ хорошимъ пріятелемъ сына Нарыкова и пригласилъ его помогать ему въ этомъ предпріятіи. Нарыкову самому понравилось это занятіе, и теперь онъ поступилъ въ труппу Волкова актеромъ.

— Актеромъ! Сынъ протоіерея?... Да чего-же смотрѣлъ отецъ его? Какъ онъ дозволилъ ему вмѣшаться между отверженцами, поступить на такое ничтожное занятіе! Что-же ты, хвалилъ его за это?

— Мнѣ вмѣшиваться не пристало. Говорилъ я ему, спрашивалъ: какъ это вы рѣшились принять такое званіе, которое на Руси въ грошъ

не цѣнится! Вы вѣдь всю жизнь проведете въ темнотѣ и ничтожествѣ...

— А что-же отецъ его? спрашивалъ больной, съ горячностію, приподымаясь на своей постели.

— Онъ говорилъ, что отецъ былъ сначала противъ этого званія, но что его убѣдили. Ему напоминали, что въ древности въ развитыхъ государствахъ уважали званіе актера, и талантъ его ставили высоко; сбѣгались слушать его, плакали, слушая его—исправлялись отъ своихъ недостатковъ. Начали убѣждать его, что театръ можетъ быть очистительною силой для общества, если мѣсто актеровъ будутъ занимать люди образованные и съ талантомъ. Послѣ всего этого,—родитель уступилъ.

— Уступилъ! воскликнулъ больной. Легко сказать! Что если всѣ мы свернемъ съ ума, какъ твой почтенный протоіерей: вѣдь эдакъ мы все уступимъ! Всякой блажи начнемъ помыкать и уступать! Что-жъ? И тебя можетъ быть уговаривали поступить въ актеры къ нимъ? Ввергнуться въ этотъ омутъ грѣха и суэтъ, свернувъ съ дороги труда и самоотреченья ради вѣры! Такъ-ли? Ядовито спрашивалъ больной Стефана.

— Мое дѣло другое. Передо мной лежитъ другая дорога; потому я спѣшилъ вернуться сюда, снова приняться за свои занятія. И будь я человѣкомъ свободнымъ...

— И тогда ты долженъ-бы былъ помнить, какъ

высоко стояла всегда наша Духовная академія, чѣмъ ей обязана была вся Русь! Наши ученые перенесли науку свою на сѣверъ, распространяли ее, жертвуя жизнію. Они первые населяли сѣверныя пустыни,—и около этихъ святыхъ отшельниковъ осмѣливались селиться робкіе поселяне, страшившіеся, и бѣжавшіе отъ вражей силы татаръ—язычниковъ! читалъ ректоръ съ одушевленіемъ, забывая болѣзнь и слабость. И вотъ ты ждешь, продолжалъ онъ съ измѣнившимся голосомъ, съ хрипомъ: ты ждешь, когда ты сдѣлаешься свободнымъ человѣкомъ...

— И пойду своей дорогой... договорилъ за него Барановскій съ притворнымъ простодушіемъ, и спокойно.

— Гмъ! промычалъ больной, и поднялъ руку протянувъ ее, какъ будто желая наложить ее на уста Стефана.—Помни, началъ онъ протяжно,—что если дорога эта будетъ путемъ грѣха, или не на пользу ближнихъ твоихъ: я всюду нагоню и остановлю тебя! Помни это! Теперь—ступай, отпустилъ онъ Стефана.

— Если позволите, сегодня я опять пойду къ доктору...

— Ты, Сильвестръ, проводи его, и передай мнѣ, что скажетъ докторъ о его болѣзни,—приказалъ ректоръ недовѣрявшій Барановскому, не смотря на всю его блѣдность и усталость.

Присутствуя при всей этой сценѣ, Сильвестръ

Яницкій понималъ смѣлую, опасную игру своего пріятеля; онъ дрожалъ, чтобы ректоръ не понялъ о какой дорогѣ говорилъ Стефанъ. Яницкому было ясно, что говоря о Нарыковѣ Барановскій смѣло излагалъ свои собственныя мысли и оправданіе своимъ желаньямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ излагалъ оправданіе своимъ поступкамъ въ будущемъ. Яницкій былъ возмущенъ смѣлостію, звучавшей въ твердой интонаціи, и въ каждой нотѣ голоса Барановскаго. Въ концѣ этой сцены Сильвестръ былъ также блѣденъ, какъ его пріятель —только естественною блѣдностію, отъ волненія. Онъ былъ очень радъ, что получилъ приказаніе идти за Барановскимъ, и могъ выйти изъ комнаты больного, пока тотъ не замѣтилъ его смущенія. Онъ шелъ разсерженный на Барановскаго за его смѣлыя выходки.

— Вы сейчасъ пойдете къ доктору? спросилъ онъ его холодно, проходя по длиннымъ корридорамъ и переходамъ, отдѣлявшимъ комнату ректора отъ классовъ и рефекторіи.

— Я попрошу васъ пройти теперь-же, если вы свободны, ласково отвѣчалъ Барановскій, будто незамѣчая пренебреженія въ голосѣ Сильвестра.

— Я долженъ выполнить, что мнѣ приказано, отвѣчалъ Сильвестръ.

Пріятели вышли вмѣстѣ изъ двора академіи. Сильвестръ не могъ говорить, потому что не могъ

совладѣть съ негодованіемъ на Барановскаго; онъ шелъ за нимъ опустивъ глаза, и не замѣчалъ какими улицами шелъ пріятель. Разсѣянно повернулъ онъ за нимъ въ узкую улицу шедшую немного подъ гору, и съ удивленьемъ увидѣлъ, что оба они стояли у дверей жидовской корчмы,—черноглазая пожилая еврейка привѣтливо отворяла имъ, приглашая войти.

— Куда вы это?.. спросилъ Сильвестръ пріятеля.

— Я ничего не ѣлъ сегодня, отвѣчалъ Барановскій съ притворною кротостію.

— Что-жъ вы не сказали этого прежде? возразилъ Яницкій.

— Я вижу вы осерчали? извинялся Стефанъ.— Прошу васъ, пройдите къ доктору безъ меня, онъ вамъ открыто скажетъ все обо мнѣ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. А я не могу идти дальше.

Сильвестръ согласился по неволѣ, чтобы не спорить передъ еврейкой, и поскорѣй удалиться отъ такой обстановки.

— Мы увидимся съ вами сегодня въ саду академіи, сказалъ онъ Барановскому, холодно взглянувъ на него.

— Хорошо. Я выйду въ садъ къ вечеру, передъ всенощной.

Яницкій удалился быстрыми шагами отъ возмутившей его корчмы, гдѣ Барановскій собирал-

ся подкрѣпить свои силы. Онъ былъ дѣйствительно утомленъ и голоденъ. Разговоръ съ ректоромъ очень волновалъ его; не смотря на отчаянную смѣлость, на него находилъ страхъ и онъ ждалъ иногда, по ѣдкому тону ректора,— что конецъ будетъ не въ его пользу, и могъ грозить ему исключеніемъ изъ академіи. Но высказываясь такъ открыто, Барановскій руководился разсчетомъ: ни какіе слухи дошедшія до начальства, никакія росказни не могли уже повредить ему:—самъ все слышалъ отъ него, могъ сказать ректоръ.

Теперь, когда все окончилось лучше чѣмъ можно было ожидать, Барановскій принялся за ѣду, съ усиленнымъ аппетитомъ. Онъ давно имѣлъ привычку ходить въ эту корчму. Кромѣ дешевизны она представляла еще другое удобство: туда стекалось много народа изъ разныхъ угловъ города, и изъ пришельцевъ и прохожихъ, и можно было, подъ часъ, услыхать тамъ свѣжіе новости изъ дальнихъ концевъ Руси и Украины.

Корчма стояла на валу, подымавшемуся вдоль улицы; правильнѣе будетъ сказать, что на валу былъ виденъ верхній этажъ небольшого домика, а нижній помѣщался въ землѣ, въ глубинѣ вала, служа фундаментомъ для верхняго, и едва выглядывая изъ земли тремя маленькими окнами. Стѣны и полъ корчмы, помѣщались въ глу-

бинѣ зеленаго холма вала. Помѣщеніе это могло быть сыровато, но лѣтомъ изъ него вѣяло прохладой, которая охватывала посѣтителя, когда онъ сходилъ внизъ по четыремъ или пяти ступенькамъ лѣстницы, спускавшейся въ просторную комнату корчмы. Комната была уставлена небольшими столами съ скамьями около нихъ. На столахъ были поставлены красивыя чашки изъ гончарной глины, грязновато-бѣлыя тарелки изъ фаянса, съ синими пятнистыми узорами; изъ чашекъ пахло борщемъ съ саломъ. У крайняго окна на лѣво отъ лѣстницы, шелъ вдоль стѣны прилавокъ, заваленный хлѣбами, бубликами и пирогами. На право отъ лѣстницы, за особымъ столикомъ, сидѣла пожилая еврейка очень добродушная, и нерѣдко можно было встрѣтить тутъже ручнаго ворона, сидѣвшаго на ея плечѣ; они дружно дѣлили пищу. Стефанъ часто садился подлѣ нея, расспросить что у нихъ было новаго, иногда толковалъ съ ней о бытѣ евреевъ, а иногда даже вступалъ въ споръ о ихъ религіи. Старая еврейка, говорившая на малорусскомъ нарѣчіи, хвалила его молодой разумъ и въ то-же время доказывала ему, что каждый думаетъ по своему, и что при всемъ его умѣ и наукѣ, можно и промахъ дать: ну поди себѣ, кушай!—говорила она чтобы кончить споръ.

Случалось, что Барановскій приходилъ въ корчму еврейки и по долгу просиживалъ, все

молча, показывая видъ, что очень занятъ завариваніемъ чая, растираньемъ горчицы, или болѣе получаса выбирая мелкія кости изъ рыбы, которую давали здѣсь въ ухѣ;—самъ онъ межъ тѣмъ чутко прислушивался къ разнообразному говору, къ областнымъ нарѣчіямъ плотниковъ и другихъ рабочихъ, приходившихъ издалека, и слушалъ ихъ розсказни. И въ этотъ разъ, по уходѣ Яницкаго, онъ заваривалъ себѣ чай и прислушивался къ чистой великорусской рѣчи раздававшейся въ одномъ изъ угловъ корчмы.

Разговоръ шелъ объ опасной дорогѣ по Муромскимъ лѣсамъ; разговоръ вели плотники, только что кончившіе свой путь сюда изъ Нижегородской губерніи, они толковали съ каменьщиками, прибывшими изъ Владиміра. Толковали о разбоѣ по дорогамъ, по всюду распространившемся.

— И откуда-жъ они берутся? спрашивалъ молодой малый съ глупымъ видомъ, съ выкаченными на лобъ глазами, точно всегда ждавшими разрѣшенья какого нибудь вопроса.

— Все тѣ-же люди, толковалъ приземистый, съ широкими плечами старикъ съ рыжеватой съ просѣдью бородою:—только они не въ законъ попали, ну и должны приматься, со звѣрями жить; они обозлились, одичали, кидаться стали. Нонѣ ужъ и военная команда ихъ едва осилить можетъ. Всюду военную команду посылаютъ.

— Видали, заговорили остальные крестьяне: — встрѣчали эти команды по дорогѣ.

— А разбойниковъ встрѣчали? спрашивалъ робкій малый глупаго вида, озираясь, будто трусилъ, что встрѣтитъ разбойниковъ даже здѣсь, въ корчмѣ.

— Стало меньше ихъ. На Донъ поплыли, и по Волгѣ. Въ Оренбургѣ велѣно имъ селиться отвѣчалъ старикъ.

— Вотъ и въ часъ добрый, заговорили за столомъ остальные рабочіе;—можетъ и всѣ туда подберутся.

— Чего лучше! Благодареніе Господу, и государынѣ то-жъ,— дозволила имъ тамъ оставаться горемычнымъ, одичавшимъ было совсѣмъ. Которые еще бродятъ около своей стороны, тѣ только жгутъ да грабятъ. Не мало боярскихъ усадьбъ пожгли, а гдѣ и самихъ помѣщиковъ до смерти позабивали.

— Что-бы ихъ по дальше прогнать-то! выразилъ свое желаніе трусливый малый, крестясь и озираясь.

— Чего ихъ бояться... послышался голосъ изъ среды рабочихъ:—я самъ съ ними бѣгалъ, пока не померъ мой помѣщикъ; послѣ того я вернулся къ его дочери,—она ничего.

— Вправду бѣгалъ съ ними? спросилъ тотъ же боязливый малый.

— Больше некуда дѣваться было. Бродимъ

бывало по лѣсу, ищемъ: не виситъ ли гдѣ нибудь на соснѣ мѣшечекъ съ хлѣбомъ; старухи, кои проходятъ по лѣсу, то для насъ,—несчастливыхъ,—хлѣба оставляли на пищу.

— Что-жъ ты, парень, не одичалъ?.. спрашивалъ молодой малый.

— Ты отъ него подальше, кто его знаетъ, неравно укуситъ! смѣялись остальные крестьяне.

— Всего было, замѣтилъ бѣгавшій.—А которые пошли по Оренбургскимъ крѣпостямъ, изъ тѣхъ половину перебили, говорятъ, Башкиры степные. Тамъ видно люди-то есть еще дичѣе нашихъ бѣглыхъ: казаки, Киргизы, Башкиры ходятъ по степи.

— Круто приходится! отозвался еще чей-то голосъ: и устранить всего невозможно знать! Тамъ все края дальнія, никому невѣдомыя; дома опять житье не лучше подъ часъ приходится,—и бродятъ!

— Еще дальше Оренбурга пробираются, въ Сибирь ходятъ, говорилъ бѣгавшій.

— Это еще гдѣ такая земля? спросилъ малый еще больше открывая свои глаза, безъ того на выкатѣ.

— Далеко отъ Оренбурга еще, за Ураломъ, отвѣчалъ ему, бѣгавшій. И на Днѣпръ къ запорожцамъ бѣгаютъ; тамъ-бы житье хорошее было, еслибы не Крымскіе Татары,—тоже набѣгаютъ и грабятъ.

— Вотъ и живи! сказалъ печально молодой парень.

— Ты и живи! Тебя тутъ пока въ Кіевѣ никто не тронетъ. Кіевъ и Гетманъ стерегетъ,— тутъ тебѣ не крымскіе татары! говорили ему всѣ.

— А и тутъ вѣдь, все какіе-то черномазые и лепечутъ-то какъ! Словно ругаютъ тебя! возразилъ молодой парень.

— Ѣшь, ѣшь! понукали его другіе:

— Выходить пора! прибавилъ бѣгавшій старикъ.

— Что еслибы, подумалъ Барановскій, прикинуться теперь черномазымъ разбойникомъ,— пропалъ бы тотъ малый отъ испуга. Да нельзя, вездѣ тревога пойдетъ, узнаютъ что ученикъ академіи тутъ былъ.

Межъ-тѣмъ всѣ смолкли, слышно только было, какъ хлѣбали изъ чашки. Барановскій задумался не о себѣ: мысли его какъ часто случалось съ нимъ,—слѣдили за знакомыми странниками.

Живъ ли Борисъ, можетъ быть попалъ уже подъ топоръ башкира. А Малаша? Онъ перенесся въ домъ матери, вспоминая старину. Хозяйка еврейка прервала его воспоминанія.

— Откушалъ? спросила она.

— Да, кончилъ.

— Такъ надо расплатиться, напомнила она полу-шутя.

Барановскій выпулъ свой тощій кошелекъ. Расплатившись и простясь съ хозяйкой, онъ вышелъ на улицу. Воздухъ былъ зноенъ, и казался еще душнѣй послѣ прохлады подвальнаго этажа. Стефану пришло на мысль, какъ хорошо было-бы теперь заснуть въ тѣнистомъ саду при академіи до вечера; а вечеромъ предстояло выслушать упреки и увѣщанія Сильвестра, которыхъ онъ ждалъ неизбѣжно.

Но онъ ошибался. Къ вечеру Яницкій успѣлъ успокоиться и передумать. Да и какое право имѣлъ онъ читать наставленія другому, когда у самого его было что скрывать, и когда отношеніе Стефана къ академіи походило на его собственное! И притомъ Барановскій былъ его единственный другъ, на совѣтъ и помощь котораго можно было положиться. Лично Барановскій ничего не могъ возразить противъ женитьбы Сильвестра на Ольгѣ. Въ краткое время ихъ знакомства на хуторѣ, Барановскій не разъ замѣчалъ ея хорошія свойства. Онъ хвалилъ ея распорядительность, ея помощь отцу, и главное за то, что съ этимъ соединялась жалость и желанье помочь бѣдному люду. Всѣ знали, что она сдерживала вспышки отца, привыкшаго дѣлать ей уступки. Сильвестръ могъ признаться не краснѣя въ своей любви къ Ольгѣ, но тяжело было признаться, что онъ отрекся отъ призванія къ монашеству, которое казалось такъ несомнѣнно

для всѣхъ; онъ долженъ спуститься съ высоты на которую давно былъ мысленно поднятъ. Все это настраивало его къ миру и снисходительности.

— Я не намѣренъ бранить васъ, и не затѣмъ пришелъ сюда: но хочу просить васъ—быть осторожнѣй! Съ такими словами подошелъ онъ къ другу, когда тотъ, все еще мѣловато блѣдный,—медленными шагами расхаживалъ подъ вѣковыми вязами, изстари обтѣнявшими густою тѣнью аллеи сада при академіи. Солнце только что зашло, въ аллеяхъ былъ мракъ, и издали Яницкій могъ счесть Барановскаго за одного изъ степенныхъ иноковъ, искавшаго уединенія, отъ шумной толпы воспитанниковъ. Какъ видно было, Барановскому было съ руки принять такой видъ.

— Я и безъ того сильно каюсь, сказалъ онъ въ отвѣтъ Сильвестру.

— Каяться вамъ пока еще не въ чѣмъ. Опасность для васъ впереди. Повоздержитесь вы, пожалуйста, невысказывайте болѣе своихъ вкусовъ, да не выхваливайте положеніе актеровъ!

— Развѣ вы подозрѣваете...

— Я кажется угадалъ, чѣмъ вы занимались лѣтомъ. Но это не мое дѣло, объ этомъ послѣ, теперь надо налечь на занятія, стараться не привлекать на себя вниманія другихъ, - и наши тайны останутся при насъ.

— Да вамъ-то вѣрно нечего прятать, Сильвестръ.

— Я откроюсь вамъ: но постарайтесь не выдать меня. Судьба моя рѣшена: она была рѣшена на хуторѣ. Вы догадаетесь...

— Ольга? проговорилъ чуть слышно Барановскій.

— Никогда не произносите больше здѣсь этого имени; и придумайте что мнѣ дѣлать впереди.

— Жить на хуторѣ.

— Нѣтъ! Мы оба не можемъ предаваться праздной жизни: она выбрала меня, какъ опору и поддержку въ жизни...

— Ей прійдется далеко вамъ сопутствовать! Васъ не оставятъ въ Кіевѣ и вы надолго будете въ гоненіи. Мой совѣтъ: уѣхать въ Ярославль, или въ Москву поискать занятій и счастья.

— Подумаю. Пока будемъ молчать и работать.

— Увидите, какъ я удивлю своимъ поведеніемъ! тихо воскликнулъ Барановскій.

— Тяжело притворство! Мнѣ уже легче теперь, когда я покаялся вамъ; и чувствую что долженъ и вамъ простить ваши увлеченья! Постараемся рѣже встрѣчаться на первыхъ порахъ, чтобы нечаянно не выдать себя въ разговорахъ.

— Долго намъ еще тянуть до конца! проговорилъ Барановскій.

— Да! Пошли Господи терпѣнья и силы! отвѣтилъ Сильвестръ.

— Кто здѣсь?.. окликнулъ ихъ проходившій сторожъ, Антонъ.

— Стефанъ.

— И, Сильвестръ, раздалось въ отвѣтъ.

Сторожъ кивнулъ имъ головой и пошелъ дальше. Раздался первый ударъ колокола—ко всенощной.

— На этотъ разъ пойдемте вмѣстѣ въ церковь, насъ видѣли вмѣстѣ.

— Охотно; идемъ-же отвѣчалъ Барановскій.

Они вышли изъ темной аллеи сада на монастырскій дворъ; на зеленой его луговинѣ свѣтила еще заря, теплые розовые лучи ея тепло освѣщали разнообразные, пестрые цвѣты монастырскаго двора. Оба пріятеля пошли по длинной дорожкѣ обсаженной цвѣтами. Впереди ихъ торопились идти въ церковь монахи въ черныхъ рясахъ и легкихъ мантіяхъ, спускавшихся на плеча съ высокихъ клобуковъ съ ихъ головъ. Дверь церкви пріотворялась для входящихъ; въ темнотѣ ярко выступали ряды горящихъ восковыхъ свѣчей; голоса пѣвчихъ звонко раздавались на минуту, и притихали за притворенной снова дверью.

— Войдемте, помолимся усердно! говорилъ Сильвестръ, отворяя дверь церкви, причемъ лице его уже приняло свое обычное набожное выраженіе съ приподнятымъ къ верху взоромъ. Сте-

фанъ, мрачный и угрюмый вошелъ съ нимъ вмѣстѣ, и дверь затворилась за ними.

Глава VI.

Наступилъ октябрь. На хуторѣ Харитонова, близь Кіева, не только замолкло пѣніе птицъ въ саду и въ рощахъ, но и въ самомъ домѣ сержанта царствовала тишина, съ той поры, какъ онъ проводилъ въ Петербургъ старшую дочь свою Анну.

По приказанію графини Разумовской, жившей теперь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Гетманомъ Кирилло Григорьевичемъ Разумовскимъ, въ Батуринѣ,—Анну увѣдомили: что по ходатайству графини, она принята и зачислена фрейлиной при самой императрицѣ Елисаветѣ. Послѣ этого увѣдомленія не было уже на хуторѣ ни какихъ слуховъ о графинѣ. Ольга считала теперь выдумкой составившейся въ воображеніи Анны, ожиданіе какого нибудь сватовства со стороны графини; но Анна думала иначе. Ей довольно было одного полученнаго извѣстія, для того, чтобы всѣ мечты ея подкрѣпились новыми надеждами. Не безъ слезъ простилась Анна съ сестрой и отцемъ, котораго боялась уже не увидѣть болѣе. Растроганная приняла она его благословеніе, стоя передъ нимъ на колѣняхъ. Уѣхала она

въ сопровожденіи родственницы стараго сержанта, нарочно выписанной для этого изъ Москвы. Что-же касалось тетки карлицы, —то она и на этотъ разъ лишилась удовольствія увидать Петербургъ и весь дворъ. Сержантъ очень боялся ея дикихъ выходокъ, и согласился отпустить Анну только съ условіемъ, чтобы карлица не ѣхала съ нею.

Афимью Тимофеевну утѣшили обѣщаніями, что она когда нибудь навѣстить Анну въ Петербургѣ.

— И каковъ этотъ Петербургъ? Посмотрѣла бы хоть однимъ глазкомъ. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ на болотахъ выросъ, а мы его не видали! Ужъ не будетъ онъ красотой лучше старой Москвы. Отпиши, Анна, какимъ тебѣ новый городъ покажется.

Анна обѣщала обо всемъ отписать Афимьѣ Тимофеевнѣ. Большихъ хлопотъ стоило приготовить все Аннѣ на дальнюю дорогу. Путь отъ Кіева до Петербурга былъ далекій. Часть этого пути предстояло проѣхать на своихъ лошадяхъ съ остановками и дневками для отдыховъ и корма лошадей. Отъ Москвы предполагалось нанять лошадей, а своихъ отослать обратно въ хуторъ. Надо было запастись съѣстными припасами на весь этотъ путь, до Москвы, чтобы ни въ чемъ не нуждаться при остановкахъ, которыя могли приходиться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было найти для пищи ничего подходящаго къ при-

вычкамъ Анны. Въ деревняхъ, лежащихъ на пути, иногда ничего нельзя было найти, кромѣ молока и хлѣба. За экипажемъ Анны, слѣдовала повозка, наполненная припасами для нея, и запасомъ овса для лошадей. Въ этой-же повозкѣ помѣщались ея прислуга и нѣсколько провожатыхъ, безъ которыхъ не безопасно было пускаться въ дальнія путешествія. Чтобы избавляться отъ дорожней скуки, Анна взяла съ собой нѣсколько французскихъ книгъ, продолжая и дорогой упражняться въ любимомъ, и употребительномъ теперь языкѣ при дворѣ. Тяжело казалось это путешествіе Аннѣ, привыкшей къ домашнимъ удобствамъ. Ея тяжелая карета, съ позолотою снаружи, и обитая малиновымъ бархатомъ внутри, —не представляла большихъ удобствъ. Тяжесть кареты замедляла ѣзду по дорогамъ, размытымъ осенними дождями, и по грязи, застывшей въ видѣ высокихъ, твердыхъ кочекъ. По сторонамъ виднѣлись степи и пустыя сжатыя поля,—да изрѣдка попадались селенья изъ маленькихъ хатъ мазанокъ, которыя замѣнялись черными, курными избами, по мѣрѣ того какъ карета подвигалась ближе къ сѣверу, и проѣзжала по провинціямъ, прилегавшимъ къ Московской губерніи. Впервые въ жизни приходилось Аннѣ входить въ курныя избы, видѣть какъ русскіе крестьяне спокойно работали, и ѣли, не стѣсняясь клубами дыма, проходившими въ избу изъ

печи безъ трубы, — тогда какъ дымъ этотъ захватывалъ дыханье Анны, и она предпочитала и ночью оставаться на холодѣ, помѣщаясь въ своей каретѣ. Она входила въ избы на нѣсколько минутъ посмотрѣть на великорусскій народъ, на бѣловолосыхъ, прятавшихся отъ барыни, босыхъ ребятъ, на застѣнчивыхъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ за гребнемъ со льномъ, прикрываясь отъ нея рукавомъ грубой, но вышитой краснымъ рубахи. Только словоохотливыя старушки, повязанныя бѣлымъ полотенцемъ поверхъ высокой кички, распрашивали боярыню: куда она путь держала? Потомъ просили: поклониться отъ нихъ, въ ножки, государынѣ, и просить, чтобы ихъ незабывала и миловала!—Анна съ любопытствомъ слушала ихъ твердое великорусское нарѣчіе, и смѣялась ихъ болтовнѣ. Старухи разсматривали: шубку, опушенную соболемъ, большую боярскую мѣховую шапочку, и хвалили все причмокивая и прищелкивая языкомъ, какъ дѣти. Разсматривала Анна по дорогѣ, новые для нея города, хотя они казались ей меньше Кіева, и не такіе красивые. Но видъ, издали раскинувшіеся передъ нею, самой Москвы, казалось не уступалъ Кіеву; она удивила ее пестрыми церквами о пяти и о семи главахъ, съ золочеными крестами и куполами, и дворцами, и зубчатыми стѣнами кремля. Ей позволено было остановиться въ новомъ дворцѣ государыни, только что выстроенномъ

надъ набережной рѣки Москвы, по плану итальянскаго художника архитектора Растрелли. Ей отвели уголокъ въ помѣщеніи назначенномъ для фрейлинъ, и по просьбѣ ея дозволили посмотрѣть весь дворецъ, всѣ покои государыни, убранные пышно съ мягкою мебелью въ новомъ вкусѣ. Анна посѣтила и старые дворцы прежнихъ Московскихъ государей. Старые дворцы показались ей далеко не такъ роскошны, какъ новый дворецъ Елисаветы. Правда въ нѣкоторыхъ покояхъ стѣны были обиты бархатомъ, и золотыя звѣзды украшали потолокъ, сложенный въ видѣ купола,—но мебель была не затѣйлива; въ иныхъ покояхъ стоялъ одинъ только дубовый столъ, да одно тяжелое кресло съ позолоченными толстыми ножками и ручками,—кресло назначенное только для обладателя или обладательницы этой комнаты, при чемъ не было мебели для приходящихъ. Въ большихъ палатахъ дворцовъ, висѣли портреты царей и царевенъ. Съ особеннымъ интересомъ всматривалась Анна въ портреты Петра I и Алексѣя Михайловича, отыскивая въ нихъ сходство съ портретомъ царевны Елисаветы, нынѣшней государыни. Она знала лице ея не только по портрету,—она помнила Императрицу Елисавету, которая посѣтила Кіевъ, и Анна видѣла ее. Правда, это было много лѣтъ тому назадъ, Анна была еще дѣвочкой лѣтъ 10-ти не болѣе,—но она хорошо помнила все. Она

помнила, какъ толпа народа ждала выхода Императрицы изъ церкви Печерской Лавры и привѣтствовала ее громкими криками. Съ тѣхъ поръ памятны остались всей Малороссіи слова, которыя Елизавета произнесла, какъ привѣтъ народу.

— Возлюби меня Господи въ царствѣ небесномъ, — такъ какъ я возлюбила этотъ добрый, незлобливый народъ! сказала Елисавета обратясь къ толпѣ народа. Анна помнила, что тогда поразила ее величественная осанка и добродушная улыбка Императрицы.

Помолясь въ Москвѣ въ Кремлевскихъ соборахъ,—Анна спѣшила въ дальнѣйшій путь съ своею спутницею, чтобы во время прибыть на мѣсто, въ Петербургъ. Чѣмъ ближе была она къ цѣли, тѣмъ больше уменьшалась ея бодрость, и смущеніе одолѣвало ее, при мысли что скоро она должна представляться государынѣ и появится въ новомъ, блестящемъ и незнакомомъ окруженіи. Наконецъ въѣхали они въ Петербургъ по большому лѣсному проспекту, и въѣхали въ улицы, далеко неоправдавшія ожиданія Анны. Улицы были пусты, и зданія не богаты. Попадались большіе дома, пышные дворцы, но окруженные бревенчатыми, мазанковыми строеніями; самые тротуары поросли кой-гдѣ травою. Путешественницы проѣхали мимо лѣтняго дворца, на который взглянули мелькомъ, и поверну-

ли всторону къ Охтѣ, гдѣ находился прежній увеселительный Смольный дворецъ Елисаветы, построенный еще Петромъ I, и обращенный теперь Императрицей Елисаветой въ Новодѣвичій монастырь. Отецъ Анны условился съ нею, что она остановится сначала въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ покровительствомъ настоятельницы, въ которой отецъ досталъ для нея нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Монастырь этотъ недавно учрежденный, былъ еще не вполнѣ отстроенъ; при немъ строились еще три новыхъ церкви, всѣ по плану Растрелли, — Елисавета желала украсить ими эту новую обитель. Покровительство монастырямъ и основаніе храмовъ вытекало изъ ея глубокой набожности; носились даже слухи, что Императрица намѣревалась докончить послѣдніе годы свои въ этомъ монастырѣ и для себя устроивала его. Въ обителѣ этой Анна провела нѣсколько времени въ различныхъ приготовленіяхъ къ новому своему поприщу. Пожилыя монахини, и сама настоятельница, радушно подавали ей совѣты, относительно ея новаго положенія. Несмотря на удаленіе отъ свѣта, имъ были хорошо извѣстны придворныя партіи, и раздѣленіе двора на старый дворъ, Елисаветы, — и молодой дворъ племянника ея Петра Θедоровича и Екатерины, жены его; такъ были и двѣ партіи при дворѣ, враждовавшія другъ съ другомъ, кромѣ многихъ еще партій, имѣвшихъ въ

виду свои различные интересы. Въ монастырѣ разумно совѣтывали Аннѣ держаться дальше отъ всѣхъ, быть какъ можно сдержанѣй, и невысказывать своихъ мнѣній новымъ друзьямъ, неувѣрившись въ нихъ. Инокини просили ее не забывать среди придворной суэты храмовъ Господнихъ, и ихъ обители!—Анна отъ души благодарила ихъ за совѣты, тѣмъ болѣе,—что она робѣла и теряла самоувѣренность.

Монахини Новодѣвичьяго монастыря въ свою очередь внимательно слушали Анну, распрашивая ее о Кіевѣ. Такъ провела Анна въ тихомъ монастырѣ первые дни по пріѣздѣ въ Петербургъ, когда тихому окруженію несоотвѣтствовало ея внутреннее бурное настроеніе, наполненное страха и надеждъ. Выѣзжала она только для покупокъ въ Гостинномъ дворѣ, выстроенномъ на Троицкой площади, вмѣсто сгорѣвшаго здѣсь стараго Гостиннаго двора. И новое зданіе было не щеголевато; это была длинная галлерея построенная изъ бревенъ, лавки выходили на обѣ стороны галлереи, съ крышею отъ дождя; одна сторона галлереи выходила на площадь, а другая на внутренній дворъ. Петербургъ не имѣлъ еще того блестящаго вида, который онъ принялъ въ царствованіе Екатерины II, когда посѣщавшіе его иностранцы уже говорили о немъ, какъ объ одномъ изъ красивѣйшихъ Европейскихъ городовъ.

Не смотря на робость овладѣвшую Анной, первое представленіе ея ко двору прошло для нея гораздо легче, нежели она ожидала. Когда государыня дозволила представить ей нѣсколько вновь пожалованныхъ фрейлинъ, имъ назначено было пріѣхать утромъ, въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ съ открытымъ воротомъ, съ гирляндами голубыхъ цвѣтовъ на головахъ. Нарядъ этотъ казался Аннѣ очень простъ, и къ сожалѣнію ея, какъ всѣ должны были одѣться одинаково, то она ничѣмъ не могла выдаться и отличиться отъ другихъ, чтобы обратить на себя особенное вниманіе, какъ ей было бы желательно. Въ 10 часовъ утра за ней была прислана придворная карета и она вошла въ нее съ нѣкоторой дрожью въ членахъ, какъ будто она очень озябла, не смотря на теплую бархатную шубку. У подъѣзда дворца она нашла уже пріѣхавшихъ, другихъ фрейлинъ; онѣ вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, камеръ—лакей въ придворной ливреѣ отворилъ имъ двери дворца, и ихъ встрѣтила одна изъ статсъ-дамъ Императрицы, которой поручено было представить ихъ государынѣ. Внимательно осмотрѣвъ ихъ, статсъ-дама распросила ихъ о именахъ, и на произнесенное имя: Анны Ефимовской она проговорила протяжно: да... знаю! Слышала, что вы должны представляться сегодня. Прошу васъ идти впередъ, прибавила она. Статсъ-дама провожала ихъ черезъ большіе залы

дворца, но дорогѣ Анна всматривалась въ большія зеркала украшавшія залы, стараясь узнать себя между отражавшимися въ нихъ фигурами одинаково одѣтыми.

Ей легко было отличать себя между другими; ея ростъ былъ выше, и вся фигура роскошнѣй. Она осталась бы довольна собою, и меньше бы робѣла, еслибъ ей дозволено было остановиться и взглянуть на себя въ этихъ большихъ зеркалахъ: она была хороша въ этомъ простомъ нарядѣ. Она бросалась въ глаза своею свѣжестію; густые каштановые косы видны были изъ подъ гирлянды голубыхъ васильковъ, темные глаза, робко потупленные, изрѣдка бросали быстрый взглядъ вокругъ себя и были оживлены любопытствомъ, съ которымъ она желала все осмотрѣть. Фрейлинъ остановили въ длинной галлереѣ передъ большой залой, въ которой находилось много офицеровъ гвардіи, собравшихся группою въ ожиданіи выхода Императрицы. Имъ дозволено было собраться сегодня, благодарить Государыню за пожалованныя ею повышенія и ордена. Фрейлины должны были выждать пока окончится эта церемонія и наступитъ ихъ очередь представляться. Прошло нѣсколько времени ожиданья, наконецъ дверь отворилась и Императрица вышла. Она подвигалась на встрѣчу, представлявшимся гвардейцамъ. Въ эту минуту Анна забыла все на свѣтѣ, и вперивъ взоръ на

Государыню осталась неподвижна. Она всматривалась въ счастливый ростъ и красивую фигуру Елисаветы; замѣтила ея прекрасную шею, украшенную жемчугомъ и уже не сводила глазъ съ пріятнаго лица ея, съ свѣтлыми, большими голубыми глазами и доброй улыбкой. Темно русые волосы Государыни были приподняты и зачесаны назадъ; собранные на верху головы онѣ связаны были розовою, широкою лентою, концы которой свѣшивались и развѣвались при движеніяхъ головы; на лбу лежала бриллiантовая діадема. Елисавета остановилась приблизясь къ группѣ гвардейцевъ и ласково поклонилась, слегка наклонивъ голову. Къ ней подходили съ глубокимъ поклономъ гвардейцы Измайловскаго полка: генералъ-маіоры, премьеръ-маіоры, и потомъ одинъ секундъ-маіоръ произведенный изъ капитановъ, прослуживши десять лѣтъ въ этомъ чинѣ. Принимая благодарность пожалованныхъ чинами, Императрица остановила секундъ маіора и спросила:

— Каковъ ты въ своемъ здоровьѣ?—Раздавшійся голосъ Императрицы напомнилъ Аннѣ, голосъ слышанный ею въ дѣтствѣ, въ Кіевѣ; она прислушивалась,—но уже слышенъ былъ отвѣтъ гвардейца; голосъ секундъ-маіора доносилъ о себѣ: что хотя онъ имѣлъ въ себѣ болѣзнь съ давнихъ лѣтъ,—но по временамъ бываетъ ему лучше, а по временамъ тяжелѣе!...

— Будь здоровъ, раздался снова голосъ Императрицы: я тебѣ желаю большихъ чиновъ.

Тронутый и обрадованный такимъ привѣтомъ, секундъ маіоръ преклонился къ ногамъ Ея Величества, при чемъ она старалась остановить его, милостиво протянувъ ему руку, съ улыбкою. Наклоненный, онъ поцѣловалъ ея руку. Фрейлины изъ галлереи смотрѣли въ дверь залы на представленіе гвардейскихъ офицеровъ, и не замѣтно наступила и ихъ очередь представиться. Гвардейцамъ дозволено было явиться къ обѣденному столу Императрицы, и послѣ того они были отпущены.

Императрица опустилась на кресло и указала на другое кресло, подлѣ себя канцлеру, присутствовавшему здѣсь и подошедшему къ Императрицѣ. Она сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ и внимательно выслушивала его отвѣты; легкая тѣнь пробѣжала по ея лицу, брови ея сдвинулись и глаза смотрѣли серьезнѣй.

Но канцлеръ, Бестужевъ, скоро отошелъ въ сторону. Государынѣ доложили о фрейлинахъ, которымъ она позволила войти. Всмотрѣвшись во все, Анна успѣла овладѣть собою на столько, что вошла въ залъ вмѣстѣ съ другими фрейлинами, уже привычной своей, твердой и свободной поступью, и была замѣчена среди своихъ робкихъ спутницъ. Государыня взглядывала на нее нѣсколько разъ, принимая другихъ фрей-

линъ, въ то время, какъ статсъ-дама называла имена ихъ Императрицѣ, которая привѣтствовала ихъ то поздравляя, то расспрашивая о ихъ родителяхъ; и когда было произнесено имя Анны Ефимовской, она ласково кивнула ей головою, говоря: знаю... дочь сержанта гвардіи, Харитонова, его падчерица... Передай отъ меня поклонъ отцу въ своемъ письмѣ. Распорядитесь оставить ее во дворцѣ при мнѣ,—докончила Государыня, обращаясь къ статсъ дамѣ, и протянула Аннѣ руку съ такой доброй улыбкой,—что Анна уже безъ особой робости поцѣловала эту руку, подъ обояніемъ теплаго привѣта.

Она вышла изъ дворца съ свѣтлыми мыслями и вернулась въ той-же каретѣ въ обитель Новодѣвичьяго монастыря, чтобъ ожидать тамъ распоряженій отъ двора. Распоряженія не замедлили. Прошло еще нѣсколько дней, и ей было объявлено, что она была принята во фрейлины при самой государынѣ, и ей присланъ былъ подарокъ на туалетъ.

Золотые сны сбывались на яву: прошелъ какой нибудь мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ придворная карета снова привезла ее во дворецъ, гдѣ теперь ей уже назначена была особая комната для житья—и Анна уже совершенно освоилась съ своимъ положеніемъ.

Она тщательно исполняла свои обязанности на дежурствѣ при Императрицѣ и держала себя

осмотрительно и очень осторожно,—но въ ней не узнавали уже той робкой фрейлины съ потупленными взорами, и сиротливымъ видомъ, которая боязливо всходила по ступенькамъ лѣстницы и проходила по заламъ дворца въ день ея представленія. Анна снова приподняла кверху свою красивую головку, а глаза ея ни передъ кѣмъ не потуплялись. Съ свойственной ей догадливостію она понимала отношенія различныхъ лицъ враждебныхъ партій, и осторожно лавировала между ними. Скоро голова ея закружилась отъ веселья; она наслаждалась общей привѣтливостью, съ которой новое ей общество относилась къ ней, любуясь ея красивой наружностію. Она была счастливо поставлена; ей никто не завидовалъ; къ ней обращались, какъ къ бѣдной сиротѣ, которая скоро будетъ за кого нибудь пристроена въ награду за старую службу отца;— и всѣ оказывали ей покровительство. Анна появлялась на балахъ и спектакляхъ, блистая нарядами и весельемъ, и мысленно выбирала: кому рѣшиться она, со временемъ,—отдать свою руку? При дворѣ была веселая пора; празднества шли однѣ за другими; послучаю бракосочетаній лицъ близко поставленныхъ къ двору, давался рядъ баловъ, маскарадовъ, и веселыхъ ужиновъ во дворцѣ, и въ городскомъ обществѣ. Анна особенно любила общественные балы, которые ей позволялось посѣщать съ другими фрейли-

нами, и на которыхъ она свободнѣй могла веселиться и блеснуть роскошнымъ нарядомъ. Пропускать танцы ей не приходилось: молодые и старые спѣшили пригласить ее на перерывъ: на балахъ было много танцоровъ, и много жениховъ,—какъ ей казалось,—оставалось только обдумать и выбрать, какъ думала она.

О жизни Анны, о первыхъ впечатлѣніяхъ ея по пріѣздѣ въ Петербургъ, можно вѣрнѣе узнать изъ писемъ ея къ отцу и къ сестрѣ, которымъ она писала обо всемъ, причемъ она успѣла усвоить себѣ нѣсколько шероховатый и спутанный стиль того времени, не похожій на ея привычный, разговорный языкъ, и употребляла францускія слова на русскій ладъ, какъ дѣлали всѣ въ тѣ времена.

„Ноябрь, 1751-го г.

О томъ, что я милостиво была принята Государынею при своемъ ей представленіи, я уже вамъ писала, и въ какомъ я тогда находилась въ смущеніи! Но при всемъ томъ, то былъ для меня наиприятнѣйшій день въ моей жизни. Съ того времени какъ я во дворцѣ, на службѣ нахожусь, я во всѣхъ увеселеніяхъ принимаю участіе и все видѣть случай имѣю, а также и танцовать на балахъ всѣ разноманерные танцы. Не давно былъ балъ по случаю бракосочетанія князя Т. въ домѣ родителей его. Зала была превеликая, наполненная множествомъ людей обоего пола,

Между ними все были люди роскошно одѣтыя, наблюдали они *всю* благопристойность приличную *кондуиту*. Веселились всѣ до самаго утра, при чемъ окружена я была наилюбезными услужливостями танцоровъ моихъ.

Прошу васъ отписать мнѣ о себѣ и о своемъ здоровьѣ. Будь здоровъ отецъ, и не пропускай случая сберегать себя для твоей наипокорнѣйшей дочери, Анны.“

Въ другомъ письмѣ, къ сестрѣ, находится описаніе маскарадовъ того времени.

„Дорогая сестра Ольга!

Спасибо тебѣ за письма, изъ коихъ вѣдаю о твоемъ и объ отцѣ здоровьѣ. Желаю тебѣ здоровья и благословенія Божія. Ты не пишешь мнѣ ничего о томъ: назначена-ли твоя свадьба,—или вы почему либо умедляете ею? Думаю о тебѣ и жалѣю, что ты во всѣхъ веселостяхъ принять участіе не можешь.

На дняхъ имѣла я случай видѣть, когда по желанію Государыни, Лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеры трактованы были обѣденнымъ столомъ. Накрыты были столы представляя собою фигуру на подобіе короны. При обѣденномъ кушаньѣ, съ пушечной пальбой, пили бокалы за здоровье Государыни, и потомъ съ пальбою-же изъ пушекъ, пили за здоровье гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ. Вмѣстѣ съ ними за столомъ

сидѣла государыня, такъ какъ она именуется полковъ Лейбъ-гвардіи полковникомъ. На Государынѣ было при торжествѣ этомъ великолѣпное бѣлое платье съ серебренными позументами, а на головѣ была діадема изъ брилліантовъ.

— Еще, недавно была свадьба графа Г—а, и по обвѣнчаніи былъ устроенъ богатый, вечерній трактаментъ; вечеромъ была иллюминація изъ разноцвѣтныхъ огней, и въ рединѣ иллюминаціи поставлена была большая картина; а на улицахъ, фигурами разставлены были плошки. Послѣ ужина начался балъ. Еслибы ты слышала музыку и пѣніе при дворѣ,—какъ поютъ итальянцы! На балу-же пѣлъ итальянецъ-же, буфонъ, разныя съ шутками смѣшныя пѣсни. Балъ кончился около пяти часовъ пополуночи. Видѣла я также при дворѣ бывшій недавно метаморфозъ: т. е. маскарадъ, гдѣ всѣ дамы были въ мужскомъ платьѣ, а кавалеры были одѣты въ женскихъ костюмахъ, и всѣхъ забавляло такое переодѣванье.

На новый годъ я получила въ подарокъ отъ Государыни богатое ожерелье и если бы ты видѣла, какъ оно мнѣ хорошо, и сама я въ зеркало на него засматриваюсь. О замужествѣ я пока непомышляю, а желаю пожить и повеселиться, сколько милостію Божею дозволено будетъ. Обо мнѣ вѣдай, что я жива и здорова.

Сестра твоя Анна.“

Нельзя сказать, чтобы Ольгу радовали такія письма. Она боялась, да и предвидѣла, что Анна закружится и растеряется въ весельѣ, и привыкаетъ только шутить со всѣми. Соображенія Ольги оправдывались на дѣлѣ. Въ каждомъ новомъ письмѣ, Анна сообщала ей новые планы и надежды; послѣ каждаго бала передавала она: какъ влюбленъ въ нее такой-то графъ, или такой-то князь—и позднѣе, она-же сообщала о женитьбѣ ихъ на другихъ невѣстахъ, сѣтуя, что онѣ были предпочтены ей за большое богатство и знатность. Ольга начинала понимать, что Анной будутъ только играть, не предлагая ей руки, и сватаясь къ другимъ; она собиралась даже писать ей, чтобы предостеречь ее. Но въ ближайшемъ письмѣ Анна снова сообщала, что теперь: дѣло кажется затѣвается серьезное; что ее любятъ и она не могла бы найти партіи лучше. Правда, всѣ стараются отклонить отъ нея, и увлечь этого богатаго искателя,—но она намѣрена употребить всѣ усилія, чтобы достичь цѣли, потому ужъ, что́ чувствовала большое расположеніе къ этой особѣ. Таковы были планы Анны, она не придавала никакого значенія предостереженіямъ, и совѣтамъ сестры, держать себя серьезнѣй, и дальше отъ искателей, не предлагавшихъ руки; самоувѣренность и честолюбіе ослѣпили ее. Она еще разъ писала сестрѣ, что

все шло хорошо, а службой ея были довольны и къ ней были благосклонны.

„Еще ожидаетъ насъ новое удовольствіе, писала она дальше: съ новаго года Государыня приказала выписать въ Петербургъ русскихъ актеровъ, всю труппу Волкова изъ Ярославля, о которой много похвалъ до насъ доходятъ.

Хотя кромѣ Итальянской комедіи и пѣвцовъ, находившихся при дворѣ, давались и представленія на русскомъ языкѣ, но играли до этого времени въ русскихъ пьесахъ кадеты, воспитанники Шляхетскаго корпуса, очень молодые люди, исполнявшіе также и женскія роли. Представленія эти шли довольно удачно, Государыня поощряла ихъ и устраивала эти представленія во дворцѣ. Но что до труппы Волкова, писала Анна, то она настолько игру ихъ превосходитъ, по сравненію очевидцевъ, что даетъ гораздо большее удовольствіе. Особенно хвалятъ видѣвшіе труппу Волкова прошлаго лѣта въ Ярославлѣ,—актера Нарыкова и нѣкоего молодого Яковлева, одинъ голосъ котораго зачаровать можетъ слушающихъ. Притомъ актеры эти люди образованные и многіе языки изучили.

Государыня пожелала, чтобы труппа ихъ дала нѣсколько представленій при дворѣ, для поощренія ея. Государыня любитъ искусство и поощрять старается всѣхъ, кто къ оному склонность имѣетъ. Не рѣдко бесѣдуетъ она съ чле-

ками де сіенсъ-Академіи и оказываетъ всякое имъ покровительство.“

Весь Петербургъ не менѣе Анны толковалъ о пріѣздѣ русской труппы Волкова, который уже вошелъ въ извѣстность тѣмъ, что былъ учредителемъ перваго возникшаго въ Россіи частнаго театра. При дворѣ уже давались русскія пьэсы, и въ этомъ году игралась пьэса Сумарокова „Хоревъ“ доставившая автору ея извѣстность въ русскомъ обществѣ, выдвинувшая его, какъ талантливаго и перваго писателя того времени.

Ожидая новую труппу, новыхъ празднествъ по этому случаю, Анна занялась придумываньемъ себѣ новыхъ нарядовъ. Наряды были и у всѣхъ на первомъ планѣ, въ нихъ наиболѣе проявлялось начало развитія вкуса, они считались внѣшнимъ проявленіемъ образованія. Сама императрица Елисавета любила роскошные костюмы въ французскомъ вкусѣ, и любила носить свѣтлыя, дорогія ткани. Гардеробъ ея отличался необыкновеннымъ количествомъ платьевъ и другихъ принадлежностей туалета.

Анна радовалась, что съ пріѣздомъ труппы Волкова, для Императрицы также явится новое развлеченіе, что было очень нужно въ послѣднее время. Извѣстно было, что на государыню находила по временамъ тоска; она задумывалась и часто заставали ее въ слезахъ, когда она оставалась въ своихъ апартаментахъ. Ее озабочивали

всѣ неблагопріятно сложившіеся обстоятельства по управленію государствомъ, и окружавшія ее партіи при дворѣ, и затрудненія въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ Европы, стремившихся извлечь пользу изъ силъ Россіи, воспользоваться союзомъ съ ней для личныхъ выгодъ,— ничего не предоставляя ей въ вознагражденіе потерь, которыя она могла претерпѣть. Это были трудныя задачи, вызывавшія уныніе и слезы императрицы. Могла ли она вполнѣ вѣрить окружающимъ и опираться на нихъ въ своихъ заботахъ? Еще недавно она должна была удалить отъ себя одного изъ старыхъ преданныхъ ей людей, ея стариннаго доктора Лестока, знавшаго ее еще въ юныя лѣта ея, преданно служившаго ей при ея вступленіи на престолъ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что поддался подкупу французскаго двора и выдавалъ всю тайную политику Россіи; и послѣ долгаго ареста и слѣдствія былъ онъ удаленъ въ Вологду. Долго не соглашалась Елисавета на это, не смотря на всѣ убѣжденія канцлера графа Бестужева; но всѣ доказательства были на лицо. Въ рукахъ, враждовавшаго съ Лестокомъ, канцлера, были его перехваченныя письма... Императрица уступила по чувству справедливости: человѣкъ такъ долго обманывавшій ея довѣріе, долженъ быть наконецъ наказанъ! Лестокъ былъ удаленъ. Но могла ли императрица вѣрить остальнымъ лицамъ вокругъ себя, не могла ли по-

дозрѣвать даже и канцлера, о которомъ также ходили слухи о сношеніяхъ его съ прусскимъ и австрійскимъ дворами, ради своихъ личныхъ выгодъ? А война, которую ей представляли какъ необходимость? Все это тяготѣло надъ нею, и озабочивало за будущее Россіи. Тѣмъ болѣе старались развлечь ее всѣ окружающіе, отвлекая ее вниманіе отъ самихъ себя. Но приходя на дежурство Анна видѣла часто императрицу грустною и больною, и подавая ей чистый платокъ, по ея приказанію,—она уносила другой, отданный ей императрицею,—и смоченный слезами. Не смѣя выразить свое участіе, въ недоумѣніи, почему такъ тяжело жилось государынѣ?—Анна молча уносила платокъ, въ свою очередь роняя на него нѣсколько слезъ, отъ мягкаго и теплаго молодого сердца. Императрицу оставляютъ одну по ея требованію. Анна притаясь стоитъ у ея двери, не понимая что совершается вокругъ нея; она неопытна и не свѣдуща въ окружающей ея жизни. Нѣсколько дней проходятъ во дворцѣ тихо и однообразно.

Но вотъ насталъ день празднества на половинѣ его высочества Петра Федоровича, племянника и будущаго наслѣдника императрицы Елисаветы,—день празднества по случаю его рожденія. Всѣ готовятся къ празднеству. Государыня присутствуетъ на вечерѣ, и при ужинѣ. Послѣ ужина начинаются танцы и государыня танцуетъ.

Ей лучше, она поздоровѣла; наслѣдникъ внимательно слѣдитъ за нею,—она ласково опять разговариваетъ съ нимъ и съ женою наслѣдника молодою еще Екатериною. Мрачныя мысли и предчувствія разсѣялись, и недовѣріе исчезло,—опять свѣтло и ясно все окружающее. Анна присутствуетъ на этомъ вечерѣ и танцуетъ изрѣдка. Въ срединѣ бала императрица дѣлаетъ ей знакъ подойти къ ней, и посылаетъ ее отыскать вѣеръ, оставленный ею на окнѣ въ одной изъ залъ. Анна порхнула по паркету легкой своей и плавной походкой, она отыскивала вѣеръ, обтянутый голубымъ атласомъ съ нарисованными на немъ розами, и опушенный лебяжьимъ пухомъ. Комнаты полны посѣтителей, вездѣ тѣснота; Анна спѣшитъ пройти пустымъ корридоромъ, съ вѣеромъ въ рукѣ. Но въ корридорѣ она наталкивается на одного стараго графа, который не пропускаетъ спокойно молоденькихъ фрейлинъ. Старикъ загораживаетъ ей дорогу,—она притиснута къ стѣнѣ и получаетъ громкій поцѣлуй! Первымъ порывомъ ея было желаніе опрокинуть, оттолкнувъ не крѣпкаго на ногахъ старца,—но опомнясь отъ такого порыва, Анна присѣдаетъ къ землѣ и быстро ускользаетъ изъ подъ руки старика, втиснувъ въ эту руку вѣеръ императрицы. Она бѣжитъ впередъ, и стоя въ дверяхъ зала говоритъ ему громко: графъ! у васъ остался вѣеръ императрицы, — ея величество требуетъ

свой вѣеръ. и будетъ недовольна! Графъ спѣшитъ съ вѣеромъ; она скользитъ впереди его, подходя къ императрицѣ и указывая на графа:

— Графъ отнялъ у меня вѣеръ, прижавъ меня къ стѣнѣ, тихо говоритъ она, наклоняясь передъ императрицею.

Императрица смѣясь приняла отъ графа вѣеръ, слегка погрозивъ ему пальцемъ. Но тутъ же сидитъ старая графиня, ея дочери и невѣстка; онѣ всѣ смотрятъ на графа не очень милостиво. Графъ обернулся было къ Аннѣ съ упрекомъ, но ея уже нѣтъ; она танцуетъ вальсъ съ кавалеромъ въ бѣломъ кафтанѣ расшитомъ золотомъ; длинный шлейфъ ея блѣдно-голубого платья изъ тяжелаго глазета,—быстро вьется вокругъ нея; ея граціозная головка съ маленькимъ розаномъ на завязанныхъ вверху головы волосахъ, мелькаетъ между напудренными головами пожилыхъ зрителей, толпой собравшихся по краямъ залы. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ вальса, кавалеръ опустилъ на стулъ Анну немного уставшую, на другомъ концѣ залы. А возлѣ нея является другой старикъ,—онъ медленно подвигается къ ней на тонкихъ, подгибающихся ногахъ,—но все блеститъ на немъ: шитье кафтана, звѣзды на груди, и черные глаза, сохранившіе жизнь на пожелтѣвшемъ съ морщинками лицѣ. Но глаза живутъ, они кажутся еще чернѣе въ сравненіи съ бѣлою пудрою парика его, и смотрятъ на Анну вкрадчиво

и лукаво.—Боже мой, отъ нихъ нѣтъ нигдѣ спасенья! говоритъ про себя Анна. Но къ счастью къ ней подходитъ другой танцоръ, онъ увлекаетъ ее въ вальсѣ, а старикъ остается на мѣстѣ, сердито топнувъ ногою вслѣдъ улетающей парѣ. Танцы продолжаются до свѣта, императрица весела, она смѣется и шутитъ возвращаясь домой, въ свою половину дворца. Она входитъ въ свою опочивальню и усталая спѣшитъ освободиться отъ стѣсняющаго ее наряда. Анна не уходитъ, исполняя ея приказанія. Наконецъ она отпущена и спѣшитъ къ себѣ; у ней весело на душѣ, она повеселилась, чувствуетъ здоровую естественную усталость,—и уснетъ крѣпко и спокойно.

Слѣдующая недѣля проходитъ тише, при дворѣ толкуютъ о королѣ прусскомъ,—канцлеръ часто проситъ аудіенціи у императрицы. Она встрѣчаетъ его съ серьезнымъ лицомъ, и хотя находясь у двери, Анна не слышитъ ихъ разговора, — но слышитъ голоса ихъ; ей кажется будто канцлеръ возражаетъ и убѣждаетъ,—по тону голоса императрицы слышно, что она недовольна и отвѣчаетъ отрицательно. Канцлеръ выходитъ озабоченный. Государыня зоветъ Анну, чтобы докончить свой туалетъ,—но ни чѣмъ не остается довольна. День проходитъ безъ особеннаго оживленья.

На другой день выходя на прогулку съ другими фрейлинами, Анна видитъ канцлера, который

вышелъ отъ великой княгини Екатерины; замѣчаютъ, что графъ Бестужевъ часто посѣщаетъ и подолгу остается у ней въ послѣднее время.

Анна также знаетъ это,—но она никому не передаетъ своихъ замѣчаній намѣренно; хотя часто еще способна проболтаться по привычному простодушію, если ее спрашиваютъ о чемъ либо. Фрейлины жалуются на однообразіе этого дня, привыкнувъ къ шумному веселью; въ этой тишинѣ чудится приближенье чего-то тревожнаго; всѣ говорятъ о возможности войны.

Между тѣмъ Анна давно не получаетъ вѣстей изъ дому, она начинаетъ тревожиться, и часто раздумываетъ о свадьбѣ сестры. „Ея романъ застылъ“, думаетъ она; но и собственный романъ начинаетъ тревожить ее. Не слишкомъ ли рано увѣрила она сестру, что дѣло идетъ на ладъ? Молодой танцоръ въ богатомъ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ,—только разъ протанцевалъ съ нею на балу у его высочества! А какъ много танцевалъ съ другими,—къ ней подходилъ только поболтать, обращался онъ съ нею свободнѣе и развязнѣе чѣмъ съ другими,—къ добру ли это? Послѣ такихъ мыслей погода показалась Аннѣ невыносимо дурна, прогулка же утомительна, и она пожелала вернуться во дворецъ, въ свою комнату. Въ ея комнатѣ, на полкѣ съ книгами, всегда былъ въ запасѣ какой нибудь французскій романъ, она брала читать его въ такія минуты,

когда ее томили сомнѣнія на счетъ свѣтлаго будущаго, которое она себѣ сочинила. Часто она читала разсѣянно, не помня прочитаннаго, и начинала перечитывать ту же страницу съизнова,—а мысли работали въ сторонѣ, передъ ней проносились сцены бала. — Долго ли прійдется мнѣ жить при дворѣ? думаетъ она—„и останется ли онъ въ Петербургѣ, можетъ быть онъ уѣдетъ въ армію? Неужели русскіе примутъ участіе въ войнѣ?“ Въ первый разъ появилась у Анны охота читать газеты, чтобы знать: не грозятъ ли войной Россіи, и не придется ли ей разстаться съ своимъ поклонникомъ. Но она узнаетъ обо всемъ этомъ изъ общихъ толковъ, а чтенье газетъ выдастъ пожалуй ее особенное участіе къ этому вопросу; когда наступитъ ее дежурство, она услышитъ всѣ толки объ этомъ вопросѣ! — Остановясь на этомъ рѣшеніи она снова принимается читать романъ, и мало по малу увлекается чтеніемъ;—она находитъ особенное удовольствіе въ чтеніи французскихъ книгъ. Французскій языкъ, и французскія книги увлекаютъ всѣхъ въ Петербургѣ, и при дворѣ,—какъ и французскія костюмы и убранство комнатъ въ парижскомъ вкусѣ. Дворецъ блисталъ французскими обоями, тяжелыми штофными занавѣсями, выписанными изъ Ліона, откуда выписывали и всѣ дорогія матеріи для платьевъ. И частныя лица, живущія въ Петербургѣ, старались подражать роскоши при-

дворной жизни и щедро разсыпали казну свою; и не одно состояніе взлетало на воздухъ, а владѣльцы его отправлялись въ дальнія губерніи, въ свои вотчины, — „чтобъ экономію соблюдать и дѣла исправить“. Въ началѣ царствованія Елисаветы выходили указы, отъ двора, которыми приказывалось: „давать балы и маскарады тѣмъ изъ знатныхъ лицъ, которыми онѣ въ прошломъ году не давались“, — но теперь ужъ не нужны были такіе поощренія; маскарады, балы и ужины не прекращались и давались одни за другими то въ томъ, то въ другомъ знатномъ домѣ вельможъ, и вина лились безъ конца: за одинъ ужинъ выпивалось до 500 бутылокъ французскихъ винъ. Пить много, — давно вошло въ обычай; обычай этотъ унаслѣдованъ былъ отъ предковъ. Но при такой жизни, всѣ нуждались въ деньгахъ и старались добывать ихъ, не пренебрегая и не брезгая никакими путями. При вѣчномъ весельи и роскоши и сотни тысячъ доходу не казались достаточными средствами. Съ европейскимъ образованіемъ привились и слабости европейскаго общества того времени; слѣпая страсть къ роскоши и наслажденіямъ проникала въ русское общество скорѣе другихъ сторонъ цивилизаціи. Аннѣ изстари еще приходилось все это по вкусу: и роскошь, и веселье, и поклонники разшитые золотомъ!

— А гдѣ онъ? и что у него на умѣ? спраши-

вала она себя не одинъ разъ въ день;—но ей скоро пришлось узнать эту загадку.

Черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ спектакль при дворѣ; давалась итальянская опера, и потомъ пьеса Мольера. Спектаклей этихъ Анна ждала всегда, какъ любимѣйшаго праздника, они составляли высшее и самое утонченное наслажденіе того вѣка, среди пировъ и кутежей.

Вечеръ спектакля наступилъ, собрались всѣ получившіе приглашеніе отъ двора, кому разосланы были билеты, и зала спектакля мало по малу наполнилась дамами въ пышныхъ придворныхъ туалетахъ, блестящихъ шелковыхъ платьяхъ, съ ожерельями изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; не менѣе богаты были костюмы кавалеровъ и мундиры гвардѣйцевъ. Шла пьэса Молльера. Анна, коротко освоившаяся съ французскимъ языкомъ, наслаждалась, внимательно вслушиваясь въ каждое слово длинныхъ монологовъ,—и любуясь костюмами на сценѣ: высокими прическами молодыхъ людей, игравшихъ женскія роли, и искусствомъ, съ которымъ они справлялись съ длинными шлейфами своихъ платьевъ. Анна сидѣла въ самомъ дальнемъ ряду креселъ; пьеса уже подходила къ концу, и часто прерывалась сдержаннымъ смѣхомъ и легкими аплодисментами публики въ то время, когда кто-то занялъ мѣсто подлѣ Анны, и смѣло поставилъ ногу свою на ея атласный башмачекъ на высокомъ каблукѣ. Бы-

стро обернувъ голову, Анна очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ поклонникомъ и танцоромъ;— она смотрѣла на него напряженнымъ взглядомъ и съ невольнымъ нѣмымъ вопросомъ, выражавшимся въ этомъ взглядѣ. Въ блестящемъ золотомъ кафтанѣ, расчесанный, раздушенный,—поклонникъ ея былъ прекраснѣй чѣмъ когда либо, онъ смотрѣлъ на нее смѣло, открыто, и не опуская глазъ передъ ея значительнымъ взоромъ.

— Вы хотите мнѣ сообщить что нибудь? спросила наконецъ Анна простодушно и искренно, наклоняясь къ нему, чтобъ услышать то, что онъ собирался сказать ей, но въ то же время съ предчувствіемъ чего-то недобраго и неиспытаннаго.

— Выйдите со мной изъ залы, по окончаніи спектакля, когда начнется суматоха разъѣзда,— мы выйдемъ на площадку лѣстницы, и я объясню то, что давно храню на сердцѣ, тихо проговорилъ золотой поклонникъ.

— Отчего же вы не скажете мнѣ этого здѣсь и теперь же? спросила, удивясь словамъ его, Анна;—онъ пожалъ плечами, — будто смѣясь ея отвѣту.

— Выйдемъ сейчасъ, и я сообщу все теперь же.

— Нѣтъ, послѣ... пообѣщала Анна.

Кавалеръ ея оставался рядомъ съ нею, онъ согласился ждать; но въ лицѣ его проглянуло выраженіе такое странное и деспотическое, взглядъ

его былъ такъ рѣзокъ, что присутствіе человѣка, котораго она такъ желала встрѣтить, дѣлалось ей жутко и неприятно. Въ смущеньи она уже не слѣдила за пьесой, въ ушахъ ея раздавались только аплодисменты.

— Встаньте скорѣе, пойдемъ, за мною, настойчиво просилъ ее золотой поклонникъ, вставая и останавливаясь взглянуть: идетъ ли она за нимъ?

Анна на минуту крѣпко сжала лобъ свой одной рукою, закрывъ глаза, — и стараясь понять въ эту минуту: на что ей слѣдовало рѣшиться? — пойти, и узнать что все это значило, мелькнуло у нея въ головѣ. Она встала и смѣло послѣдовала за знакомымъ ей кавалеромъ, онъ шелъ впередъ, взглядомъ продолжая манить ее за собою. Она прошла незамѣтно сквозь толпу прислуги до выходной двери на лѣстницу дворца. Прислуга толпилась и проходила, не обращая на нихъ вниманія; спутникъ Анны крѣпко сжалъ ея руку, готовясь отворить другою рукой дверь, ведущую на лѣстницу; — но она сильнымъ порывомъ отвела его отъ двери: — говорите сейчасъ, что вы хотѣли сказать мнѣ?.. проговорила она, стараясь говорить спокойно.

— Увезти тебя хочу я! Идемъ же скорѣй!

— Увезти... Но куда же?.. спрашивала Анна едва скрывая испугъ свой подъ притворнымъ равнодушіемъ.

— Не время разспрашивать,—мы знаемъ давно что мы любимъ другъ друга, говорилъ онъ снова увлекая ее къ двери, и она чувствовала, что онъ осилитъ и увлечетъ ее.

— Погодите на минуту, моя шаль осталась тамъ, проговорила она принимая намѣренно тотъ же интимный тонъ, съ которымъ онъ къ ней относился; и, быстро высвободивъ руку, улыбаясь, и давая ему знакъ стоять здѣсь и ждать ее,—она въ минуту вбѣжала снова въ залу спектакля. Особенное счастье покровительствовало ей, — она столкнулась почти у самой двери въ залъ съ той самой статсъ-дамой, которая въ первый разъ представляла ее императрицѣ

— Прошу васъ! Ради Бога, просила Анна съ умоляющимъ жестомъ;—прошу васъ: подойдите сюда на минуту.

— Что тутъ случилось? спрашивала статсъ-дама, невольно слѣдуя за нею сквозь толпу прислуги.

— Вотъ, вотъ онъ! говорила ей Анна, указывая на растерявшагося поклонника: вотъ тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ сейчасъ предложеніе увезти меня! Онъ предложилъ это—*мнѣ*,—фрейлинѣ государыни, и дочери заслуженнаго, честнаго человѣка! Будьте свидѣтельницею такого оскорбленія! докончила она, заливаясь слезами, между тѣмъ какъ ея поклонникъ, неоправды-

ваясь, скользнулъ въ дверь, и исчезъ спускаясь съ лѣстницы.

— Успокойся, моя милая! Успокойся, опомнись! говорила почтенная статсъ-дама, съ участіемъ взявъ за руку Анну.

— Богъ защитилъ тебя, избавилъ отъ бѣды, а сердиться нечего! Молодой человѣкъ выпилъ гдѣ нибудь черезъ край,—онъ извѣстный шалунъ,—и ему намоютъ голову по просьбѣ моей! А ты успокойся и оправься.

Анна пришла въ себя настолько, что оправила волосы и вытерла слезы, чтобъ вернуться въ залу спектакля вмѣстѣ съ статсъ-дамой, своей избавительницей. Она выбрала самое дальнее мѣсто отъ двери, въ ряду другихъ фрейлинъ. Занавѣсъ уже подымался вновь, передъ началомъ итальянской оперы. Дивная музыка и увлекательные голоса цѣлительно подѣйствовали на Анну, хотя она все еще дрожала отъ испуга, а гнѣвъ истерически сжималъ ей горло;—она боялась снова расплакаться. Но слушая пѣніе, она успокоилась постепенно: совѣсть ея была спокойна, гордость была удовлетворена,—оскорбившій ее человѣкъ самъ бѣжалъ въ испугѣ. Ошибка ея была въ любопытствѣ, съ которымъ она послѣдовала за нимъ. Тѣмъ лучше что объяснилось теперь, какого рода чувство питалъ онъ къ ней,—и романъ оконченъ въ самомъ началѣ; но она была сильно потрясена, и страстное пѣніе итальянскихъ пѣв-

цовъ вызывали слезы на глазахъ ея; она скрывала ихъ вытирая одну за другою, незамѣтно ни для кого. Послѣ спектакля она скрылась изъ залы, не желая участвовать въ танцахъ и присутствовать при ужинѣ, послѣдовавшемъ за танцами. Удалясь въ свою комнату, Анна подъ вліяньемъ страха осмотрѣла всѣ углы ея со свѣчою въ рукахъ, и тогда только успокоилась, когда убѣдилась, что она одна. Усталая ложась въ постель, она взяла книгу, чтобъ отвлечь мысли отъ всего съ ней случившагося; но не могла сосредоточить вниманія на книгѣ. Она потушила свѣчу, но сонъ не приходилъ. Съ открытыми глазами и напряженными нервами она лежала въ постелѣ, съ безсильно брошенными руками и блѣднымъ лицемъ. Ея богатый нарядъ небрежно брошенный, лежалъ на сосѣднемъ стулѣ; на окнѣ при слабомъ свѣтѣ ночи блистали зеленые камни ея богатаго ожерелья; а сама Анна, безъ всякихъ нарядовъ, похожа была на бабочку, сломившую свои блестящія крылышки; и никогда еще она не страдала такъ, какъ страдала теперь, — отъ вынесеннаго разочарованія и оскорбленнаго чувства. И никогда еще, казалось ей, ночь не тянулась такъ долго до разсвѣта, когда ей удалось наконецъ забыться хотя не крѣпкимъ сномъ. Проснувшись утромъ, она чуствовала себя нѣсколько спокойнѣе.

Вчерашнее приключеніе не имѣло никакихъ послѣдствій, и принявшая ее подъ свое покро-

вительство статсъ-дама снова ее успокоивала. На дежурствѣ государыня ласково принимала ея услуги. Только сама Анна не могла забыть этого приключенья; оно заставило ее передумать о многомъ и измѣнило ее въ короткое время. Она смотрѣла на все серьезнѣй и холодно встрѣчала ухаживанье новыхъ поклонниковъ на балахъ. Собственное положеніе ее при дворѣ, казалось ей, немного обѣщало, а будущее было неопредѣленно. Жалуясь на судьбу, она откровенно написала обо всемъ сестрѣ Ольгѣ,—но отъ нея не было отвѣта, и не было писемъ отъ отца. Все это наполняло Анну тревогой за нихъ,—и за себя.

Глава VII.

Однообразно и тихо проходила зима въ кіевскомъ хуторѣ сержанта Харитонова, не велика была семья его;—онъ, Ольга и Афимья Тимофѣевна проводили время втроемъ. Снѣгъ засыпалъ дороги, и рѣдко навѣщали ихъ даже ближайшіе сосѣди. Сержантъ занимался хозяйствомъ съ помощію Ольги. Но съ отъѣздомъ Анны не было уже прежняго одушевленія въ домѣ. Между сестрами слышался бывало веселый говоръ въ ихъ комнатѣ, раздавались и пѣсни,— теперь въ комнатѣ ихъ царствовала тишина. Но

утрамъ Ольга занята была шитьемъ въ свѣтлицѣ Афимьи Тимофѣевны; въ свѣтлицѣ собирались всѣ прислужницы, всѣ такъ называвшіеся сѣнныя дѣвушки и подъ руководствомъ Афимьи Тимофѣевны составляли большую швейную. Во многихъ домахъ можно было найти тогда такія швейныя, въ которыхъ толпа горничныхъ занималась шитьемъ въ пяльцахъ; онѣ вышивали золотомъ и шелкомъ, плели кружево и ткали ковры, и доставляли значительный доходъ хозяину. Такую швейную завела и Афимья Тимофѣевна, и въ эту зиму приготовляла запасъ бѣлья въ приданое, для обѣихъ дочерей сержанта. Анна, уѣзжая, просила сестру сшить все необходимое для приданаго, подъ ея собственнымъ присмотромъ. Ольгу развлекало это занятіе, она менѣе скучала, глядя на толпу молодыхъ дѣвушекъ, и спасала ихъ иногда, отъ излишней горячности Афимьи Тимофѣевны. Ольга охотно слушала ихъ пѣсни, и сокращала имъ часы работы; пѣсни эти наводили тоску на самаго разумнаго человѣка, по словамъ Афимьи Тимофѣевны, но Ольгѣ по душѣ приходилась ихъ тихая грусть. Ольга невольно начинала задумываться къ концу зимы, не смотря на всю свою твердость и терпѣніе! Она не могла объяснить себѣ поведеніе Сильвестра, который ни разу не далъ о себѣ вѣсти, и ни разу не навѣстилъ ихъ зимою; онъ не исполнилъ обѣщанія навѣстить ихъ на Рождество. Правда, они

должны были тщательно скрывать свою помолвку, и она условилась съ нимъ не переписываться, чтобъ кто нибудь не перехватилъ писемъ ихъ. Но Сильвестръ имѣлъ случай передать свое письмо въ вѣрныя руки, когда посылали за чѣмъ нибудь въ Кіевъ людей съ хутора; ни разу Сильвестръ не позволилъ себѣ ни даже короткой записки къ Ольгѣ, и не писалъ и къ сержанту; онъ присылалъ имъ поклоны и благодарилъ за память о немъ черезъ посланныхъ изъ хутора, передавая все на словахъ. Осторожность Сильвестра заходила дальше чѣмъ было нужно и начинала тяготить Ольгу. А Сильвестру?—ему легко было не получать о ней извѣстій? Ужъ не было ли это нарочно наложенное на нее испытанье? Во всякомъ случаѣ ей открывалась новая черта въ характерѣ Сильвестра: это была черта отшельника, непривыкшаго къ свободной жизни,—привыкшаго приносить сурово въ жертву свои чувства и чувства другихъ, близкихъ ему лицъ. Голова Ольги постоянно работала надъ этою мыслію и сами собою являлись и дальнѣйшіе выводы: онъ пріучилъ себя къ лишеніямъ, и ему не трудно отказать себѣ во всемъ. И можетъ быть онъ найдетъ причину отказаться отъ любви ихъ, и отъ даннаго ей слова! Когда въ первый разъ мысль эта пришла ей въ голову,—она обдала ее холодомъ. Но мало по малу, она свыклась съ этой мыслію,—она сама пріобрѣтала привыч-

ку отреченія отъ личныхъ желаній и радостей, хотя борьба шла не безъ страданій, и начинала проявляться въ наружности Ольги.

— Здорова ли ты Ольга? Не съѣздить ли намъ помолиться въ Кіевъ? спрашивалъ, глядя на нее отецъ,—видно что ты будто соскучилась!

— Нѣтъ, батюшка! Кажется мнѣ не слѣдуетъ ѣхать туда, отвѣчала Ольга.

— Ты хочешь переломить Сильвестра, и ждешь, чтобы онъ самъ пріѣхалъ, — а видно какъ это тебѣ тяжело...

— Мнѣ не легче будетъ, если Сильвестръ не обрадуется, а испугается нашего пріѣзда, замѣтила не безъ горечи Ольга.

— Что дѣлать Ольга, у нихъ тоже вѣдь, своя служба есть. Какъ я, бывало, во фронтъ: стой, и не смѣй двинуться!

— Однако, отецъ,—вы и тогда двигались для тѣхъ, кто былъ вамъ дорогъ!

— Да, да, двигался... припомнилъ сержантъ усмѣхаясь: у меня была голова горячая! Ну они—другіе люди, люди ученые! Умѣютъ и сдержать себя.

— Вотъ и намъ надо у нихъ учиться, жить и безъ нихъ!

— Да?—ты вотъ что надумала? Г-мъ... Странно мнѣ, что Стефанъ-то выдерживаетъ, хоть онъ бы навѣстилъ насъ, узналъ: живы-ли?

— Сержантъ задумывался, все это не нрави-

лось ему; онъ замѣчалъ, что Ольга худѣла и блѣднѣла. Наблюдая съ отеческой тревогой, онъ подмѣтилъ, что она начала даже равнодушнѣй глядѣть на свое положеніе, и порою была безчувственна, а не печальна. И серьезна была она, будто что нибудь обсуждала, или придумывала новый планъ, напряженно глядя въ одну точку. Къ концу зимы онъ замѣтилъ, что Ольга перестала посѣщать швейную.

— Что у васъ въ швейной, покончено шитье? спросилъ онъ.

— Для Анны мы все приготовили.

— А для тебя? Не написать-ли чтобы Анна купила для тебя тамъ, въ Петербургѣ, мебель какую нибудь, зеркала, и что еще вздумаешь?

— Нѣтъ отецъ! должна сказать вамъ, что все это для меня не нужно, отвѣтила Ольга коротко, и перемѣнила разговоръ: давайте работать, сказала она.—Гдѣ ваши хозяйственныя книги? А у меня есть къ вамъ просьба, прибавила она ласково взглянувъ на него.

— Что за просьба такая? спросилъ сержантъ, уже тревожась каждою новостью, будто ждалъ чего недобраго.

— Ничего особеннаго пока,—успокоила его Ольга: я хочу просить васъ, чтобъ вы приказали избавить отъ работы семейство Горгона,— онъ боленъ, и старуха его хвораетъ. Вчера я обходила больныхъ и была у него. А кромѣ ста-

риковъ, въ семьѣ у нихъ одна работница, солдатка, ихъ невѣстка.

— Это дѣло атамана! Чего-жъ онъ мнѣ давно не сказалъ? А ты Ольга не ходила-бы по селу въ эти холода, а то и сама сляжешь.

— Ничего, я должна къ этому привыкать, отвѣчала Ольга.

— Должна! должна... это словечко ужъ отъ Сильвестра къ тебѣ перешло, сказалъ отецъ, улыбаясь шутливо.

Ольга будто незамѣтила, что онъ произнесъ имя Сильвестра.

— Я давно пріучала себя, продолжала она серьезно.—Прикажите батюшка принести ваши книги, а я велю подать чаю.

Вечеромъ, когда они сидѣли за хозяйственными книгами, и Ольга записывала что нибудь, или считала на счетахъ, имъ въ то-же время приготовляла чай Афимья Тимофѣевна. Послѣ этихъ занятій, сержантъ призывалъ иногда крестника Афимьи Тимофѣевны и игралъ съ нимъ въ шашки. Ольга сидѣла тутъ-же, что нибудь читая вслухъ для отца, или читала одна, для себя. Такъ кончался вечеръ, спать уходили довольно рано. Часовъ въ десять все уже затихало и засыпало на хуторѣ и въ домѣ. Ольга одна не спала иногда, перебирая въ мысляхъ томившія ее предчувствія.

Догадка Ольги не обманывала ее,—въ жизни

Сильвестра произошелъ новый поворотъ, не клонившійся въ ея пользу. Внутренняя жизнь его была потрясена и измѣнила свое направленье.

Среди серьезной обстановки, въ занятіяхъ, изучая исторію церкви, Сильвестръ увлекался снова примѣромъ иноковъ, отрекшихся отъ суеты міра! Передъ ихъ высокими подвигами на благо родины, меркло его личное стремленіе къ временному счастію, къ удовлетворенію страсти, и умалялась цѣль предположенная подъ ея вліяніемъ! Все лѣтнее увлеченье, участіе въ судьбѣ Ольги, обѣщаніе, поцѣлуй,—все представлялось ему, какъ давно когда-то, овладѣвшая имъ рѣзвость, при которой были на минуту забыты серьезныя и высокія цѣли жизни. Но онъ снова приблизился къ нимъ, и стоялъ теперь на такой нравственной высотѣ, что не слышалъ ни малѣйшаго упрека совѣсти за измѣну своему обѣту,—произнесенному такъ торжественно Ольгѣ подъ сводомъ неба и передъ лицемъ природы! Болѣе важные обѣты должны расторгнуть обѣтъ, данный въ минуту увлеченія мелкими мірскими радостями!—Ольга также пойметъ это, — говорилъ онъ про себя!—она также пойдетъ путемъ истины, и откажется отъ временнаго міра.

— Какъ успокоился Сильвестръ, и какъ примирился съ новымъ направленіемъ; какъ блаженно сознавалъ онъ, что приблизился теперь, къ той недосягаемой прежде высотѣ! Какой миръ былъ

на душѣ,—теперь, когда все рѣшено для него! Какъ бодро боролся онъ съ дьяволомъ,—такъ называлъ онъ минутные, влекущіе порывы къ воспоминаніямъ прошлаго,—если въ минуту досуга, они рисовали передъ нимъ картины изъ лѣтней жизни.

Онъ зналъ, что мірскія искушенія долго еще будутъ преслѣдовать его; но бодро отгоняя отъ себя минутную разсѣянность, онъ шелъ на бесѣду съ ректоромъ, или, чаще шелъ въ церковь. Тамъ онъ оставался одинъ, съ Евангеліемъ въ рукахъ;—изучая жизнь Спасителя, онъ исполнялся такою преданностію къ его велѣніямъ, что выходилъ изъ церкви спокойный и одушевленный не здѣшними мыслями! Съ ректоромъ онъ бесѣдовалъ ежедневно, и находилъ въ немъ твердую опору;—онъ уже заявилъ ему о своемъ окончательномъ рѣшеніи поступить въ монахи, всякое отступленіе было отрѣзано: Сильвестръ выдалъ ректору тайну своей помолвки, и принесъ покаяніе въ скрытности и лицемѣріи, въ своемъ увлеченіи земною жизнію,—и готовности принести все въ жертву теперь! Ректоръ понялъ, что въ немъ совершилась послѣдняя борьба, и былъ доволенъ не меньше самаго Сильвестра.

Оставалось только объясниться съ Ольгой;—но и это не затрудняло Сильвестра, онъ зналъ кроткую и набожную душу Ольги, зналъ что она

не пожелаетъ, чтобъ былъ нарушенъ новый, столь важный обѣтъ его! Онъ надѣялся сдѣлать болѣе этого, — надѣялся убѣдить Ольгу также вступить въ монастырь. Ей вѣдь не предстояло теперь другого выхода, если она попрежнему будетъ избѣгать другого сватовства.

Стефанъ между тѣмъ, мирно жилъ въ академіи, усердно работалъ, не забывая и отдыховъ съ друзьями на досугѣ. Его удивляла сначала задумчивость Сильвестра, онъ преслѣдовалъ иногда Яницкаго за его страсть къ уединенію. Но еще больше изумила его вдругъ жарко вспыхнувшая набожность Сильвестра, и его спокойная восторженность; объ Ольгѣ не было разговоровъ. Если Стефану случалось спросить: нѣтъ-ли вѣстей съ хутора, то Яницкій уклонялся намѣренно отъ отвѣта, и переводилъ разговоръ на занятія этого дня, или на вопросъ религіозный. Такъ шло до половины зимы. Около Рождества Стефанъ спросилъ его: не поѣдетъ ли онъ на хуторъ?

— Я никогда больше не поѣду туда,—отвѣтилъ Сильвестръ значительно: а почему, вы это узнаете завтра, когда зайдете на половину ректора. Мы переговоримъ въ корридорѣ, прежде чѣмъ войдемъ къ ректору.—Сильвестръ поспѣшно ушелъ, высказавъ все это Стефану.

Сильвестръ обыкновенно навѣщалъ ректора часовъ около двѣнадцати, во время перерыва классныхъ занятій; Стефанъ также пошелъ на

свиданье съ нимъ, въ длинный корридоръ, ведущій на половину ректора. Онъ засталъ Сильвестра въ этомъ мрачномъ корридорѣ, гдѣ онъ расхаживалъ быстрыми шагами, перелистывая какую-то книгу, и не отрывалъ отъ нея глазъ, хотя Стефанъ уже давно стоялъ подлѣ него.

— Стефанъ! заговорилъ онъ, не глядя на него: я долженъ передать вамъ порученіе ректора: съѣздить на хуторъ Харитонова и отвезти мои письма,—къ Ольгѣ и къ сержанту.

— Вы открылись ректору? Что-жъ онъ, неужели далъ вамъ согласіе на бракъ?

— Ректору извѣстно, что я былъ помолвленъ на Ольгѣ,—но отказался отъ брака, потому что поступаю въ монастырь.

— Сильвестръ! Вправду-ли я слышу! ужъ не больны ли вы? Не бредите-ли! какъ? вы откажитесь отъ дочери сержанта?..

— Все рѣшено и передумано; пойдемте къ ректору теперь, онъ ждетъ васъ.

Сильвестръ говорилъ коротко и быстро, стараясь не давать Стефану времени на возраженія. Напрасно Стефанъ пристально вглядывался въ лице его,—онъ не нашелъ на лицѣ этомъ ни малѣйшаго волненія: оно было спокойно и ясно; взглядъ его былъ сухъ, въ немъ проглядывала непривычная суровость.

— Уходя быстро въ глубину корридора, Силь-

вестръ развернулъ свою книгу: это былъ молитвенникъ; онъ читалъ вслухъ какую-то молитву.

— Вы бѣжите отъ меня, стараетесь отогнать меня молитвой,—словно искусителя! Вы боитесь, что я докажу вамъ, какъ необдуманъ вашъ поступокъ: я свидѣтель, что вы дали обѣщаніе дочери сержанта, вы не должны нарушить его!— говорилъ Стефанъ, нагоняя Сильвестра и удерживая его за рукавъ одежды.

Сильвестръ спѣшилъ впередъ, освобождая рукавъ свой изъ рукъ Стефана. Если бы посторонній зритель взглянулъ на эти два лица, почти бѣжавшія по темному корридору,—онъ могъ бы дѣйствительно подумать, что блѣдный послушникъ убѣгалъ съ молитвой на устахъ отъ искусителя, слѣдовавшего по пятамъ его съ гнѣвною краской въ лицѣ и блистающими глазами!

Сильвестръ уже перешагнулъ за порогъ двери, а Стефанъ Барановскій все еще держалъ его за рукавъ: такъ появились они передъ изумившимся ректоромъ.

— Что это значитъ? спросилъ онъ строго,— ты удерживаешь Сильвестра.

— Отецъ ректоръ! Сильвестръ Яницкій не можетъ вступить въ монашество,—воскликнулъ Стефанъ, забывая все на свѣтѣ въ своей запальчивости.

— Кто далъ тебѣ право рѣшать такіе вопросы? спросилъ ректоръ сурово.

— Я могу свидѣтельствовать вамъ: что онъ уже далъ клятву вступить въ бракъ съ дочерью сержанта Харитонова!

— Замолчи! Намъ все это извѣстно, и толковать больше не о чемъ! Мы разрѣшаемъ его отъ этого обѣта! Ты-же,—обязуешся: дать намъ обѣщаніе поступить въ священники,—если не хочешь быть изгнанъ изъ академіи до окончанія курса. Сегодня-же ступай на хуторъ Харитонова, передай мое письмо къ сержанту, и также письмо Сильвестра къ падчерицѣ его—Ольгѣ Ефимовской. Скажи сержанту, что я назначилъ тебя въ замѣнъ Сильвестра: поступая въ священники,—ты можешь вступить въ бракъ съ его дочерью, если будетъ на то его согласіе. Ежели же она изъявить желаніе поступить въ монастырь,—то скажи отъ меня, что я считалъ бы это наилучшимъ путемъ для ея спасенія! Помни,—что порученіе это наивеличайшей важности, и ты обязанъ хранить его во всей тайности, и исполнить въ точности!

Стефанъ стоялъ ошеломленный, слушая приказанія ректора, и поглядывая въ сторону на Сильвестра, который, разложивъ свой молитвенникъ въ углу передъ иконами, невозмутимо спокойно продолжалъ читать что-то про себя, быстро шевеля губами.

— Согласенъ ты? спросилъ ректоръ Стефана.

— Я прошу хоть два дня, — поразмыслить...

отвѣтилъ Стефанъ,—дѣйствительно надъ чѣмъ-то размышляя.

— Ты можешь размыслить дорогою,—вернешься и скажешь на что рѣшился. Въ священники поступишъ ты во всякомъ случаѣ,—или оставишь академію. Держать тебя далѣе невозможно: ты не только самого себя не готовишь въ служителя церкви,—но совращаешь и другихъ! Приготовься же къ отвѣту. Ступай. Порученіе исполни въ точности, сержанту и падчерицѣ его посылаю мое благословеніе.

Ректоръ замолкъ; онъ тяжело дышалъ опустясь глубже въ кресло. Сильвестръ продолжалъ читать въ полъ-голоса свой молитвенникъ; онъ ни разу не проявилъ желанія взглянуть на Стефана, который молча принялъ письма, поданныя ему ректоромъ и вышелъ изъ комнаты.

Что было дѣлать Стефану послѣ такого рѣшенія? Онъ намѣревался сначала, ни о чемъ не думая,—доставить письма на хуторъ Харитонова. Было не много позднѣе полудня, и онъ могъ поспѣть на хуторъ еще сегодня же къ вечеру; до хутора считалось не болѣе шестидесяти верстъ. Съ этою цѣлью онъ пошелъ выпрашивать лошадь и санки у отца эконома, державшаго своихъ лошадокъ, обѣщая ему вернуться скоро и привезти гостинца съ хутора. Лошадь была готова; но Стефанъ Барановскій, все еще не вѣря въ полное, искреннее обращеніе Сильвестра, старался встрѣ-

тить его, чтобъ получить отъ него словесное порученіе. Наконецъ онъ столкнулся съ нимъ у дверей рефекторіи.—Я ѣду, сказалъ онъ ему,—что передать отъ васъ словесно?

— Ничего; кромѣ того что вы слышали, и что получили въ порученіе отъ ректора, такъ отвѣтилъ Сильвестръ, торопливо ускользая отъ него въ рефекторію.

Барановскій повѣрилъ наконецъ полному обращенію Сильвестра въ монашество,—понялъ что это безповоротно!—Онъ выѣхалъ; былъ сѣренькій зимній денекъ; въ полѣ носился сильный вѣтеръ, но не морозный, а съ нѣкоторой влагой, напоминавшей, что февраль мѣсяцъ уже приходилъ къ концу; Стефану весело было вдыхать въ себя этотъ освѣжающій вѣтеръ, раздольно было проѣзжать по открытымъ полямъ, покрытымъ чистымъ снѣгомъ,—но онъ ѣхалъ озабоченный: какъ передать ему Ольгѣ такія вѣсти? Какъ огорчится бѣдный отецъ ея? На половинѣ пути, покормивъ лошадку эконома, онъ еще не поздно пріѣхалъ на хуторъ. Сержантъ очень обрадовался Стефану: онъ обнималъ его, смѣялся, и подробно оглядывалъ: не измѣнился ли онъ?

— Давно невидѣлись! Ты будто не такъ веселъ какъ бывало прежде? Съ дороги можетъ быть,—или... отъ какихъ другихъ причинъ? А какія вѣсти привезъ ты намъ, сударь мой?..

— Вѣсти?.. я привезъ два письма: одно отъ

ректора къ вамъ, — другое отъ Сильвестра къ Ольгѣ Ивановнѣ...

— Отъ Сильвестра! воскликнулъ обрадованный сержантъ: Ольга, Ольга! звалъ онъ дочь: иди сюда!

— Погодите, почтенный хозяинъ! Вы сперва прочтите письмо отъ ректора! Вѣсти вѣдь такого рода, что сознаюсь,—не хотѣлъ бы привозить ихъ.

— Что ты сударь! Вправду ли?

— Да къ несчастью—все правда. Лучше обождите до завтра, ничего не говорите дочери,—впрочемъ какъ сами найдете лучше поступить...

— Отказался?.. мрачно глядя въ глаза Стефану, спросилъ старикъ.

— Идетъ въ монахи! И для меня это было совсѣмъ неожиданно! Задумывался онъ всю зиму,—но я это приписывалъ другимъ причинамъ: скорѣе приписывалъ это боязни, что не исполнится его желаніе жениться, — а вышло не то! Онъ считалъ себя отступникомъ, и считалъ долгомъ совѣсти снова обратиться на старый путь.

— Вотъ онъ какимъ оказался! печально раздумывая проговорилъ сержантъ. Откуда нибудь пахнетъ вѣтеръ—онъ и повернетъ въ сторону! Шелъ бы въ монахи, не затѣвалъ бы свадьбы! Онъ не попринужденью поступаетъ?..

— По своему собственному убѣжденію, ко всему остальному относится теперь равнодушно; ни мало не признаетъ вреда, причиненнаго имъ

другимъ,—даже гордится тѣмъ, что принесъ ихъ въ жертву! Жалости онъ не способенъ чувствовать: словно впалъ въ окамененіе!

— Пойдемъ на мою половину, надо подумать: какъ Ольгѣ сообщить? Гдѣ Ольга Ивановна? спросилъ сержантъ у крестника Афимьи Тимофѣевны, проходя мимо его черезъ большія сѣни, отдѣлявшія его половину отъ общихъ комнатъ.

— Панья на деревню пошла, къ больнымъ;—за ней отъ Горюна присылали; отвѣтилъ мальчикъ.

Сержантъ прошелъ въ свою комнату, и заперъ за собою дверь. Онъ внимательно началъ читать письмо ректора; читалъ онъ медленно, и слезы блеснули у него на рѣсницахъ; сѣдыя брови сдвинулись вмѣстѣ на морщинистомъ лбу. Окончивъ, онъ глубоко вздохнулъ, и проговорилъ съ видимою скорбію:

— Господи Боже мой!

Стефанъ сочувственно глядѣлъ на горе старика и ждалъ, не заговоритъ ли онъ.

— Тебѣ читали письмо это? спросилъ наконецъ старикъ.

— Нѣтъ, письма не читали; но мнѣ сказано обо всемъ, что въ немъ заключается,—отвѣчалъ Стефанъ.

— И тебѣ извѣстно, какая налагается на тебя обязанность?

— Скажу вамъ, какъ сказалъ бы родному отцу,

по правдѣ: что я не думаю выполнить такую обязанность, чувствуя, что она свыше моихъ силъ! Я лучше оставлю академію. Да не подумайте, что я самъ предложилъ себя взамѣнъ Сильвестра,—я не такого понятія о вашей дочери, чтобы предложилъ ей какую нибудь замѣну. Она не такая дѣвушка, чтобы согласиться выбрать въ мужья равнодушно того, или другого! И вы лучше не говорите ей о такомъ предложеніи.

— Если ты не желаешь,—такъ и я не долженъ передавать ей это предложеніе. Боюсь также,—хорошо зная Ольгу,—что она во всякомъ случаѣ предпочтетъ совѣтъ ихъ,—поступить въ монастырь. Онѣ у меня обѣ тверды и горды: каждая по своему. Перемѣнилась Ольга во многомъ. Давно у ней была склонность къ набожности,—потомъ съ лѣтами она отвлеклась немного отъ этого влеченья, даже привязалась къ Сильвестру, и задумала выйдти за него;—но эта же самая близость съ Сильвестромъ, и то что онъ долго живалъ здѣсь, его разговоры,—снова направили ея мысли къ монастырской жизни! Ольгѣ легко было увѣриться, что это ея обязанность! Теперь вотъ, она все свободное время проводитъ въ томъ, что ходитъ по больнымъ и бѣднымъ; а по вечерамъ уже читаетъ церковныя книги! Я не иначе гляжу на это, какъ,—что прійдется мнѣ проститься съ нею. По моимъ желаньямъ,—я всегда согласился бы принять тебя своимъ зятемъ; но Ольгѣ не

по мыслямъ, и не по характеру будетъ такой мірской и веселый мужъ, какъ ты Стефанушко! докончилъ старикъ, ласково погладивъ по плечу Стефана.

Барановскій думалъ также какъ сержантъ,— что Ольга скорѣе пойдетъ въ монастырь, чѣмъ выберетъ его своимъ мужемъ. Жалѣя объ Ольгѣ,—онъ не могъ однако не радоваться, что онъ останется свободнымъ и выберетъ образъ жизни по влеченью. Ольга, между тѣмъ, была недалеко отъ дома; она шла домой, посѣтивъ больного Горюна, изба котораго была недалеко отъ ихъ сада. Подходя къ дому, по тропинкѣ пролегавшей въ глубокомъ снѣгу, она замѣтила сани и лошадь на дворѣ:

— Откуда лошадь? спросила она издали, державшаго конюха.

— Пріѣхали изъ Кіева, былъ отвѣтъ.

— Пріѣхали?.. повторила Ольга, и не спрашивая кто пріѣхалъ,—она вполнѣ обманулась, думая встрѣтить въ домѣ обоихъ пріятелей. Радоваться ли ей, послѣ всего что произошло въ ней,—когда она почти отказалась отъ прежняго плана? волненіе сдавило ей грудь и захватывало дыханье. Но она оправилась, и быстро вошла въ домъ, сбросила на руки мальчика свою короткую мѣховую шубку. Никого не видя въ столовой, она смутилась тишиной царствовавшей въ домѣ:

не похоже чтобъ въ домѣ былъ дорогой гость,— отецъ позвалъ бы ее!

— Здѣсь отецъ? спросила она крестника Афимьи Тимофѣевны, указывая на компату отца.

— Здѣсь, панья, отвѣтилъ мальчикъ.

Ольга попробовала отворить дверь, — но она была заперта изнутри.

— Это я, отецъ, впусти меня! окликнулась Ольга на вопросъ отца: кто тамъ?

Дверь отворилась, и мигомъ окинувъ комнату своимъ взглядомъ, она нашла въ ней — только Стефана! Руки у ней опустились, она остановилась на порогѣ, не здороваясь съ нимъ. Она не встрѣчала Стефана привѣтомъ, но молча, подозрительно поглядывала то на отца,—то на Стефана;—опомнясь она овладѣла собой и лице ея приняло спокойное и сухое выраженіе, свойственное ей въ послѣднее время. Барановскій подошелъ къ ней и ласково поднялъ одну изъ рукъ ея, почтительно поцѣловалъ эту руку;— онъ взглянулъ на нее невесело,—не по прежнему:

— Я привезъ одни только письма, въ замѣнъ Сильвестра... заговорилъ онъ, чтобы объяснить свой пріѣздъ.

— Въ замѣнъ Сильвестра... проговорила Ольга разстановочно: такъ мы его больше не увидимъ,—конечно, докончила она.

— По волѣ ректора, началъ Стефанъ, сму-

щаясь и потупившись,—но Ольга не дала ему докончить словъ его.

— По волѣ ректора,—Сильвестръ остается при монастырѣ? Вы это хотѣли сказать? спрашивала она, произнося все это медленно и съ горечью.

— Это вѣрно! И мнѣ тяжело было доставить вамъ такія вѣсти!

— Развѣ я не была приготовлена къ нимъ, такимъ долгимъ молчаніемъ?.. Скажите только: по охотѣ ли онъ вступаетъ въ монастырь? Увлекся-ли онъ этимъ призваніемъ? спрашивала она, подходя съ нимъ вмѣстѣ къ отцу, сидѣвшему облакотясь у стола, потупивъ голову.

— Какія еще вѣсти вы получили, отецъ? скажите мнѣ,—требовала Ольга.

— Вотъ два письма: одно отъ ректора, другое отъ Сильвестра къ тебѣ,—сказалъ сержантъ, подавая ей письма.

— Вы прочли письмо ректора? Разскажите, какъ онъ передаетъ вамъ обо всемъ? Просила Ольга отца,—она не въ силахъ была читать сама письма.

— Онъ передаетъ также, какъ говоритъ и Стефанъ, что Сильвестръ отказывается отъ брака, и приноситъ эту жертву ради новаго обѣта:— вступить въ монашество. Но прочти письмо Сильвестра...

— Ольга отодвинула отъ себя, лежавшее подлѣ нея письмо Сильвестра, говоря что у нея нѣтъ

тайнъ,—и что она проситъ прочесть его вслухъ. Сержантъ прочелъ письмо, въ которомъ Сильвестръ торжественно убѣждалъ Ольгу послѣдовать его примѣру и отказаться отъ міра и суетъ его, поступивъ въ монастырь. Онъ указывалъ ей этотъ—одинъ вѣрный путь къ спасенію. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ, въ немъ не упоминалось о прошедшемъ, и не объяснялось ни какихъ причинъ такой перемѣны въ его убѣжденіяхъ.

— Вы видѣли его передъ отъѣздомъ, и онъ самъ отдалъ вамъ письмо это? спросила Ольга Стефана, не скрывая нѣсколькихъ слезъ, скатившихся по щекѣ ея, при чтеніи письма Сильвестра.

— Я видѣлъ его на половинѣ ректора; онъ стоялъ въ его комнатѣ съ молитвенникомъ въ рукахъ,—началъ передавать ей Стефанъ, и разсказалъ ей все видѣнное, и какъ Сильвестръ избѣгалъ всякихъ разговоровъ объ этомъ предметѣ. Ольга слушала задумываясь и иногда тяжело вздыхая.

— Поддержите его въ этомъ новомъ намѣреніи, —сказала она обратясь серьезно къ Стефану: онъ часто уклоняется то въ ту, то въ другую сторону: молю Бога укрѣпить его навсегда, чтобъ онъ обрѣлъ міръ душевный на новомъ пути. Я прощуся съ вами, отецъ, пойду отдыхать... Вы не уѣдете сегодня Стефанъ?

— Я завтра долженъ вернуться съ отвѣтомъ къ ректору.

— Съ отвѣтомъ? Какъ-бы удивилась Ольга: Такъ скажите Сильвестру... начала она очень тихимъ голосомъ: что я благословляю его, и поддерживаю принятое имъ намѣреніе! О себѣ я ничего не могу сказать,—но постараюсь воспользоваться его совѣтомъ и примѣромъ. Писать я не буду.—Она вышла изъ комнаты, простясь съ отцемъ и Стефаномъ, который долго еще сидѣлъ подлѣ сержанта, пытаясь утѣшить и развлечь его.

Барановскій выѣхалъ изъ хутора съ разсвѣтомъ слѣдующаго утра. Издали оглянулся онъ на старый домъ на хуторѣ: онъ темнѣлъ неподвижной массой, между обнаженными вѣтками качавшихся на вѣтрѣ ивъ, будто задремалъ въ тиши и во тьмѣ. Слабый огонекъ, какъ маленькая искорка, свѣтился въ комнатѣ Ольги. Что, спала-ли она? спросилъ себя Стефанъ; эта искорка печально шевельнула его. Онъ вспомнилъ свое первое появленіе на хуторѣ, когда Ольга казалась еще такъ безпечна. Но теперь,—Барановскій былъ увѣренъ, что скоро,—изъ своей комнаты Ольга переселится въ какую нибудь келью пустынной обители! Онъ по всему заключилъ это. По тому, какъ спокойно выслушала она письмо Сильвестра, и безъ упрека приняла его измѣну,—и по суровому взгляду глазъ, несмягчавшемуся даже для

отца! Къ тому-же, это былъ не рѣдкій примѣръ въ то время, что люди шли въ монастырь при первой неудачѣ въ жизни. Отъ того-ли, что тяжело жилося тогда, при общей грубости, и жесткости нравовъ и обычаевъ, среди затрудненій жизни, встрѣчавшихся на каждомъ шагу въ тѣ времена,—но только часто люди отворачивались отъ жизни: дѣти уходили отъ власти родителей, жены—отъ притѣсненія мужей; одни бѣжали отъ разоренья, другіе прятались отъ руки сильнаго,—и всѣ спѣшили укрыться въ мирныхъ обителяхъ. Изстари-же на Руси укоренилась мысль: что жизнь являетъ только искушенія своими благами, и нѣтъ спасенія безъ отреченія отъ нихъ. Не удивительно, что Ольга послѣдовала за общими взглядами, не находя для себя благой дѣятельности въ мірѣ.

Въ тотъ же день Барановскій сообщилъ ректору результатъ своей поѣздки на хуторъ и сообщилъ ему, что Ольга просила подождать ея рѣшительнаго отвѣта.

— А приготовилъ-ли ты отвѣтъ твой? спросилъ ректоръ.

— Я приготовился ко всему...—отвѣчалъ Стефанъ Барановскій уклончиво.

— Если-бы сержантъ согласился назвать тебя своимъ зятемъ,—то мы не иначе уступимъ тебя, —нашего лучшаго ученика, какъ взявъ съ тебя

обязательство поступить въ священники, и не оставлять служенія церкви!

Стефанъ слушалъ со смиреніемъ, и молча глубоко поклонился ректору, который далъ ему знакъ, что отпускаетъ его.

Вышедши отъ ректора, Стефанъ зашелъ снова къ эконому, и просилъ его еще разъ ссудить ему лошадку на этой недѣлѣ, чтобы еще разъ съѣздить на хуторъ, гдѣ онъ долженъ получить отвѣтъ на порученіе ректора. Экономъ обѣщалъ ему лошадь. Заручившись обѣщаніемъ, Стефанъ отправился въ знакомую ему Еврейскую корчму; тамъ онъ хотѣлъ еще разъ прислушаться къ говору приходящей и уходящей толпы, попить чаю,--и обратиться къ хозяйкѣ съ просьбой; она не могла отказать ему, потому что она бралась за всевозможныя порученія. Онъ просилъ ее отпустить съ нимъ на хуторъ Харитонова своего меньшаго сына, мальчика семнадцати лѣтъ, чтобъ присмотрѣть за его лошадью. Она кивнула головой въ знакъ согласія и Стефанъ ушелъ отъ нея довольный. Онъ зашелъ въ дальнія, небольшія лавки, и купилъ тамъ длинный еврейскій кафтанъ и ермолку, и еще разныя принадлежности еврейскаго костюма; онъ связалъ все въ узелъ, и тщательно запряталъ его между своими вещами. Планъ оставить академію, пока его не связали на всегда обѣщаніемъ вступить на поприще совершенно не свойственное ему,—планъ этотъ былъ теперь

подготовленъ;—оставалось обдумать всѣ подробности. Стефанъ сознавалъ теперь, что ему необходимо было обратиться въ бѣгство. Но чтобы не возбудить подозрѣній заранѣе, онъ занимался усерднѣе прежняго, писалъ класныя сочиненія, и просидѣвъ двѣ ночи на пролетъ, написалъ поученіе на тему: „Всѣ мы грѣшимъ лицемѣріемъ.“ Онъ развивалъ въ этомъ поученіи указаніе, что люди будутъ лицемѣрить пока они принуждены будутъ скрывать свои желанія. Въ сочиненіи этомъ онъ развернулъ всѣ свои знанія, приводилъ примѣры изъ жизни святыхъ, и изъ исторіи языческаго міра—Греціи и Рима. Формы рѣчи были тщательно и искусно обработаны, то въ формѣ вопросовъ, на которые самъ онъ отыскивалъ отвѣты, и приводилъ множество доказательствъ,—то въ поучительныхъ, убѣждающихъ примѣрахъ. Поученіе вышло блестящее, оно надѣлало шуму между товарищами и преподователями; всѣ читали его, обсуждали, спорили,—но всѣ согласны были, что работа и знаніе Стефана были замѣчательны, и что онъ принялъ серьезное направленіе.

На слѣдующей недѣлѣ Стефанъ получилъ отъ ректора позволеніе поѣхать на хуторъ Харитонова и получить окончательный отвѣтъ сержанта на счетъ его дочери. Часовъ въ пять пополудни, Стефанъ выѣхалъ изъ монастырскаго двора, на лошади эконома,—и заѣхалъ въ корчму. Погово-

ривъ со старой Еврейкой, онъ выѣхалъ отъ нея вмѣстѣ съ ея сыномъ. На другой день къ вечеру,—молодой Еврей вернулся въ Кіевъ одинъ, и отвелъ лошадь и сани къ эконому монастыря. Онъ сказалъ, что встрѣтилъ за городомъ Стефана, который просилъ его доставить лошадь отцу эконому, а самъ остался въ ближнемъ селѣ, —и хотѣлъ добраться пѣшкомъ до Кіева. Но Стефанъ не пришелъ въ этотъ вечеръ,—не пришелъ и на слѣдующій день! Отсутствія его незамѣчали сначала; многіе думали, что онъ остался гостить на хуторѣ. Наконецъ, ректоръ спросилъ о немъ; пошли распросы; доложили ректору, что Стефанъ прислалъ обратно лошадь эконома. Черезъ нѣсколько дней послали узнать на хуторъ Харитонова,—не тамъ-ли Стефанъ?—Но его не нашли на хуторѣ,—и не нашли ни гдѣ, сколько не разыскивали въ окрестностяхъ Кіева. Всѣ думали, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе, припомнили даже, что сильный снѣгъ шелъ въ ночь послѣ того, какъ еврей привелъ въ монастырь лошадь эконома. Друзья Стефана ходили розыскивать по дорогѣ къ хутору, не найдутъ ли его замерзшимъ,—но не отыскивая его слѣдовъ, считали его, однако, погибшимъ гдѣ нибудь, въ снѣгахъ. Всѣ жалѣли о потерѣ такого даровитаго ученика,—и если ректоръ выказывалъ иногда сомнѣніе и подозрѣніе: не бѣжалъ-ли Стефанъ,—то всѣ разубѣждали его, указывая на то,

какъ трудился онъ въ послѣднее время,—и что мальчикъ, доставившій лошадь,—видѣлъ его очень недалеко отъ Кіева. Разнообразныя соображенія тревожили больнаго ректора;—если онъ скрылся, —то надо отыскать его;—если погибъ, то неотвѣтственъ ли онъ по совѣсти въ его погибели? —Зачѣмъ онъ торопилъ его рѣшеніемъ своей участи? Больной ректоръ уже по болѣзни поддавался всякой тревогѣ; и болѣзнь его, повидимому неизлѣчимая, все усиливалась. Его утѣшилъ нѣсколько блестящій выходъ изъ академіи Сильвестра,—но онъ не могъ забыть, несчастнаго случая со Стефаномъ Барановскимъ.

Но Стефанъ Барановскій не пострадалъ ни отъ какого несчастнаго случая; и въ тотъ самый вечеръ, когда разстался съ молодымъ евреемъ и съ лошадью эконома, отосланною въ Кіевъ,—самъ онъ выѣхалъ изъ того-же села, гдѣ они разстались,—но по другому пути; къ ночи добрался до большаго торговаго села, уже въ купленномъ имъ въ Кіевѣ еврейскомъ платьѣ, что помогло скрыть слѣды его, такъ какъ никто не встрѣчалъ на пути ученика академіи. Первымъ дѣломъ его было отыскать себѣ въ этомъ торговомъ селѣ попутчика до Москвы, чтобъ скрыться тамъ на время. Онъ скоро нашелъ попутчиковъ, между купцами, пріѣхавшими изъ Нижняго-Новгорода; они отнеслись къ нему участливо, какъ къ уроженцу ихъ-же губерніи, и не зная его приключеній. Русскій

человѣкъ всегда готовъ помочь своему земляку, встрѣтивъ его на чужбинѣ; и онъ скоро нашелъ купца, позволившаго ѣхать съ нимъ до Москвы, на облучкѣ кибитки за ничтожную цѣну. Но Барановскій не имѣлъ ни минуты покоя, боясь погони, или остановки въ какомъ нибудь городѣ, куда ректоръ могъ дать знать о его побѣгѣ, если его не сочли погибшимъ въ мятель, въ сугробахъ снѣга. Въ Москвѣ онъ пробылъ не болѣе сутокъ, но чтобъ добраться до Москвы,—потребовалось много времени. Отсюда онъ пустился по дорогѣ къ Ярославлю, главной цѣли всѣхъ его стремленій. Переѣздъ оставался не великъ, но Стефанъ былъ уже почти безъ силъ и истратилъ почти всѣ свои деньги. Онъ пустился пѣшкомъ, боясь распросовъ встрѣчныхъ, такъ какъ не могъ уже называться прикащикомъ нижегородскаго купца, за котораго слылъ на пути къ Москвѣ. Но и на послѣднемъ переѣздѣ онъ находилъ попутчиковъ: онъ то шелъ съ толпою богомольцевъ, то ѣхалъ, стоя на запяткѣ саней помѣщицы, которую обязанъ былъ охранять дорогой отъ нападеній грабителей, то наконецъ, пробирался по пустынной дорогѣ одинъ и пѣшкомъ. Нетерпѣніе его увеличивалось; онъ морилъ себя, обходился безъ сна и безъ пищи,—чтобъ выиграть лишнее время и скорѣе прійти къ цѣли. Наконецъ онъ добрался до Ярославля, и поздно вечеромъ явился къ Волкову, усталый и

взволнованный! Но онъ явился въ счастливую минуту; опоздай онъ однимъ мѣсяцемъ, и его блестящее положеніе въ трупѣ Волкова было бы потеряно. Именно въ это время Волкова увѣдомили, что труппу его выписываютъ въ Петербургъ —ко двору,—и Волковъ пополнялъ свою труппу.

Стефанъ Барановскій могъ сказать теперь, что его счастливая звѣзда влекла его въ Ярославль. Волковъ, на минуту ошеломленный неожиданнымъ появленіемъ Барановскаго,—съ радостію бросился ему на шею, не обращая вниманія на его крестьянскій тулупъ, загрязненный дорогою. Стефанъ Барановскій, измученный путешествіемъ, и неувѣренностью въ своей свободѣ,—испытавшій столько затрудненій и, наконецъ отъ всего избавленный,—переходилъ теперь къ самой задушевной радости,—и только вырвавшіяся у него слезы показали, какъ онъ былъ глубоко потрясенъ и растроганъ! Слезы легко, и обильно катились у него изъ глазъ, не смотря на его веселый смѣхъ. Волковъ замѣтилъ это непривычное у Стефана настроеніе и старался его успокоить.

— Ну видно тебѣ не сладко приходилось все послѣднее время, пріятель! Прежде ты не плакивалъ,—а теперь ты самъ не свой! Пойдемъ ко мнѣ! Одѣнься по легче да прилягъ отдохнуть,— потомъ все разскажешь, какъ ты къ намъ добрелъ въ зимнюю пору! А теперь, пока, мы тебѣ разскажемъ о своемъ счастьѣ: вѣдь меня съ моею

трушюй вызываютъ въ Петербургъ, по приказанію Государыни!..—Какъ-же, ты во время явился, пополнить мою труппу! Безъ тебя вѣдь у насъ былъ-бы большой ущербъ! Ну, иди отдыхать, Богъ съ тобою!

Стефанъ то слушалъ его, очарованный, то крѣпко обнималъ пріятеля, спасавшаго его въ настоящую минуту,—онъ не въ состояніи былъ разсказать ему сейчасъ,—всего что съ нимъ случилось. Старые пріятели окружили его не распрашивая, но стараясь его успокоить, привести въ себя;—затѣмъ они проводили его и уложили на отдыхъ. Организмъ Стефана могъ дѣйствительно пострадать отъ усиленной дѣятельности и напряженія, —и еслибы онъ не нашелъ здѣсь радушной заботливости, съ которою его старались согрѣть и успокоить,—быть можетъ, его временное разстройство перешло-бы въ долгую и опасную болѣзнь. Но счастье подымаетъ силы; послѣ безпокойнаго и лихорадочнаго состоянія, онъ началъ засыпать, сначала спалъ онъ сномъ тревожнымъ и тяжелымъ,—но къ утру организмъ его приходилъ въ обычную колею, кровь обращалась въ немъ тише и ровнѣй;—и онъ уснулъ тихимъ сномъ убаюканнаго ребенка, просыпаясь изрѣдка—съ счастливымъ сознаньемъ: что онъ находится подъ дружескою кровлей, гдѣ найдетъ защиту. Все было тихо около него, такъ что онъ проспалъ до поздняго утра. Проснувшись онъ увидѣлъ себя окружен-

нымъ всѣми старыми пріятелями, актерами труппы Волкова; они окружили его и шутя одѣвали, какъ малое дитя, вытащивъ нарядные костюмы, которые Стефанъ надѣвалъ на сценѣ;—одинъ предлагалъ ему свое бѣлье, тотъ туфли и плащъ. Прислуга ласково раскланивалась съ нимъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, внося въ комнату самоваръ и всѣ принадлежности чая. Подъ вліяніемъ общаго радушія, Стефанъ повеселѣлъ и разговорился. За стаканомъ чая, онъ мало по малу сообщилъ имъ всѣ свои приключенія, со времени ихъ разлуки, съ Августа мѣсяца прошлаго года. Онъ разсказалъ о своемъ появленіи въ академіи, въ роли больнаго; о распросахъ и угрозахъ встрѣтившихъ его по возвращеніи; разсказалъ о Сильвестрѣ и его измѣнчивыхъ планахъ, по милости которыхъ и его впутали въ исторію! Разсказалъ о посылкѣ его на хуторъ, при чемъ его ставили женихомъ, и чуть было не сосватали и не посвятили въ священство. Наконецъ, онъ сказалъ о своемъ бѣгствѣ изъ Кіева, о путешествіи въ костюмѣ стараго еврея, чтобъ скрыть слѣды, и сбить съ толку распрашивавшихъ о немъ,—и потомъ, какъ онъ прибылъ къ нимъ изъ Москвы безъ копѣйки въ карманѣ и большую часть пути пѣшкомъ. Вся труппа артистовъ размѣстившаяся вокругъ Стефана, слушала разсказъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Всѣ понимали какую онъ могъ проиграть игру,

—и что дѣло шло о счастьи всей его жизни;—и на оборотъ, о вѣчной неволѣ, еслибъ у него недостало смѣлости и находчивости.

— Теперь у меня вся надежда на вашего батюшку,—сказалъ Стефанъ, обращаясь къ Нарыкову,—въ случаѣ еслибы меня стали преслѣдовать.

— А вотъ укатимъ, сударь вы мой, въ Петербургъ, такъ тамъ найдемъ покровителей! отвѣтилъ на это Волковъ бодро и самоувѣренно.

— А послѣ всѣхъ вами разсказанныхъ похожденій, я заключаю, сударь мой, что вы у насъ отлично съиграете Тартюфа!—говорилъ Нарыковъ, дружески трепля по плечу Стефана, межъ тѣмъ какъ вокругъ вырвался общій смѣхъ, вызванный его замѣчаніемъ.

— Это піеса Сумарокова, подражаніе Моллеру,—продолжалъ Нарыковъ;—вы ея не читали?

— Нѣтъ, недоходила къ намъ, — отвѣтилъ Стефанъ,—да и когда было читать? Я такъ усердно работалъ.

— Ну да! Все поученія сочиняли! Ахъ, желалъбы я послушать, ежели-бы вы сами прочли его тамъ,—вышли бы на кафедру, и начали: „Всѣ мы —лицемѣримъ!“ Какое вы тутъ сдѣлали бы себѣ лице!

— Я находился въ такомъ озлобленіи, при мысли объ ожидающемъ меня приневоливаніи, что сильно бы прочелъ свое поученіе, прилагая

часть его къ Сильвестру, который едва было не женилъ меня—на своей невѣстѣ, ради собственнаго спасенія въ жизни будущей! Озлобилъ онъ меня. Куда-бы я дѣвался теперь, еслибы не вы, друзья мои?..

— Ну, теперь успокойся и собирай силы на работу,—сказалъ Волковъ,—задача предстоитъ не малая: не уронить свою труппу, и чтобъ оцѣнили насъ въ Петербургѣ.

— Оцѣнятъ,—бодро заявлялъ Нарыковъ, всегда вѣрящій своему стремленью и увлекавшей его силѣ таланта.

— Надѣюсь,—говорилъ Волковъ,—я недаромъ много трудился, добросовѣстно изучая искуство: могу повѣрять нашу игру, сравнивая какъ играютъ теперь вездѣ, и по всему, что видѣлъ въ Петербургѣ. Оперы насъ затмятъ,—тамъ пѣніе, музыка;—а наша музыка вся въ нашей декламаціи, да въ пониманіи ролей.

— Ну, заговорится теперь;—прервалъ его Нарыковъ съ добродушнымъ смѣхомъ: благо, что у тебя на все достаетъ силы,—а за тобою и мы не струсимъ! Потолкуемъ, съ чего начать намъ въ Петербургѣ, передъ Государыней,—начнемъ учиться, готовиться! А Стефанъ-Яковлевъ почиститъ пока свой голосъ; а то его пріятный голосъ сильно пострадалъ въ дорогѣ: точно влетѣло ему что нибудь въ горло и тамъ остановилось. Рюмочку эссенціи пропустить надо!

— Погоди, погоди съ эссенціей! И такъ обойдется,—говорилъ Волковъ. А начать думаю я,—если намъ не назначутъ тамъ какой нибудь новой піесы,—то начнемъ съ трагедіи Сумарокова, „Хоревъ.“ Какъ вы думаете? Спросилъ онъ Нарыкова.

— Прекрасно, Өедоръ Григорьевичъ прекрасно, —послышались голоса—Нарыкова и другихъ артистовъ.

— Нарыковъ, конечно, будетъ играть Оснельду, —онъ у насъ премилая дѣвица!

— Только голосъ у меня силенъ, и трудно бываетъ сдерживать его,—замѣтилъ Нарыковъ.

— Вы разработаете, привыкнете сдерживать, —сказалъ Стефанъ;—а я васъ подрисую: мѣлкомъ, пудрой, румянами... Прелесть будете!

— Вы забудете ради меня всѣхъ невѣстъ на свѣтѣ, и отъ всѣхъ убѣжите, какъ бѣжали отъ вашей нарѣченной.

— Нѣтъ; невѣсту вы оставьте;—она тутъ не причемъ была. Отъ нея вы не захотѣли бы бѣжать, можетъ-быть,—отвѣтилъ Стефанъ.

— А вамъ хорошо бы съиграть въ какой нибудь пьэсѣ роль діавола, искусителя,—продолжалъ Нарыковъ.

— Игралъ я, когда-то, и діавола; съ малыхъ лѣтъ еще,—лѣтъ двѣнадцати былъ, когда меня заставляли принимать участіе въ мистеріяхъ. Потомъ мои представленія уже не допускали въ

церквахъ,—мы представляли ихъ на ярморкахъ! говорилъ Стефанъ.

— А что? Видите? ужъ очень вы хороши были, по правдѣ представили искусителя, ну васъ и изгнали на торжище!

— Ну, кончайте ваши споры, и чай, — пора приниматься за работу, — прервалъ ихъ Волковъ,—а сперва пройдемтесь немного по городу и зайдемъ въ театръ.

— Рады стараться! Готовы, готовы!—послышались восклицанья артистовъ, и всѣ бросились отыскивать шапки, шубы и роли; — у большинство были шинели и плащи, характерныхъ смѣлыхъ покроевъ и цвѣтовъ. Стефанъ надѣлъ свой дорожный тулупъ, за неимѣніемъ другой теплой одежды.

Черезъ четверть часа всѣ артисты, составлявшіе труппу Волкова, толпою шли по улицамъ города Ярославля, въ разнообразныхъ и нѣсколько изъ ряду выходящихъ костюмахъ: въ пестрыхъ шарфахъ на шеѣ, въ яркихъ бархатныхъ шапкахъ на головахъ; они заходили въ лавки для закупки различныхъ матеріаловъ: бумаги, чернилъ,—румянъ и бѣлилъ, нитокъ и красокъ. Молодыя лица раскраснѣлись на морозѣ; они шли быстрой походкой и оживленный говоръ слышался въ толпѣ ихъ. Одинъ Стефанъ, еще не вошедшій въ общую колею, отличался отъ

нихъ своимъ серьезнымъ, смуглымъ лицемъ, напряженнымъ взглядомъ и медленной походкой.

Веселая труппа встрѣтила на улицѣ мѣстнаго фабриканта Затрапезнаго, изстари извѣстнаго одною изъ первыхъ полотняныхъ фабрикъ въ Ярославлѣ. Онъ былъ хорошо знакомъ имъ и они весело его окликнули, какъ любителя и цѣнителя ихъ театра.

— Откуда, и куда бредете? спрашивалъ его Нарыковъ.

Затрапезный остановился; онъ радъ былъ остановиться передохнуть немного; тяготившая его тучность подавляла его, и, ходя пѣшкомъ, онъ тяжело переводилъ духъ. Онъ снялъ шапку, чтобъ отереть показавшіеся на лбу капли испарины,—но не для того, чтобъ поклониться артистамъ или актерамъ, какъ онъ ихъ звалъ. Онъ не думалъ чѣмъ нибудь привѣтствовать ихъ, хотя всѣ они почтительно приподняли свои шапки передъ нимъ. Онъ отвѣчалъ Нарыкову, не кланяясь ему.

— У боярина былъ, вотъ что живетъ въ этомъ домикѣ... указалъ онъ на небольшой домикъ.— Здравствуйте,—сказалъ онъ спустя минуту, и все-же не кланяясь:—здравствуйте актеры голубчики!—онъ оглядѣлъ всѣхъ ихъ:—А это что-же за человѣкъ у васъ? спросилъ онъ присматриваясь къ Стефану,—и громко разсмѣялся густымъ басомъ,—когда узналъ въ немъ стараго

знакомаго, читавшаго ему стихи на Волгѣ, гдѣ судьба такъ счастливо столкнула съ нимъ Стефана. Это былъ фабрикантъ впервые представившій Стефана Волкову.

— Да ты ли это Яковлевъ? тебя узнать нельзя!

— Я самый, ваше благородіе, говорилъ Стефанъ, подходя къ нему и оживляясь старыми воспоминаніями.

— Ха-ха! знакомый человѣкъ! Не забылъ еще какъ мы съ тобой по Волгѣ плыли? Какъ ты гулко волну заглушалъ своимъ голосомъ!

— Какъ забыть! Вы первый пріютили тогда меня и познакомили съ Ѳедоромъ Григорьевичемъ!

— И ты насъ утѣшалъ за то много! Такъ опять тебя услышимъ, ха-ха! А наливку пьешь еще? Заходи какъ нибудь, попробуемъ. Я васъ люблю молодчики!

Затрапезный дѣйствительно любилъ и актеровъ и театръ, относясь къ нимъ весьма добродушно; хотя никогда имъ не клапялся,—но всегда готовъ былъ помочь имъ, какъ помогъ Стефану поступить къ Волкову подъ именемъ Яковлева. Стефану было одинаково ровно, подъ какимъ бы именемъ не выступить на сцену,—и онъ принялъ предложенное ему имя Яковлева; оно тогда-же пріобрѣло нѣкоторую извѣстность и онъ не намѣренъ былъ и теперь мѣнять его на другое: Яковлевъ—такъ Яковлевъ, говорилъ онъ.

— Такъ опять къ намъ? Видно полюбились мы тебѣ больно.

— Крѣпко полюбились! сознался Стефанъ Яковлевъ.

— Ну заходи и ко мнѣ! Только не завтра. Завтра у меня бояринъ будетъ.

— Что за бояринъ?—спросилъ Стефанъ Яковлевъ.

— А сила-то прежняя?... Что была сила, еще при государынѣ Аннѣ Іоановнѣ. Ему дозволено теперь здѣсь проживать. Онъ у насъ живетъ, словно на покаяніи...

— Это Биронъ,—объяснилъ Волковъ Яковлеву;—ему дозволено жить здѣсь,—вотъ и домъ, въ которомъ онъ живетъ.

Яковлевъ искоса посмотрѣлъ на этотъ домъ, который помѣщалъ теперь эту прежнюю силу; и неожиданно припомнились ему разсказы изъ того времени,—сержанта Харитонова, и всѣ хвалы со сторонъ Афимьи Тимофѣевны. Онъ проходилъ мимо дома съ мрачнымъ взглядомъ; между тѣмъ остальная толпа актеровъ шла съ шумнымъ говоромъ и громкимъ смѣхомъ, мимо прежней силы.

— Да что, вижу я, ты актеръ Яковлевъ, точно похудѣе съ лица сталъ? Растерялъ ты себя гдѣ-то,—словно круглѣй и красивѣй былъ у насъ лѣтомъ? сказалъ Затрапезный Яковлеву.

— То-то вотъ, что безъ васъ мнѣ тяжело жи-

лося,—стосковался душой по вашему театру! отвѣтилъ Яковлевъ.

— Ну Ѳедоръ Григорьевичъ тебя поправитъ, опять поставитъ на ноги! смѣялся Затрапезный.

— Некогда тутъ поправляться,—прервалъ его Нарыковъ,—мы къ веснѣ въ Петербургъ отъѣзжаемъ.

— Слышалъ, голубчики,—жаль мнѣ, что вы насъ покинете. Можетъ быть еще помедлите, такъ мы на васъ посмотримъ, и наслушаемся!—говорилъ Затрапезный.

— Вотъ Ѳедоръ Григорьевичъ ждетъ увѣдомленія: теперь-ли прикажутъ явиться, или въ Царское село, весною,—сообщилъ ему Нарыковъ.

Труппа актеровъ простилась съ Затрапезнымъ и повернула къ зданію театра; они прощались съ фабрикантомъ—любителемъ ихъ искусства, обращаясь къ нему съ различными привѣтствіями; Яковлевъ высоко поднялъ свою шапку надъ головою,—а Затрапезный махнулъ имъ рукой и пошелъ дальше.

Артисты подошли къ зданію театра, очень небольшому и незатѣйливо выстроенному; сторожъ отворилъ имъ двери, и они скрылись подъ кровомъ радушно принявшаго ихъ зданія; Яковлевъ перешагнулъ черезъ порогъ его, съ блаженнымъ волненіемъ: онъ попалъ наконецъ въ свою сферу!

Глава VII.

Въ то время какъ Стефану удалось пробить себѣ дорогу, и онъ былъ счастливъ и свободенъ,—въ то самое время, его старая знакомая, преданная семьѣ его Малаша, проводила жизнь въ тяжеломъ скитальчествѣ. Слѣдуя за мужемъ, съ которымъ судьба такъ случайно соединила ее на вѣки, съ толпою другихъ бѣглецовъ, двинувшихся изъ центра Руси къ ея окраинамъ,—они были все еще на пути, или вѣрнѣе,—все еще искали путь къ свободѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ примѣтилъ, когда-то, на Волгѣ, мужа Малаши въ лодкѣ, подъѣхавшей къ баркѣ,—съ тѣхъ поръ она не переставала странствовать; она то плыла по водѣ, то шла пѣшкомъ, и прошла почти большую часть восточной Россіи. Всѣ они пробирались въ какую-то обѣтованную землю, по указаніямъ каждаго встрѣчнаго, и руководясь всѣми ходившими въ народѣ слухами. Сначала Малаша испытывала неудобства медленнаго плаванья по Волгѣ, не имѣя пристанища на сушѣ и безъ запаса хлѣба или денегъ. Борисъ, мужъ ея, слывшій ловкимъ малымъ въ своей мѣстности, оказался ненадежнымъ вожатымъ въ новомъ, неизвѣстномъ краю. Нерѣдко онъ подводилъ подъ бѣду своихъ спут-

никовъ своей болтовней или самонадѣянной смѣлостью. Уговоривъ ихъ сначала идти въ Астрахань, онъ скоро перемѣнилъ планъ, что возмущало его спутниковъ. Часто, причаливъ къ берегу Волги, онъ уходилъ на развѣдки и перемѣнялъ свои планы, соображаясь съ новыми слухами. Теперь онъ упрямо стоялъ на томъ, чтобы повернуть къ Оренбургу и идти на Оренбургскую линію, гдѣ вновь строились крѣпости, и устраивались промышленные заводы. Нѣсколько дней провели бѣглецы въ толкахъ, ни на что не рѣшаясь! Они разбили временные шатры на лѣсистомъ берегу Волги и развели костры. Женщины разбрелись по окрестности просить милостыни и пропитанья, мужики чинили обувь и поправляли лодки. Ужъ наступилъ октябрь, вечера были холодны, а впереди предстояли еще большіе холода и ненастье,—а конца пути все не было видно! Вечеромъ у костра, всѣ приступили къ Борису, требуя чтобъ онъ порѣшилъ разъ, не перемѣнялъ больше ничего,—и скорѣе велъ ихъ на мѣсто поселенья. Борисъ сидѣлъ у огня нахмуренный; другіе бѣглецы смотрѣли еще мрачнѣй его, и суровѣе. Вспыхивая по временамъ, пламя костра освѣщало ихъ злобныя, и истомленныя лица,—и снова потухало, оставляя все во мракѣ. Малаша безпокойно слѣдила изъ своего шалаша за толпою, сидѣвшихъ у костра и прислушивалась къ ихъ говору.

— Если ты такъ перваго встрѣчнаго слушать будешь,—такъ мы никогда на мѣсто не прійдемъ и помремъ на дорогѣ,—говорилъ пожилой и хворый крестьянинъ.

— Не встрѣчнаго,—а цѣлую партію рабочихъ видѣлъ на постояломъ дворѣ; всѣ ихъ разговоры слышалъ. Они для себя толковали: сколько они заработаютъ при постройкахъ въ крѣпости. А другіе дальше идутъ, на заводы, гдѣ глину фарфоровую разрабатываютъ.

— Ну и ты сейчасъ за ними—дальше! Тебѣ не по нраву на мѣстѣ жить! Прійдется намъ бросить тебя, да идти однимъ.

— Какъ вамъ лучше, такъ и дѣлайте, я для всѣхъ старался,—возразилъ Борисъ.

— Сколько мѣсяцевъ водишь ты насъ безъ пути безъ дороги! — сердито говорилъ другой крестьянинъ, подлѣ котораго лежалъ у костра больной парнишко лѣтъ двѣнадцати.

— Хуже было-бы, если бы мы пошли къ Астрахани; — уговаривалъ Борисъ — остановили-бы насъ, и отправили-бы къ прежнему помѣщику! А въ Оренбургѣ приписаться дозволено и работу найдемъ! Навѣрное говорили мнѣ; указъ такой вышелъ: кто на линіи къ казакамъ припишется, тѣхъ не высылать на родину! Такъ надо идти въ Оренбургъ.

— Пѣшкомъ значитъ идти?.. проговорилъ хворый крестьянинъ.

— Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ по водѣ,—а то повозки купимъ и лошадей: въ степи прокормимъ.

— Долго ли идти? До зимы не дойдемъ? спрашивалъ хворый.

— Рыба ищетъ гдѣ глубже... началъ было Борисъ, но больной не далъ кончить; онъ вскрикнулъ, обратясь ко всѣмъ:

— Ребята! Бросьте его туда гдѣ глубже,— право лучше будетъ? Долго-ли ему еще мудрить надъ нами?

— Сейчасъ порѣши куда идти, гдѣ остановимся!—Порѣши да и на томъ и стоять будемъ! Или мы сейчасъ бросимъ тебя, вправду, къ рыбамъ!— кричали всѣ,—приступая къ Борису. Но въ туже минуту что-то забѣлѣло, и рядомъ съ Борисомъ стала жена его,—знакомая намъ Малаша. Она остановилась, выступивъ впередъ, изъ подлобья посматривая на обступившихъ мужа; она стояла спокойно и молча, прижавъ одну руку къ груди и свѣсивъ другую,—ожидая: что будетъ дальше. Завидя ее,—крестьяне притихли; потому-ли, что жалѣли Малашу, или потому что боялись въ ней опасной свидѣтельницы угрозъ.

Въ Оренбургъ идемъ, прямо!—порѣшилъ Борисъ: — тамъ недолго останемся. Я пойду за всѣхъ,—на поклонъ къ Губернатору тамошнему, генералу Неплюеву. Слышно отъ всѣхъ, что онъ разуменъ и милостивъ. Скажемъ, что давно жи-

вемъ въ этомъ краю, и просимъ, чтобъ дозволено намъ было къ обществу приписаться.

— Ну ладно!—такъ пожалуй, ладно!—заговорили всѣ: смотри же на томъ и стоять! А то бросимъ тебя и уйдемъ;—скитайся ты одинъ съ женою!.. Да и ту еще жалко съ тобой отпустить.

— Ты чего пришла!—грубо крикнулъ Борисъ на жену, сердясь что ее ставили выше его.

— Какъ—было не прійдти женѣ,—когда мужа утопить грозятъ? Что-жъ мнѣ одной оставаться? Намъ ужъ одинъ конецъ! отвѣчала горячо Малаша.

— Вотъ что выдумала! Отъ тебя видно нигдѣ не освободишься! дико выкрикивалъ Борисъ.

— Толпа разошлась отъ огня по шалашамъ,— Малаша одна присѣла по ближе къ огню. Завернувшись съ головой въ бѣлую суконную свиту и не шевелясь, она не весело смотрѣла въ огонь. Она часто задумывалась въ послѣднее время; не отъ одного только скитальчества приходилось ей не легко; тяжела была ей и жизнь съ Борисомъ. Пока она была у помѣщика, на мѣстѣ,—Борисъ былъ посмирнѣе, и всегда занятъ работой; рѣже они сходились и она мало еще узнала его. Но теперь, въ это путешествіе, на роздыхахъ, при остановкѣ, Борисъ не зналъ куда дѣвать себя и бывалъ буенъ, и задоренъ. Кромѣ того, забота—вести всѣхъ на мѣсто поселенія приходилась ему не по силамъ. Уходя на берегъ для

развѣдокъ, онъ пользовался случаемъ погулять и долго пропадалъ, кутилъ,—и не приносилъ ни какихъ вѣстей. Въ его отсутствіи Малаша выносила упреки, за то что мужъ былъ плохимъ вожакомъ, только и думалъ:—какъ-бы уйти да загулять,—а тутъ всѣ сидѣли надъ рѣкой, съ малыми дѣтьми,—не ѣвши.

Малаша ничего не могла сказать въ защиту мужа, старалась только успокоить всѣхъ, отдавала имъ послѣднюю копѣйку,—и весь запасъ хлѣба, какой былъ у нея,—за что ей опять доставалось отъ мужа, по его возвращеніи. Но бѣглецы скоро перестали обращаться къ ней съ жалобами, когда замѣтили что ей самой тяжело жилось съ такимъ человѣкомъ; всѣ говорили что жаль бабенку,—повѣнчали ее съ лихимъ человѣкомъ! И сама Малаша додумалась до того-же и часто говорила себѣ: ошибся батюшка! за кого приневолилъ выйти!—Она не жаловалась громко,—но прежняя веселость ея пропала, ее не радовала мысль, о томъ, что они прійдутъ на мѣсто: ему и тамъ удержу не будетъ,—думала она. Она тѣмъ больше сознавала всю горечь своего замужества,—что безъ этого никогда не пришлось бы ей бѣжать отъ семьи, при которой они жили съ отцомъ такъ мирно. Бѣглецы давно бросили бы Бориса, за его кутежи и грубость, но держались его потому, что среди ихъ онъ одинъ былъ грамотникъ и ловко брался за дѣло, когда

надо было схитрить или постоять за себя. Но Борисъ находилъ для себя невыгоднымъ странствовать съ ними.

Закрѣпостили они меня,—что-ли?—говорилъ онъ Малашѣ:—я ихъ изъ бѣды вывелъ,—а дальше сами пусть ищутъ счастья! Я въ неволѣ у нихъ не стану жить,—я не затѣмъ ушелъ изъ своихъ краевъ! Хочу жить въ степи, какъ живутъ птицы,—чтобъ никто мнѣ не перечилъ. Ты оставайся съ ними,—а я уйду въ другую сторону, безпремѣнно уйду!

— Какъ-же мнѣ быть, чѣмъ кормиться буду?.. спрашивала жена.

— Гдѣ они поселятся тамъ и живи; прокормятъ,—а послѣ я присылать буду... Тебѣ—бабѣ нечего со мной шататься, ты съ встрѣчнымъ человѣкомъ не справишся, за тобой и я пропаду...

И такъ мужъ намѣревался бросить ее, односельчане его были ей людьми чужими и косо смотрѣли на нее за продѣлки мужа. Она не знала куда-же дѣвать себя, и задумывалась надъ тѣмъ, какъ-бы выпутаться изъ своего тяжелаго положенія. Она сидѣла передъ костромъ пока онъ потухъ, и Малаша захолодѣла на сырости. Она оглянулась и прислушивалась, все было тихо, всѣ спали;—и она побрела въ свой шалашъ. Борисъ спалъ у открытаго входа въ шалашъ, какъ всегда, на сторожѣ. Малаша забралась въ самый дальній уголъ шалаша, и легла на связкѣ

травы, натасканной сюда изъ лѣсу. Она долго прислушивалась ко всякому шороху, и наконецъ крѣпко заснула, не зная что ждало ее утромъ.

Рано утромъ ее разбудилъ всеобщій крикъ и говоръ бабъ. Она привстала и осмотрѣлась,— Бориса не было въ шалашѣ.—Пожалуй, что на него кричатъ, подумала она. Поднявъ опущенную занавѣску съ двери шалаша она увидѣла собравшихся толпою бѣглецевъ, но Бориса не было между ними. Женщины подходили къ ея шалашу.

— Маланья! окликнули онѣ ее: тебѣ не говорилъ мужъ: куда онъ пойдетъ? Вѣдь его нѣту! Чтожъ это такъ? Всѣ поднялися, идти пора,— а его нѣту!

— Не знаю ничего. Говорилъ онъ вчера, когда сердился, что всѣхъ броситъ и уйдетъ; а кто знаетъ, ушелъ ли, вернется ли? Онъ говорилъ, что и меня броситъ.

Женщины пошли съ этими вѣстями къ мужьямъ, и въ толпѣ заговорили еще громче и сердитѣе. Вновь развели потомъ костеръ и принялись варить жидкую кашицу, ихъ всегдашнюю пищу. На сходкѣ долго толковали, и порѣшили не ждать Бориса, а плыть до перваго села, гдѣ можно было купить лошадей и отправиться степью въ Оренбургъ, какъ совѣтывалъ Борисъ. Хорошо было бы пробраться на Донъ къ казакамъ,—да далеко, и такъ всѣ изморились.

Нельзя удивляться тому, что бѣглецы долго толковали о мѣстѣ поселенія: имъ предстоялъ тогда слишкомъ большой выборъ, съ тѣхъ поръ, какъ указомъ Сената дозволено было заселить бѣглецами окраины, не возвращая ихъ помѣщикамъ, но зачитая вмѣсто рекрутъ. Иногда русскіе выходцы, незная куда прійдутъ,—попадали въ среду совсѣмъ не русскую. Толпы русскихъ крестьянъ, направляясь къ крѣпости св. Елисаветы, построенной на Ингулѣ, (притокѣ Днѣпра), — попадали въ среду выселившихся сюда сербовъ, нѣсколько на сѣверъ отъ днѣпровскихъ запорожцевъ. Въ нынѣшней Екатеринославской губерніи,—они попадали въ поселенія славяно-сербовъ, гдѣ велѣно было принимать выходцевъ изъ всѣхъ южныхъ странъ: тамъ попадались и Болгары и Молдаване, и другія, незнакомыя племена, среди которыхъ не всегда жилося мирно; Русскимъ приходилось подъчасъ сознавать, что дорого далось имъ положеніе свободнаго землепашца, къ которому они такъ долго стремились, съ трудомъ и борьбой! Все окружающее ихъ здѣсь было дико, и льнуло къ русскимъ, только сознавая ихъ силу, ища защиты. Но сами русскіе, рисковали своими головами при каждой ссорѣ между этими дикими и разноплеменными поселеніями. Тѣмъ не менѣе эти дикіе поселенцы на линіи степныхъ окраинъ служили границей отъ худшихъ еще сосѣдей: отъ татаръ и

турокъ. Не далеко еще подвинулись границы Россіи на югъ, не смотря на многіе удачные походы предшествовавшихъ царствованій, не смотря на побѣды въ Крыму при Аннѣ Іоановнѣ,— не принесшія никакихъ ощутительныхъ выгодъ! Не лучше было положеніе русскихъ поселенцевъ на Оренбургской линіи, между башкирами и киргизами. Къ счастью восточной окраины,—губернаторомъ тамъ былъ ревностный, и талантливый распорядитель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Неплюевъ, о которомъ мы уже упоминали. Онъ успѣлъ заселить окраины Оренбурга и пустыя земли Уфимской и Исетской провинцій, принадлежавшихъ къ Оренбургу. Уже нѣсколько тысячъ поселенныхъ здѣсь русскихъ выходцевъ, составляло оплотъ противъ башкиръ, часто возмущавшихся. Такъ постепенно создавался новый край стараніями правителя, безкорыстно трудившагося на пользу родины.

Въ эту сторону направились бѣглецы брошенные своимъ вожатымъ, Борисомъ, и скоро достигли мирнаго пристанища. Они заявили себя выходцами изъ Польши, долго проживавшими тамъ русскими бѣглецами, и получили земли въ Казанской губерніи; ихъ послали въ небольшой городокъ Ставрополь, населенный крещеными калмыками. Тамъ поселено было болѣе десяти тысячъ калмыковъ, принявшихъ христіанство, и между ними поселили и русскихъ.

Здѣсь бѣглецы наши вступили въ законные права землевладѣльцевъ, подъ покровительствомъ правительства. На новой родинѣ они нашли тотъ же знакомый морозъ, столько же мѣсяцевъ суровой зимы и мятели,—но нашли также, просторъ и обиліе степи, которую могли пахать, или косить, и заводить на ней овецъ. Калмыки приходили изъ своихъ улусовъ посмотрѣть на хозяйство и пашни русскихъ земледѣльцевъ, или купить у нихъ хлѣба осенью. Русскіе женщины дарили крестики и образки дѣтямъ калмыковъ, узнавъ, что они перешли въ христіанство; въ замѣнъ онѣ получали шелковыя тесемочки, и другія бездѣлицы калмыцкаго издѣлія.

Въ этой новой средѣ, Малаша брошенная мужемъ, если не обрѣла прежней веселости, то обрѣла вновь свою привычную бодрость и охоту къ работѣ. Одинокая, она не заводила своей избы и жила и работала у кого нибудь изъ своихъ односельчанъ, мало заботилась о себѣ,—и ждала вѣстей отъ мужа. Она привыкла и небоялась разноплеменныхъ жителей ихъ городка, съ любопытствомъ всматриваясь въ одежды татаръ, калмыковъ и персіянъ, заходившихъ сюда съ торговыми цѣлями. Калмыки запримѣтили одинокую женщину, неустанно работавшую и приглашали ее работать въ своихъ семьяхъ. Очень часто приходилось ей быть крестной матерью при крещеньи новорожденныхъ калмыковъ; что

она исполняла съ большею набожностію. Малаша сдѣлалась любимицей калмыцкаго населенія, и была бы довольна, еслибы не появилось новое лицо,—одинъ старый калмыкъ. Это былъ крещеный калмыкъ, но онъ давно ушелъ изъ поселенія и странствовалъ по Запорожью на Днѣпрѣ и въ Оренбургскихъ степяхъ. Кой гдѣ онъ бродяжничалъ, въ другихъ мѣстахъ пробовалъ торговать, принимался иногда и работать. Онъ вернулся въ свои поселенія, въ Ставрополь, утомясь странствованіемъ и пострадавъ въ крѣпостяхъ на линіи Оренбурга отъ набѣга башкировъ. Возмутившіеся башкиры въ послѣднемъ набѣгѣ на крѣпости и на заводы русскихъ владѣльцевъ,—перерѣзали всѣхъ рабочихъ, добывавшихъ фарфоровую глину. Старый калмыкъ спасся хитростію, выдавая себя за магометанина. Долго еще послѣ набѣга, онъ скитался около заводовъ, обирая все, что было можно, въ опустѣлыхъ жилищахъ, и съ труповъ башкиръ и русскихъ, убитыхъ въ этой свалкѣ. Онъ скрылся, наконецъ, и вернулся на родину, послѣ ссоры съ однимъ башкиромъ за добычу, при чемъ получилъ рану въ голову, отъ которой сохранился шрамъ на головѣ его. Старый калмыкъ жилъ одиноко въ своей избѣ; про него говорили, что онъ принесъ съ собой много золота и закопалъ его въ степи около поселенія. Но въ избѣ его все было бѣдно. Хозяйства и пашни онъ не заводилъ, а ску-

палъ коровъ и овецъ. Онъ присмотрѣлся къ Малашѣ и просилъ ее ходить доить его коровъ, за что всегда хорошо платилъ ей.

— Отчего ты одна живешь? спросилъ онъ ее однажды.

— Мужъ мой ушелъ далеко на заработки, отвѣчала она.

— Ты возьми другого, коротко рѣшилъ калмыкъ, мало и дурно говорившій по русски.

— Этого нельзя сдѣлать; когда мужъ живъ, такъ нельзя выходить за другаго; у насъ это не дозволено! толковала Малаша.

— Не дозволено?.. повторилъ Калмыкъ задумчиво: — а гдѣ мужъ? Кто его видѣлъ? спросилъ онъ.

— Онъ давно пошелъ на Оренбургскія заводы; разъ прислалъ вѣсть о себѣ,—а съ тѣхъ поръ ничего о немъ не слышно.

— Много лѣтъ?

— Года три будетъ.

— Такъ онъ не живъ: башкиры всѣхъ убили прошлаго года!

— Почемъ ты знаешь? со страхомъ спросила Малаша.

— Самъ видѣлъ. Всѣхъ убили! Какъ имя было?

— Борисъ.

— Крещеный?..

— Вѣстимо крещеный! возразила Малаша.

— Ну, онъ убитъ. Возьми меня мужемъ. У

меня золото есть, прибавилъ онъ очень тихо.— А ты будешь смотрѣть за коровами.

— У меня мужъ живъ, увѣряла Малаша, напуганная его предложеніемъ.

— Убитъ, спокойно повторилъ калмыкъ,—у меня много вещей,—ты посмотри сама.

Малаша не поняла, что онъ хотѣлъ сказать, и о какихъ вещахъ говорилъ калмыкъ; но съ тѣхъ поръ удалялась отъ него и не ходила къ нему на работу. Калмыкъ не переставалъ однако слѣдить за нею. Разъ въ лѣтній день, Малаша мыла что то, въ неширокомъ но довольно глубокомъ ручьѣ, бѣжавшемъ на днѣ оврага; время стояло жаркое, изъ степи дулъ знойный вѣтеръ; Малаша ступила въ ручей босыми ногами и хотѣла искупаться. Она сбросила съ головы платокъ, черныя косы упали ей на спину; она ступала все глубже въ ручей, бросивъ съ себя верхнюю одежду на берегъ. Въ оврагѣ было пусто и тихо, только птицы щебетали въ кустахъ, которыми поросли берега ручья и подъемъ отлогихъ горъ. Вдругъ, вверху надъ оврагомъ, раздался голосъ калмыка: не топися! кричалъ онъ:—я выну тебя тотчасъ,—поймаю! Не топися! кричалъ онъ сердито. Малаша вышла поспѣшно на берегъ, на скоро собрала все что было сбросила съ себя, накинула на себя кой какъ,—и молча, ничего не отвѣчая калмыку, скорыми шагами пошла къ селу, пробираясь между кустами подальше отъ

калмыка, воображавшаго, что она хотѣла утопиться. Когда послѣ, при встрѣчѣ съ нею, калмыкъ снова уговаривалъ ее пойти за него замужъ,—она постоянно отдѣлывалась однимъ отвѣтомъ: что это грѣхъ, — потому что мужъ ея живъ! Калмыкъ скрылся изъ села и долго не показывался къ большому удовольствію Малаши. Онъ появился наконецъ,—и смотрѣлъ на нее съ торжествующимъ видомъ! Онъ пробрался къ ней, когда она одна работала въ огородѣ у своихъ поселенцевъ, сѣлъ не далеко отъ нея, съ хитрымъ выраженіемъ въ лицѣ, и зорко смотрѣлъ на нее блистающими глазками, едва видными, межъ сѣдыми бровями и выдающимися скулами широкаго лица.

— Ну! сказалъ онъ: слушай, что буду говорить...

— Что тамъ еще? спросила она.

— Смотри, что буду показывать.

— Не нужно мнѣ ничего отъ тебя, съ досадой отвѣтила ему Малаша.

— Мужа какъ звали? Борисъ? началъ онъ снова. Малаша бросила работу при имени Бориса, и невольно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ къ старому калмыку.

— Онъ серьгу носилъ въ ухѣ? спрашивалъ старикъ.

— Да; носилъ серьгу, съ голубымъ камушкомъ.

— И крестъ носилъ?..

— И крестъ носилъ, вѣстимо! вразумительно отвѣтила Малаша.

— Ну вотъ,—смотри: его этотъ крестъ?

Малаша нагнулась къ кресту, и что-то знакомое видѣлось ей въ простомъ кипарисномъ крестикѣ, навязанномъ на шнуркѣ изъ небѣленыхъ нитокъ,—точно такомъ, какой она всегда плела мужу. Она всматривалась въ крестъ, будучи не въ силахъ отвернуться отъ него.

— И серьгу носилъ?

— Да; носилъ и серьгу, повторила Малаша машинально.

— Ну, смотри: его это ухо? сказалъ онъ вынимая что-то почернѣвшее, тѣлеснаго цвѣта, и показывая на ладони.—Я отрѣзалъ ухо съ серьгою, у мертваго. Онъ убитъ.

Малаша едва взглянула на это почернѣвшее ухо съ сережкой и голубымъ камнемъ, и взвизгнувъ убѣжала въ избу. Блѣдная и съ дрожью въ членахъ вошла она въ избу. Въ избѣ ее окружили, поили водою и отчитывали молитвами; она успокоилась, и только плача разсказала свой разговоръ съ калмыкомъ, и что онъ показывалъ ей крестъ и ухо убитаго мужа. Въ избу постепенно набрался народъ, и подумавшись всѣ дали ей совѣтъ идти къ священнику; онъ-де уйметъ калмыка.

На другой же день Малаша вся разстроенная безсонной ночью, шла къ священнику, поспѣшая

безъ оглядки. Калмыкъ, вдругъ, выросъ у нея на дорогѣ: она не знала откуда онъ могъ взяться.

— Ты, сказалъ онъ ей: — иди замужъ; а не хочешь,—такъ увезу къ башкирамъ, украду! грозилъ онъ, глядя на нее злобно.

— Погоди, сказала Малаша: вотъ я пойду къ попу, да спрошу дозволено ли вѣнчаться, коли не знаю живъ ли мужъ, пойдемъ со мною къ попу; звала она калмыка, надѣясь что священникъ пригрозитъ ему.

-- Иди ты,—а мнѣ не надо, отвѣтилъ ей старикъ, уходя въ сторону,—и Малаша пошла къ священнику.

Къ счастію Малаши священникъ очень серьезно взглянулъ на ея жалобы, и принялъ ее подъ свою защиту. Выслушавъ исторію ея замужества и объ уходѣ ея мужа, по всей вѣроятности убитаго, священникъ посовѣтывалъ ей подать прошеніе, чтобъ ей дозволено было вернуться къ отцу. Для выполненія этого плана онъ предложилъ ей ѣхать съ нимъ въ Оренбургъ; отъ калмыка же онъ обѣщалъ собрать всѣ свѣдѣнія о смерти Бориса, какъ отъ единственнаго свидѣтеля и очевидца.

Ходатайство священника помогло и въ томъ отношеніи, что калмыкъ не осмѣливался больше грозить Малашѣ и приставать къ ней, и скоро исчезъ изъ села. Неизвѣстно выгнали ли его остальные калмыки, или онъ ушелъ добровольно,

разсердившись на своихъ поселенцевъ. Малаша въ ту же осень простилась съ односельчанами мужа, съ которыми вынесла такъ много труда и горя во время ихъ странствій; она уѣхала въ Оренбургъ, вмѣстѣ съ священникомъ, который ѣхалъ туда по своимъ дѣламъ; онъ обѣщалъ ходатайствовать за нее, и выхлопотать ей всѣ бумаги,—и дозволеніе вернуться къ отцу, на фабрику ихъ перваго помѣщика, Барановскаго.

Глава IX.

Жизнь въ Петербургѣ проходила шумно по прежнему. Въ неизмѣнномъ порядкѣ шелъ рядъ общественныхъ удовольствій въ кругу знатныхъ и богатыхъ вельможъ, согласно съ требованіями появившейся культуры. Культура запада блеснула въ глаза русскому обществу главнымъ образомъ въ видѣ разнообразныхъ увеселеній,— и отразилась на немъ въ страсти къ утонченнымъ наслажденіямъ и мотовству. При дворѣ, дѣла и занятія смѣнялись празднествами, замысловатыми иллюминаціями съ освѣщенными постройками и фигурами цвѣтовъ и людей; или парадами, и смотрами войскъ. Императрица поздоровѣла; она часто появлялась въ обществѣ, всегда одѣтая блистательно и проводила время на балахъ до

ранняго утра. При дворѣ продолжала веселиться и Анна, но уже не такъ беззаботно! Часто задумывалась она и спрашивала себя: что-же ждало ее дальше? На что могла она надѣяться? Не лучше ли было-бы вернуться подъ родной кровъ отцовскаго дома и постараться тамъ устроить жизнь свою, если не съ такимъ блескомъ, какой казался ей возможнымъ прежде, при ея незнаніи свѣта, —то безопаснѣй и прочнѣй!—Такъ думалось ей иногда. Самое веселье начинало утомлять ее, казаться однообразнымъ. Съ весной она какъ бы ожила немного; но ей вспоминалась другая весна, —лучше и ярче, и теплѣй чѣмъ въ Питерѣ! Анна скучала когда-то въ уединеніи, живя у отца; но и для жизни при дворѣ она была не приготовлена, не воспиталась для нея! Она тяготилась окружавшею ее постоянно толпою, почти незнакомыхъ ей людей, или слишкомъ многочисленнымъ обществомъ знакомыхъ. Она желала-бы снова жить въ своей семьѣ, въ своемъ домѣ. Для всѣхъ она оставалась чужою, и не умѣла сдѣлаться необходимой услугами, или развѣдываніемъ общихъ слабостей и желаній. Она не была искательна, и не любила быть орудіемъ другихъ,—удача въ жизни была не возможна при такомъ настроеніи. Наслаждаясь весельемъ и роскошью, она сохранила дѣтскую простоту и прямодушіе. Время готовило ей однако много перемѣнъ и счастливыхъ и тяжелыхъ.

Этимъ-же лѣтомъ, во первыхъ, принесло оно ей неожиданную встрѣчу. Труппѣ Волкова назначено было дать первое представленіе на придворной сценѣ въ Царскомъ Селѣ, куда Императрица переѣхала на первые лѣтніе мѣсяцы. Когда дворъ двинулся изъ Петербурга, перемѣна была пріятна Аннѣ. Въ свободные часы она осматривала роскошный садъ въ Царскомъ Селѣ, въ которомъ дернъ на полянахъ сада походилъ на мягкій зеленый бархатъ, а дорожки, чище паркета, вели къ большому свѣтлому озеру по которому плавали лебеди. Весь садъ искусственный, съ подстриженными деревьями, поразилъ новизною Анну, ничего не видѣвшую въ этомъ родѣ. Но кромѣ прогулокъ, ее оживляло еще ожиданіе спектакля. Труппа Волкова прибыла уже въ Петербургъ и на другой день назначенъ былъ спектакль въ Царскомъ Селѣ. Сцена была устроена и раздавались афиши: первою должна была идти піеса Сумарокова „Хоревъ.“ Изъ именъ актеровъ, какъ о лучшихъ упоминали о самомъ Волковѣ, о пріятелѣ его Нарыковѣ, и еще поминали недавно принятаго Яковлева. Передъ представленіемъ, Императрица пожелала осмотрѣть костюмы лицъ, игравшихъ женскія роли; она обратила особенное вниманіе на актера Нарыкова, игравшаго роль „Оснѣльды“ и собственноручно убирала ему голову: такое вниманіе и покровительство оказала она вновь прибывшимъ актерамъ. Понятно какой

восторгъ возбудило это вниманіе въ прибывшихъ артистахъ,—наконецъ-то они были счастливы! А Яковлевъ? Онъ былъ очарованъ всѣмъ, что здѣсь видѣлъ, и особенно пріемомъ! Онъ давно проникся серьезнымъ значеніемъ этого перваго спектакля частныхъ артистовъ при дворѣ, и важностію своего положенія;—проникся на столько, что забылъ всѣ шутки, и смотрѣлъ совершенно солидно и сообразно съ характеромъ артиста трагическихъ ролей. И было надъ чѣмъ призадуматься! Не легко было выполнить роль въ этой новой обстановкѣ. До сихъ поръ его поддерживало только постоянное одобреніе Волкова; милостивый пріемъ Императрицы довѣршилъ остальное. Стефанъ Яковлевъ стоялъ бодро, вмѣстѣ съ другими членами труппы, передъ живымъ образомъ Елисаветы, которой посылалъ столько благословеній въ его далекомъ краю, и въ домѣ сержанта Харитонова!

Мало по малу, невольно и незамѣтно для себя, —перешелъ онъ къ другому воспоминанію, и спросилъ себя: не здѣсь-ли Анна? и не увидитъ-ли онъ ее въ числѣ зрителей? Какъ удивится она его неожиданному появленію на подмосткахъ сцены!—И прежняя, веселая улыбка Стефана мелькнула на лицѣ трагика Яковлева, со всею полнотою былой шутливости. Улыбка изчезла при мысли, что прійдется передать Аннѣ невеселыя вѣсти о семьѣ ея.

Наконецъ приготовленія къ спектаклю были окончены, и представленіе начиналось; занавѣсъ поднялся,—на сцену выступили незнакомые публикѣ артисты: Нарыковъ въ роли Оснѣльды,—плѣнницы Кія; (построившаго городъ Кіевъ, какъ передаетъ древнее преданіе.) Яковлевъ вышелъ въ роли Хорева, меньшаго брата Кія. Хоревъ любитъ Оснѣльду, онъ высказываетъ ей это въ длинныхъ строфахъ многочисленныхъ стиховъ. Она не рѣшается принять любовь врага отца ея. Пьеса исполнена драматическихъ положеній, что постоянно поддерживало вниманіе зрителей. Артисты играютъ до конца съ постояннымъ искусствомъ и горячностію. Въ послѣднемъ актѣ,—Хоревъ узнаетъ, что Оснѣльда подозрѣвалась въ измѣнѣ славянамъ, и отравлена по приказанію Кія;—Хоревъ закалываетъ себя. Братъ Хорева,—Кій, примирившійся съ отцемъ Оснѣльды, оплакиваетъ оклеветанныхъ и невинно погибшихъ, Хорева и Оснѣльду! Соперникъ Хорева, изъ ревности оклеветавшій ихъ въ измѣнѣ славянамъ,—кидается въ Днѣпръ. Тѣмъ оканчивается пьеса.

Сдержанные, тихіе, но продолжительные аплодисменты наполнили залу спектакля по окончаніи пьесы. Всѣ передавали другъ-другу свои впечатлѣнія; представленіе внесло что-то новое, неиспытанное: это не было представленіемъ учениковъ,—это была игра людей знавшихъ жизнь, испытавшихъ на себѣ ея гнетъ и радости, и умѣв-

шихъ передать и другимъ свои ощущенія; игра ихъ нравилась и трогала. Сама пьеса, написанная тяжелымъ стихомъ по всѣмъ правиламъ классицизма, не могла-бы нравиться позднѣе по своей неестественности; но тогда,—все было ново и все нравилось; хотя лица выведенныя въ пьесѣ изъ древней жизни славянъ, рѣчами и чувствами походили болѣе на лица и характеры изъ греческихъ трагедій, или на лица изъ пьесъ Расина. Древне славянскаго въ нихъ не было ничего кромѣ ихъ именъ. Но игра актеровъ нравилась и маскировала неестественность пьесы. Нарыковъ нравился изяществомъ, съ какимъ онъ исполнялъ женскую роль и носилъ женскій костюмъ. Волковъ обращалъ вниманіе умной и благородной игрою, а Яковлевъ задѣвалъ за-сердце своимъ живымъ голосомъ; въ немъ отзывалось задушевное непосредственное чувство, съ которымъ онъ отдавался каждой прекрасной произносимой имъ мысли, каждому чувству внушенному ему положеніемъ представляемаго лица! Всѣ любовались наружностію Нарыкова. Въ немъ находили большое сходство, съ находившимся прежде при русскомъ дворѣ, польскимъ графомъ, Дмитріевскимъ, и Императрица пожелала, чтобы онъ носилъ эту фамилію вмѣсто фамиліи отца его, Нарыкова. Въ началѣ пьесы Анна смотрѣла на Яковлева, не узнавая его; только пріятные звуки его голоса напоминали ей что-то. Помѣщаясь въ дальнемъ ряду

креселъ, она не тотчасъ могла хорошо разглядѣть лице его, прекрасно загримированное. Но вслушиваясь, и припомнивъ хорошенько,—она сказала себѣ; что голосъ Яковлева напоминалъ ей голосъ Стефана Барановскаго! Когда-же Яковлевъ, приблизясь къ авансценѣ, съ горячностью произносилъ какой-то монологъ, глаза его широко раскрылись, и въ нихъ блеснулъ такой знакомый взглядъ, что Анна не могла не узнать въ Яковлевѣ своего стараго знакомаго, Стефана;—и, вздрогнувъ отъ удивленья, она уронила вѣеръ. Легкій стукъ упавшаго вѣера среди общей тишины, заставилъ Яковлева, невольно обратить глаза въ ту сторону, гдѣ онъ послышался,—и онъ мелькомъ замѣтилъ Анну; онъ даже понялъ почему она уронила вѣеръ,—она узнала его! Когда по окончаніи монолога Яковлевъ ушелъ со сцены, онъ за кулисами пробрался къ самому краю декорацій, и не замѣтно для публики вглядывался въ Анну. Она не перемѣнилась, какъ ему казалось; пышный нарядъ измѣнялъ нѣсколько ея фигуру, но лице по прежнему смотрѣло просто и добродушно, не смотря на гордо поднятую головку. Ему показалось также, что она смотрѣла на сцену не только внимательно,—но оглядывая ее со всѣхъ сторонъ, будто искала кого нибудь: ну да; она не забыла стараго знакомаго, и искала его въ толпѣ актеровъ. Теперь не время было придумывать средство повидаться съ Анной и погово-

рить съ нею о ея семействѣ. Онъ отошелъ въ сторону, чтобъ не засмотрѣться и не забыть о своемъ выходѣ на сцену. Когда онъ снова вышелъ на сцену, то не разъ успѣвалъ взглядывать на Анну,— но взглядъ Анны начиналъ смущать его. Ему казалось, что вмѣстѣ съ удивленьемъ къ игрѣ его, въ глазахъ Анны видѣнъ былъ вопросъ: „Неужели изъ ничтожнаго Стефана могъ выйти актеръ Яковлевъ?“ Когда пьеса кончилась и актеровъ вызвали, то между зрителями уже не было Анны. Ея не было и на балу, послѣдовавшему за спектаклемъ, на который актерамъ дозволено было смотрѣть съ хоръ, гдѣ помѣщались музыканты. Яковлевъ думалъ, что Анна намѣренно избѣгала встрѣчи съ нимъ, какъ-бы боясь признать такое знакомство съ человѣкомъ, вышедшемъ изъ темнаго сословія. Или, можетъ быть съ ней случилось внезапное нездоровье? Послѣднее было справедливо.

Неожиданное нервное разстройство не разъ уже случалось съ Анной; оно выражалось блѣднымъ цвѣтомъ лица, головною болью, и общей слабостію близкой къ обмороку. Всѣ окружающіе ее доискивались причины нездоровья, и находили его неудобнымъ для ея службы. Уже была рѣчъ о томъ, чтобы удалить ее, найти ей жениха;—указывали даже на одного генерала, не давно выписаннаго изъ арміи, какъ на будущаго суженаго Анны. Все это узналъ Яковлевъ неожиданно, но

гораздо позднѣе. А теперь въ головѣ его была одна упрямая мысль: какъ-бы найти доступъ къ Аннѣ и передать ей о перемѣнахъ въ ея семьѣ.

Когда послѣ спектакля вечеръ кончился ужиномъ, который поданъ былъ и актерамъ вмѣстѣ съ музыкантами, въ отведенной особо комнатѣ,— Яковлевъ ушелъ съ другими членами труппы въ назначенное имъ помѣщеніе, гдѣ долго еще не могли они нарадоваться сдѣланнымъ имъ пріемомъ и удачей спектакля. Когда улеглись наконецъ, Яковлевъ долго еще не могъ уснуть и придумалъ планъ сближенія съ Анной. Онъ рѣшилъ собрать всѣ письма отца ея изъ того времени, когда сержантъ писалъ ему въ Кіевъ свои отвѣты на запросы ректора академіи объ Ольгѣ. Эти письма намѣренъ онъ былъ отнести къ знакомымъ монахинямъ Анны въ Смольномъ монастырѣ, и просить доставить ихъ Аннѣ. Послѣ этого, быть можетъ, она назначитъ ему гдѣ нибудь удобную встрѣчу, чтобы разспросить его подробно объ Ольгѣ и отцѣ. Но случай видѣть Анну представился скорѣе, чѣмъ ожидалъ Яковлевъ.

На другой день, въ 6 часовъ утра—Яковлевъ былъ уже на ногахъ и просилъ садовника провести его въ садъ. Заявивъ садовнику о своей страсти къ цвѣтамъ, онъ помогалъ ему подвязывать и подсаживать цвѣты въ клумбахъ передъ дворцомъ. Въ то-же время Яковлевъ спросилъ: не попадется ли онъ здѣсь на глаза кому нибудь

изъ придворныхъ дамъ, что было-бы неловко для него, какъ для посторонняго человѣка, позволившаго себѣ работать въ саду. Садовникъ успокоилъ его, увѣряя,—что самыя знатныя дамы, и тѣ рѣдко показываются ранѣе девяти часовъ утра; что больше гуляютъ онѣ около озера. Да и постороннимъ людямъ не запрещалось входить въ садъ днемъ. Яковлевъ выпросилъ себѣ нѣсколько цвѣтовъ для букета, послѣ чего онъ исчезъ скоро, незамѣтно для садовника, занятаго своимъ дѣломъ. Въ девять часовъ онъ появился въ одной изъ прямыхъ аллей, въ концѣ ея, прилегавшемъ къ озеру, съ сверткомъ ролей въ рукахъ. Онъ былъ одѣтъ въ короткій плащъ и съ легкой польской шапочкой на головѣ; спереди шапочка украшена была бѣлымъ перомъ, и два конца длинной ленты спускались сзади на шею. Онъ сѣлъ на скамьѣ, нагнулся надъ своими тетрадями, и часто посматривалъ по сторонамъ. Въ аллеяхъ начинали появляться дамы, въ легкихъ утреннихъ костюмахъ; онѣ обратили вниманіе на Яковлева и узнали въ немъ одного изъ игравшихъ вчера артистовъ. Ему не кланялись конечно, но проходя мимо милостиво улыбались, глядя на человѣка, трудившагося вчера для ихъ удовольствія. Мимо него прошло нѣсколько молодыхъ фрейлинъ; одна изъ нихъ говорила, что ей надо бѣжать теперь, чтобы во время попасть на свое дежурство; двѣ остальныя, быстро проходя мимо

него остановились на минуту—и у одной изъ нихъ вырвалось чуть слышное восклицаніе,—конечно это была Анна! Яковлевъ, не теряя ни минуты, подошелъ къ ней съ букетомъ цвѣтовъ, и подалъ его Аннѣ, прося передать дамѣ, которая потеряла его здѣсь. Анна увидала любимыя цвѣты свои: розы, полевыя жасмины, и много Анютиныхъ глазокъ,—она поняла что букетъ былъ приготовленъ Стефаномъ для нея. Скромный видъ Яковлева, очень серьезный, позволялъ простить эту выходку старому знакомому прежнихъ счастливыхъ дней. Она была даже тронута памятью о ней, замѣтивъ любимыя цвѣты свои.

— Благодарствуйте Яковлевъ, сказала она смѣясь:—я знаю кому принадлежитъ этотъ букетъ. О васъ я много слышала и прежде. Не васъ-ли называли Стефаномъ?

Яковлевъ подошелъ ближе, съ поклономъ вызваннаго актера, и, просіявъ отъ удовольствія, глядѣлъ на Анну.

— Меня зовутъ Стефаномъ, сказалъ онъ. Я сохранилъ это имя, потому что оно нравилось когда-то одному почтенному, старому, знакомому въ Кіевѣ. Я привезъ онъ него поклонъ и письма къ одной дѣвицѣ, живущей во дворцѣ,—но незная какъ отыскать ее, я передалъ все въ Смольный монастырь, гдѣ мнѣ обѣщали доставить ей все завтра утромъ. Къ сожалѣнію въ письмахъ есть невеселыя вѣсти о ея семьѣ.

Анна слушала его встревоженная и блѣдная, но не могла распрашивать при другихъ фрейлинахъ.

Вечеромъ снова давалось представленіе труппы Волкова. Со сцены, отыскивая между зрителями Анну, Яковлевъ встрѣтилъ у нея взглядъ теплый и сочувственный, взглядъ старой знакомой. На другой день Яковлевъ былъ рано утромъ въ Смольномъ монастырѣ, передъ обѣдней; онъ былъ въ самомъ скромномъ, обыкновенномъ темномъ платьѣ, не обращавшемъ ни чьего вниманія. Онъ стоялъ у входной двери церкви; мимо него должны были проходить всѣ входящіе. Предчувствіе его не обмануло; заслышавъ стукъ кареты, онъ былъ увѣренъ, что Анна пріѣхала за письмами, и вышелъ на паперть церкви.

— Простите, сказалъ онъ, встрѣчая ее на ступеняхъ широкаго крыльца, и не обращая вниманія на испугъ Анны при видѣ его: „простите, что я рѣшился самолично вручить вамъ эти письма, недовѣряя ихъ ни кому! Вы узнаете изъ этихъ писемъ, какимъ образомъ разошлась свадьба сестры вашей. Позвольте мнѣ прійти въ садъ Царскаго села, на то мѣсто, гдѣ я учу роли;—и я разскажу вамъ все чему самъ я былъ свидѣтелемъ! Можетъ быть вы успѣете помочь сестрѣ...“

— „Боже мой! что-же случилось съ ней? Приходите, приходите!“ живо заговорила она, забывая

всѣ предосторожности: „я буду вамъ очень благодарна, Яковлевъ!“

— Преданный вамъ Стефанъ Яковлевъ! проговорилъ Стефанъ; и передавая письма въ протянутую къ нему руку Анны, онъ быстро нагнулся и успѣлъ поцѣловать эту руку, украшенную дорогими перстнями. Только что Анна успѣла взять письма, Яковлевъ изсчезъ въ толпѣ молящихся.

Когда вернувшись къ себѣ, Анна перечитала эти письма запершись въ своей комнатѣ, она не съ разу повѣрила непостоянству Сильвестра. Еще труднѣе было ей повѣрить, что сестра Ольга готова поступить въ монастырь! Одно было ей ясно: что отецъ ея и сестра вытерпѣли большое горе, и что счастливая жизнь на хуторѣ была разбита. Родительскій домъ рисовался ей въ такомъ печальномъ видѣ, что она невольно заплакала. Постучавшіеся къ ней фрейлины застали ее въ слезахъ, причину которыхъ она не желала тотчасъ сообщить всѣмъ. На другой день она пошла въ садъ ранѣе обыкновенной своей привычки, и одна. Она направилась прямо въ аллею, гдѣ встрѣтила вчера Яковлева; онъ былъ уже тамъ, на прежнемъ мѣстѣ, но безъ плаща и польской шапки, обращавшихъ вниманіе прохожихъ вчера, а въ обыкновенномъ темномъ кафтанѣ, какіе всѣ носили въ то время за просто.

Подъ вліяніемъ горя, Анна подошла къ нему очень непринужденно, — никто не могъ видѣть

ея короткости съ незнакомымъ человѣкомъ. Никто не мѣшалъ ихъ долгой бесѣдѣ, въ которой Стефанъ высказалъ горячее участіе къ Ольгѣ, и глубокое отвращеніе къ характеру Сильвестра и его поступку. Правда онъ находилъ ему извиненіе въ обстановкѣ и требованіяхъ лицъ, среди которыхъ онъ воспитался и которыя держали его въ своихъ рукахъ.

— Это же самая обстановка не удержала васъ, не помѣшала вамъ порхнуть отъ нихъ и улетѣть такъ далеко! Клобукъ не пришелся вамъ по головѣ; вы слишкомъ горячи и живы! говорила Анна. — Вы не побоялись свернуть на другую дорогу, не на ту къ которой васъ готовили. У васъ есть своя душа, — которой видно нѣтъ у Сильвестра. Прощайте, Стефанъ! сказала она собираясь уходить; — я иду писать къ сестрѣ, уговаривать ее. Если вы будете въ чемъ нибудь нуждаться здѣсь,—такъ вспомните, что у васъ есть близкая знакомая, готовая на помощь вамъ, а теперь—поклонница вашего таланта! прибавила она смѣясь.

— Не забудьте и вы, что здѣсь есть человѣкъ преданный вамъ и вашей семьѣ,—и что никого нѣтъ у него уже болѣе близкаго ему на свѣтѣ.

Анна искренно поблагодарила его, быстро уходя отъ него по аллеѣ;—она снова заперлась въ своей комнатѣ, съ тяжелымъ горемъ на сердцѣ. Съ этихъ поръ часто видѣли Анну, очень раз-

строенную. У нея подозрѣвали какую нибудь серьезную болѣзнь и заботились о ея выздоровленіи. Однимъ изъ явныхъ признаковъ болѣзни, казалось всѣмъ, была ея глубокая меланхолія. Затѣмъ ходили слухи о полученныхъ ею письмахъ, и даже о какомъ то свиданіи въ саду. Кажется въ видѣ развлеченья Аннѣ придумали предложить замужество, —предложеніе это она горячо отвергала сначала,— но послѣ долгихъ убѣжденій, она согласилась увидать предлагаемаго ей жениха,—встрѣтиться съ нимъ въ церкви. Для свиданья этого, въ началѣ осени въ Петербургѣ, выбрана была недавно отстроенная и освященная церковь въ слободѣ Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, во имя Святой Троицы. Анна рѣшилась согласиться на это свиданіе твердо увѣренная, что найдетъ какой нибудь предлогъ отказаться отъ замужества, если назначенный ей суженный не окажется довольно привлекателенъ. Не смотря на такую увѣренность у ней тяжело было на душѣ въ день назначенный для этого свиданья, когда она должна была ѣхать, показывать себя, какъ посылаютъ товаръ на показъ покупателямъ. Анна усердно молилась въ толпѣ другихъ придворныхъ дамъ, она не смотрѣла по сторонамъ, отдаляя отъ себя минуту, въ которую ей суждено было встрѣтить своего суженаго. При выходѣ изъ церкви къ ней подвели какого-то генерала, лице котораго показалось Аннѣ знако-

мо. Вглядѣвшись, она узнала добродушное лицо генерала Глыбина, котораго она знала въ Кіевѣ и встрѣчала въ домѣ отца, еще почти въ дѣтствѣ, когда и Глыбинъ не былъ еще генераломъ. Онъ былъ молодымъ офицеромъ, когда Анна видѣла его въ Кіевѣ. Онъ былъ посланъ тогда въ провинцію съ объявленіемъ о мирѣ, заключенномъ съ Шведами въ 1744-мъ году. Тогда велся такой обычай, что отличившихся на войнѣ, штабъ или оберъ офицеровъ, посылали по провинціямъ съ объявленіемъ о мирѣ, при чемъ имъ выдавался указъ, въ которомъ каждому посланному назначались губерніи, которыя онъ долженъ былъ объѣхать. Въ указѣ же заявлялось также, что въ случаѣ гдѣ нибудь въ провинціи предложены имъ будутъ подарки — „то таковые подарки дозволено было имъ принять". Съ такимъ указомъ и объявленіемъ о мирѣ былъ посланъ Глыбинъ въ Кіевскую губернію и другія ближайшія къ ней; въ это время онъ познакомился съ семействомъ Харитонова, и помнилъ Анну подъ этимъ только именемъ. Она узнала его, да; это былъ тотъ самый Глыбинъ! Она не видала его впродолженіи восьми лѣтъ, и ему трудно было бы узнать ее. Анна улыбнулась при видѣ стараго знакомаго, который ее не узнавалъ. Не понимая значенья ея радушной улыбки, онъ подходилъ къ ней, однако, тоже глядя на нее ласково и участливо. Повторяя себѣ мысленно

фамилію Анны, всматриваясь въ нее и любуясь ею, онъ начиналъ смутно припоминать что-то

— Вы не узнаете меня? спросила Анна, обращаясь къ нему.—Вы были когда то у сержанта гвардіи, Харитонова, въ Кіевской губерніи? Вы не помните теперь двухъ сестеръ, еще маленькихъ дѣвочекъ,—вы имъ много разсказывали о шведскомъ походѣ?..

—- Припоминаю все это,—но васъ конечно не узналъ бы теперь! Какъ я радъ возобновить старое знакомство, которое вы не позабыли! Глыбинъ поцѣловалъ протянутую ему руку Анны, долго невыпуская ее изъ своихъ рукъ, и ласково глядя ей въ глаза.

Случайно-ли или нарочно, всѣ окружавшія Анну, дамы отошли отъ нихъ въ сторону и оставили вдвоемъ съ Глыбинымъ. Среди незнакомой толпы, они могли свободно говорить другъ съ другомъ. Генералъ не похожъ былъ на тѣхъ пожилыхъ людей, которые часто говорили Аннѣ любезности на балахъ, съ непріятными улыбками и взглядами. Глыбинъ смотрѣлъ спокойно и ласково, какъ смотрятъ иногда старшіе на дѣтей. Онъ разспрашивалъ ее участливо и серьезно о томъ, какъ живется ей въ Петербургѣ; жалѣлъ что не встрѣтилъ раньше и не могъ быть ей въ чемъ нибудь полезенъ, какъ долженъ бы былъ поступить старый знакомый ея отца. Онъ спросилъ объ отцѣ и сестрѣ ея. Она обѣщала ему

много сообщить объ нихъ при слѣдующей встрѣчѣ съ нимъ. Они скоро разстались, и Анна отошла отъ него, думая, что могла бы найти опору въ этомъ добромъ знакомомъ; а теперь ей нужна была опора, она давно это сознавала и чувствовала. Она была безсильна противъ всего, что окружало ее теперь.

Аннѣ скоро предложили эту опору, говоря, что онъ богатъ; будетъ занимать хорошія мѣста воеводъ или губернаторовъ, что онъ имѣлъ свои вотчины въ провинціяхъ. Сверхъ того, говорили: что онъ очень хорошій, добрый и честный человѣкъ,—почему и государыня ничего не имѣла бы противъ ея замужества съ нимъ. Все это объясняла ей та самая штатсъ-дама, которая въ первый разъ представила ее когда то императрицѣ. Анна помедлила отвѣтомъ. Много разъ еще встрѣчалась она съ генераломъ Глыбинымъ, ласково улыбалась ему, принимала отъ него услуги и подарки, и на просьбу его: поторопиться отвѣтомъ,—согласилась наконецъ отдать ему свою руку, о чемъ написала отцу, прося его благословенія. Такъ исполнилась мечта Анны составить себѣ богатую партію,—только далеко не въ томъ блестящемъ и увлекательномъ видѣ, какъ рисовалось въ ея воображеніи. Въ январѣ слѣдующаго 1753-го года, она вышла замужъ за Глыбина, получивъ щедрые подарки отъ императрицы по случаю свадьбы, и получивъ отъ

отца хорошую сумму въ приданое. Анна поселилась въ домѣ мужа своего, который сталъ скоро называться домомъ генеральши Глыбиной, и ее посѣщали всѣ знакомые, знавшіе ее при дворѣ. Генералъ старался не отставать отъ другихъ, давалъ балы, обѣды и маскарады. Молодая жена была его баловнемъ; онъ только ждалъ отъ нея какой нибудь просьбы, чтобы тотчасъ же ее исполнить. Анна была счастлива вдвойнѣ; оставаясь въ той средѣ блеска и шума, къ которымъ она привыкла, она вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала себя дома; для нея снова возродилась семейная жизнь, о которой она начинала тосковать въ послѣднее время. Счастье ея было бы полно, еслибъ она не была огорчена судьбою Ольги. Она нѣсколько разъ пробовала уговаривать Ольгу пріѣхать къ ней въ Петербургъ, надѣялась что новая жизнь исцѣлитъ ее отъ пережитаго горя и къ ней вернется желаніе—жить и быть счастливой. Ольга, однако, упрямо отказывалась посѣтить сестру: мы увидимся черезъ годъ или два, не ранѣе, писала она,—къ тому времени я готова буду покинуть семью для новой жизни,—только не у тебя! Не смотря на упрямство Ольги, Анна надѣялась измѣнить ея намѣренія въ будущемъ; но въ настоящую пору, ей недоставало близкой, дорогой подруги, — она лишена была дружбы Ольги, и не съ кѣмъ было ей подчасъ раздѣлить свое веселье. Мужъ предоставлялъ ей

тратить его деньги на свои удовольствія, но не всегда могъ раздѣлить эти удовольствія: то дѣло, то служба стѣсняли его, да и самый возрастъ мѣшалъ ему находить веселье въ томъ, что веселило его молодую жену. Онъ рѣдко танцовалъ, больше сидѣлъ за картами; днемъ онъ былъ на службѣ, и не могъ провожать Анну на прогулку. Вечера супруги проводили вмѣстѣ, Анна не выѣзжала безъ него вечеромъ. Въ тѣ времена по вечерамъ, улицы Петербурга были далеко не привлекательны, мало освѣщены, темны и даже не безопасны. Домъ Глыбиныхъ блисталъ роскошью; генералъ ничего не жалѣлъ для нея, Анна ничего не считала,—и впереди имъ готовилось то, что сбывалось въ тѣ времена надъ многими богатыми семействами: они незамѣтно приближались къ полному разстройству дѣлъ и прекращенію доходовъ. Но пока оба были счастливы. Правда, Анна не совсѣмъ еще исцѣлилась отъ разстройства нервъ и была иногда слезлива, какъ избалованный ребенокъ;—генералъ терпѣть не могъ слезъ и терялся. Но слезы эти показывались все рѣже, благодаря горячей заботливости Глыбина,—развѣ только въ страшно дурную погоду, или при легкомъ нездоровьѣ. При такихъ случаяхъ, Глыбинъ ходилъ по комнатѣ крупными шагами и напѣвалъ про себя знакомые ему военные сигналы, растерявшись и озадаченный. За исключеніемъ этихъ пасмурныхъ

минутъ семейной жизни, въ домѣ ихъ было свѣтло и шумно. Глыбину случилось также испытать терпѣнье и находчивость Анны, когда онъ заболѣлъ. Она ухаживала за нимъ горячо и безъустали, вела за него борьбу съ докторомъ и аптекой, и не спала ночей. Глыбинъ увѣрился, что при всѣхъ ея слабостяхъ, Анна могла быть вѣрнымъ другомъ въ бѣдѣ, оба они имѣли причины быть довольными другъ другомъ.

Зима прошла, спектакли давались рѣже; труппа Волкова вернулась въ Ярославль, въ Петербургѣ осталось только нѣсколько артистовъ изъ этой труппы. Артисты эти были оставлены по приказанію государыни при Шляхетскомъ корпусѣ, для изученія иностранныхъ языковъ: такъ заботилась Императрица объ образованіи даровитыхъ артистовъ, о развитіи талантовъ. Въ числѣ этихъ артистовъ былъ и Яковлевъ; какъ видно счастливая звѣзда его не переставала ему покровительствовать: онъ былъ оставленъ въ Петербургѣ при „Рыцарской академіи“, какъ называли тогда еще корпусъ устроенный первоначально Минихомъ для усовершенствованія дворянъ въ военныхъ наукахъ. Но въ немъ преподавались не однѣ военныя науки, въ корпусѣ этомъ преподавались иностранные языки, древніе и новѣйшіе; учениковъ упражняли также въ занятіяхъ русскимъ языкомъ и литературой. Такимъ образомъ Яковлевъ вмѣстѣ съ Дмитрев-

скимъ проводили утро въ запятіяхъ, по вечерамъ выходили на сцену въ самомъ корпусѣ,— а часто и на придворпомъ театрѣ лѣтняго сада, или въ покояхъ самой Императрицы. Распоряжаться этими представленіями поручено было вошедшему тогда въ извѣстность, писателю Сумарокову. Сумароковъ также получилъ свое образованіе въ томъ-же Шляхетскомъ корпусѣ; тамъ началъ онъ первые опыты на литературномъ поприщѣ: тамъ написалъ онъ свои первые стихи и драму. Сумароковъ былъ образованнѣе и развитѣе въ занятіяхъ, окружающаго его остальнаго общества, и Яковлеву было лестно войти въ сношенія съ нимъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ немногихъ людей того времени, не стыдившихся принимать у себя артистовъ. Пріемъ у него былъ не роскошенъ; онъ жилъ съ семьею въ нѣсколькихъ небольшихъ комнатахъ и никогда не былъ богатъ деньгами. Но хозяинъ былъ радушенъ, а разговоръ его былъ такъ занимателенъ, что гости не обращали вниманія на бѣдную обстановку. Русское общество начинало гордиться зарождавшейся на Руси наукой и искусствомъ,—но обезпечить даровитаго ученаго или знаменитаго писателя не казалось необходимымъ. Сумароковъ по рожденію принадлежалъ къ старому боярскому роду, и, по выходѣ изъ корпуса, былъ принятъ на службу при дворѣ. Ему было 22 года, когда онъ сдѣланъ

былъ адьютантомъ генералъ фельдмаршала Разумовскаго. Впослѣдствіи самъ онъ дослужился до Бригадира, но никогда не былъ онъ не только богатъ, но даже не получалъ достаточнаго содержанія по службѣ,—хотя талантъ его былъ признанъ всѣми, и изъ него извлекали посильную пользу.

Яковлевъ встрѣчалъ и Ломоносова, который былъ въ то время уже профессоромъ при академіи наукъ. Ломоносовъ жилъ очень скромно; простой и привѣтливый со всѣми, онъ былъ доступенъ и для артистовъ. Въ то время, когда онъ былъ извѣстенъ своими трудами и талантомъ на поприщѣ научномъ, онъ едва начиналъ выходить изъ гнетущей его бѣдности; все это удивляло Яковлева, онъ задумывался надъ всѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя. Яковлевъ попалъ наконецъ въ среду, имѣвшую большое вліяніе на его дальнѣйшее развитіе. Таланту артиста легко было развернуться при такой заботливости о его воспитаніи, когда ему давали возможность пріобрѣсть новыя знанія, а въ обществѣ онъ находилъ хотя маленькій кружокъ людей образованныхъ, въ домѣ которыхъ была сфера поддерживающая его умственную жизнь. Большая же часть общества превозносила таланты артистовъ, но сторонилась отъ нихъ, какъ отъ людей низшей породы, – или по крайней мѣрѣ,—людей низшаго слоя. Не многимъ лучше было и поло-

женіе ученаго. Но Стефанъ Яковлевъ былъ до сей поры такъ доволенъ привѣтомъ немногихъ цѣнившихъ въ немъ даровитаго, умнаго человѣка, что не замѣчалъ отчужденія отъ остальнаго міра. Ему пришлось испытать глубокое сожалѣніе о томъ, что никогда уже не встрѣтитъ онъ болѣе своей старой знакомой, Анны, послѣ того какъ онъ совершенно случайно узналъ о ея замужествѣ. Это случилось въ одинъ вечеръ, когда не было назначено никакого спектакля и онъ, по обыкновенію отправился въ квартиру Ломоносова. Въ этотъ вечеръ Ломоносовъ собирался прочесть вслухъ недавно сочиненную имъ Оду, а такое чтеніе всегда привлекало къ нему знакомыхъ. Но на этотъ разъ Яковлевъ никого не нашелъ у Ломоносова; онъ не жалѣлъ объ этомъ, потому что общество самого хозяина было ему всегда интересно. Хозяинъ былъ въ этотъ день въ совершенно мрачномъ настроеніи, находившемъ на него порою, послѣ всѣхъ непріятностей испытанныхъ имъ по службѣ въ академіи и раздражавшихъ его характеръ. Ломоносовъ былъ одѣтъ по домашнему, въ темномъ поношенномъ кафтанѣ, лице его раскраснѣлось. Въ этотъ день, какъ онъ говорилъ,—ему пришлось вынести особенно много непріятностей въ академіи, отъ враждовавшихъ съ нимъ профессоровъ иностранцевъ, желавшихъ захватить въ свои руки не только преподаваніе иностранныхъ язы-

ковъ,—но и преподаваніе русской исторіи! При такомъ раздраженіи, Ломоносовъ, чтобъ заглушитъ непріятныя впечатлѣнія, имѣлъ обыкновеніе выпивать нѣсколько рюмокъ вина или водки. Эта привычка почти всюду встрѣчавшаяся тогда среди русскаго общества, или можетъ быть сначала захваченная во времена ученья Ломоносова, среди нѣмецкихъ буршей,—привычка искать утѣшенія въ винѣ,—уже начинала искажать простое, открытое лице Ломоносова; развившаяся тучность придавала тяжеловатость его походкѣ и движеніямъ. Только большіе, свѣтлые глаза смотрѣли попрежнему умно и вдумчиво.

— Добро пожаловать! вскрикнулъ онъ встрѣчая Яковлева, съ которымъ охотно отводилъ душу, какъ онъ выражался.—Сегодня, кажется у меня, кромѣ васъ никого не будетъ. Да оно и кстати! Мнѣ сегодня такъ горько, что пожалуй я не въ состояніи былъ-бы читать свою Оду. Не всегда можно восхвалять и радоваться,—а чаще приходится жить въ печали! Сегодня-же я лучше расположенъ выпить и залить досаду! Выпьемте вмѣстѣ!

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? отказывался Яковлевъ.—Я бросилъ эти привычки съ переѣздомъ въ Петербургъ. Сегодня-же надо-бы особенно избѣгать этого, уговаривалъ Яковлевъ, который не любилъ этого настроенія у Ломоносова, и зналъ

какъ оно вредило его здоровью и мѣшало ему работать.

— Зачѣмъ пить! Вѣдь это лишнее! возражалъ онъ хозяину.

— Развѣ можетъ это быть лишнимъ въ странѣ, гдѣ васъ прохлаждаютъ болѣе двадцати градусовъ мороза? Вино согрѣваетъ кровь, даетъ ей должное движенье! А чѣмъ былъ-бы міръ безъ движенья? Его бы вовсе не было...—Не отказывайтесь, предлагалъ снова хозяинъ.

— Лучше не станемъ пить, право будетъ лишнее... повторилъ Яковлевъ, желая напомнить хозяину, что и такъ уже замѣтно,—что онъ силился забыть свои огорченія, запивая ихъ.

— Нѣтъ, это неизбѣжно у насъ, когда въ русской академіи наукъ сидитъ столько нѣмцевъ! Они задерживаютъ ходъ русскому человѣку своею ненавистью къ нему. Да! Не даютъ мѣста, прирожденному русскому человѣку! воскликнулъ Ломоносовъ энергично ударяя себя въ грудь. Мнѣ легче было бы жить съ моржами, оставаться у Бѣлаго моря, на родинѣ. Либо ихъ ужъ туда отправить! Намъ нужна русская наука, а они и нашу русскую исторію передѣлываютъ на нѣмецкій ладъ! Какъ-же не пить тутъ съ горя? Да и никто не прійдетъ ко мнѣ сегодня...

Но Ломоносовъ едва успѣлъ выговорить послѣднія слова, какъ послышался стукъ у наружной двери, ведущей въ его квартиру съ улицы.

Жена его поспѣшно вышла на стукъ этотъ изъ сосѣдней комнаты. Эта скромная, не требовательная подруга его жизни, на которой онъ женился во времена своего студенческаго труженичества за границею, куда онъ былъ посланъ для обученія наукамъ, когда въ немъ были замѣчены особенныя способности,—эта добрая, простая по привычкамъ женщина, много вытерпѣла вмѣстѣ съ нимъ во времена его бѣдности,—и теперь часто брала на себя обязанности прислуги. Она вышла отворить дверь на лѣстницѣ. Въ передней послышался говоръ, и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошелъ красивый молодой человѣкъ въ шитомъ золотомъ, придворномъ кафтанѣ, и съ напудренными волосами. Его живые глаза, высокій, открытый лобъ, тонкій носъ съ едва замѣтнымъ горбомъ на немъ, особенно-же, пріятное выраженіе всего лица, тотчасъ обращали на него вниманіе, всѣхъ кто въ первый разъ встрѣчалъ его. Но Яковлевъ не въ первый разъ видѣлъ это лице, и часто встрѣчалъ его; онъ зналъ, что это былъ молодой Шуваловъ, умъ и образованіе котораго доставили ему большое значеніе при дворѣ. Яковлевъ почтительно приподнялся съ своего мѣста и встрѣтилъ его съ поклономъ. Но другой господинъ, вошедшій вмѣстѣ съ Шуваловымъ, одѣтый въ такой же богатый кафтанъ весь вышитый золотомъ по краямъ и на рукавахъ,—былъ совершенно незнакомъ Яков-

леву, и сразу не понравился ему гордымъ и чопорнымъ видомъ.

— Ахъ ваше превосходительство... проговорилъ Ломоносовъ, обращаясь къ Шувалову, и съ трудомъ приподнимаясь съ мѣста.

— Безъ чиновъ! Сидите... сказалъ ему почтенный гость, внимательно посмотрѣвъ на него, и живо оглядывая всю комнату.—Сидите, сидите... повторилъ онъ съ легкой улыбкой.

— Иванъ Ивановичъ!.. заговорилъ Ломоносовъ, собираясь сказать что-то, какъ-бы извиняясь.

— Безъ церемоній, перебилъ его снова Шуваловъ.—А, а... Яковлевъ!.. проговорилъ онъ, кивнувъ головой артисту.

— Нужели актеръ Яковлевъ? живо спросилъ другой господинъ, сопровождавшій Шувалова:—вотъ радъ встрѣтить! продолжалъ онъ, подходя къ Яковлеву безъ малѣйшаго поклона и разсматривая его, ни мало не стѣсняясь, и говоря:

— Никогда еще не видѣлъ актера не на сценѣ,—такъ и кажется что ты намъ что нибудь съиграешь!

Яковлевъ молча поклонился человѣку, смотрѣвшему на него какъ на звѣря, вывезеннаго изъ далекихъ странъ.

— У насъ и тутъ сцена! раздражительно проговорилъ Ломоносовъ: развѣ это не представленіе? продолжалъ онъ, подмигнувъ Яковлеву:—въ

мірѣ, знаете, гдѣ жизнь—тамъ и сцена и представленіе.

Шуваловъ улыбнулся своею тонкою улыбкой; сопровождавшій его господинъ продолжалъ наивно улыбаться съ удивленьемъ:

— Право? спросилъ онъ:—А вѣдь пожалуй, случается. Любо право, занятно видѣть, какъ вы ученые живете и говорите у себя дома.

— Да-а-съ! Почти какъ всѣ люди! какъ вамъ кажется? А то,—какъ тѣ люди, что видѣли что-нибудь на своемъ вѣку,—чему нибудь понаучились! Вотъ вы... въ чужихъ краяхъ изволили...

— Полно вамъ, Ломоносовъ, перебилъ его Шуваловъ.—Что терять время, прочли бы намъ что нибудь!

Шуваловъ спѣшилъ перебить Ломоносова, зная его привычку выпускать когти, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь раздраженъ, а такое расположеніе было теперь очень замѣтно. Шуваловъ зналъ, что сопровождавшій его богатый вельможа, никогда ничему не учился и въ послѣднее время числился въ отпуску и проживалъ въ своей далекой вотчинѣ.

— Простите! Читать сегодня не могу! Измученъ сегодня! извинялся Ломоносовъ. Да теперь и поздно, ничего не успѣемъ прочесть...

— А комната у васъ маленька! замѣтилъ знатный баринъ, пріѣхавшій съ Шуваловымъ.

— Извините-съ, — прощенья просимъ, — другой у насъ нѣтъ!

Зная Ломоносова, Шуваловъ предвидѣлъ, что дѣло кончится бурей при наивныхъ замѣчаніяхъ его спутника. Всѣ знали вспыльчивость Ломоносова, если его возмущала надутость или несправедливость. Извѣстна была его ссора въ академіи, и что онъ находился подъ арестомъ, за сильную брань, которую позволилъ себѣ относительно одного нѣмецкаго профессора, притѣснявшаго Ломоносова. Ожидая бури, Шуваловъ поспѣшилъ выжить своего спутника.

— Знаете-ли, что мнѣ пришло въ голову? сказалъ онъ обратясь къ нему: — пожалуй, наша добрѣйшая генеральша Глыбина заждалась насъ, да и ждать перестанетъ къ ужину! Мы запоздали, а мнѣ надо еще перетолковать здѣсь о дѣлѣ. Ступайте къ ней и предупредите ее. Скажите: что я долженъ былъ долго пробыть въ конференціи при Высочайшемъ дворѣ; но здѣсь, у Ломоносова, останусь очень не долго; къ ужину буду къ ней.

Спутникъ Шувалова легко и быстро приподнялся съ своего мѣста, не смотря на свой пожилой возрастъ, — при мысли, что онъ можетъ пропустить прекрасный ужинъ съ хорошей порціей вина: онъ спѣшилъ исполнить порученіе Шувалова.

— Милый! кликнулъ онъ обращаясь къ Яков-

леву: — сбѣгай, скажи, чтобъ кучеръ подавалъ карету!

Яковлевъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи; онъ молчалъ,—но глаза у него загорались...

— Ступайте одни, батюшка! Вѣдь кучеръ у подъѣзда, и подастъ вамъ карету. Хозяйка затворитъ за вами дверь, таковъ ужъ ея обычай! говорилъ смѣясь Шуваловъ, и спѣшилъ выпроводить гостя.

— Да-съ, говорилъ провожая его Ломоносовъ, если вы желаете, чтобъ артистъ прочелъ вамъ что нибудь, — спуская васъ съ лѣстницы,—это другое дѣло! А кликнуть кучера—можно и не имѣя таланта. Вѣдь актеръ не носитъ только шпаги,—а для услугъ не нанимался.

— Кто же васъ разгадаетъ, ученыхъ людей! Ха-ха-ха! смѣялся гость собственной шуткѣ, тяжелой походкой выходя изъ комнаты, едва справляясь съ своей грузной фигурой и тяжело вышитымъ кафтаномъ и шпагой.

— Оставьте его, успокойтесь, Ломоносовъ! вотъ вы въ какомъ раздраженіи, а я спѣшилъ къ вамъ душу отвести, изъ засѣданія.

— Простите, не могу гнуть спину! на морѣ съ дѣтства, я самъ былъ себѣ господиномъ,—и вовѣкъ не привыкну изгибаться!..

— Успокойтесь! Яковлевъ человѣкъ умный, проститъ невѣжеству; только посмѣется съ то-

варищами, передразнитъ этого барина на сценѣ. А вотъ есть у насъ бѣда по серьезнѣй!

— Что у васъ, что? встрепенувшись вдругъ, и забывая свою досаду, заговорилъ Ломоносовъ, и спрашивая, участливо подсѣлъ ближе къ Шувалову.

— Какъ кажется, намъ готовится война, проговорилъ Шуваловъ, наклонившись къ Ломоносову.—Нѣтъ возможности избѣгнуть ея! Прежде намѣренно старались возстановить императрицу противъ короля прусскаго,—это были партіи.... А теперь король прусскій самъ неожиданно дѣлаетъ захваты, и намъ нельзя избѣжать войны: мы обязательно должны помогать нашимъ союзникамъ Австрійцамъ.

-- Война зло,—зло абсолютное! Но если обстоятельства вынуждаютъ, — то такъ и быть: открывайте войну противъ личнаго врага моего, Фридриха! Я не забылъ ему, какъ онъ завербовалъ меня силой въ солдаты своей арміи, когда я спасался отъ долговъ и бѣжалъ изъ Марбурга въ Голландію, чтобъ моремъ проѣхать въ Россію и начать работать на родинѣ. Ведите войну,—коли такъ нужно,—но не забывайте нашего новорожденнаго университета! Выхлопочите вы для русскаго народа...

— Мы обговоримъ все это въ другое время, прервалъ съ улыбкою Шуваловъ: — обо всемъ перетолкуемъ, долго переговоримъ! уговаривалъ

онъ вспыхнувшаго Ломоносова. А теперь прощайте, надо исполнить обѣщанное и спѣшить къ нашей генеральшѣ. Вѣдь вы знаете кто эта генеральша? Это недавно вышедшая замужъ фрейлина императрицы, Анна... Шуваловъ остановился на минуту, готовясь произнесть ея фамилію.

— Харитонова?.. невольно подсказалъ Яковлевъ въ волненіи.

— Анна Ефимовская, поправилъ Шуваловъ: она вышла замужъ за генерала Глыбина.

Шуваловъ сказалъ еще нѣсколько ласковыхъ словъ и дружескихъ увѣщаній обращаясь къ Ломоносову, желая ему быть покойнѣй и здоровѣй, ласково поклонился Яковлеву—и вышелъ.

Яковлевъ стоялъ ошеломленный вѣстію о замужествѣ Анны: сердце у него упало. Отъ чего же, думалъ онъ,—не радуетъ меня эта вѣсть? Что-жъ это мнѣ такъ больно? онъ молча сѣлъ на прежнее мѣсто противъ Ломоносова, собиравшаго листы рукописи, которую онъ готовился прочесть.

Отчего бы, дѣйствительно, было падать сердцу Яковлева? Онъ не былъ влюбленъ въ Анну, хотя любовался ею. Скорѣй это было отъ участія къ ней: за кого вышла она, по ея ли волѣ свершилось это замужество? И сверхъ того, онъ былъ разлученъ теперь съ обѣими старыми знакомыми. Милый ему когда то хуторъ опустѣетъ на всегда. Ему представлялся добрый старикъ, теперь

одинокій. Ну что же дѣлать, говорилъ онъ самъ себѣ, вѣдь и все должно проходить когда нибудь на этомъ свѣтѣ. Но и эта мысль не очень поддержала и утѣшила его; онъ сидѣлъ молча, въ раздумьѣ.

— Что? и ты пріунылъ, другъ Яковлевъ! задушевно сказалъ ему хозяинъ дома.—Вотъ мы опять одни,—и оба не веселы.

Ломоносовъ принесъ графинъ и двѣ рюмки, и налилъ обѣ, какъ можно полнѣе. Яковлевъ не отказывался на этотъ разъ; онъ подвинулъ къ себѣ рюмку и выпилъ ее молча. Ломоносовъ, напротивъ, разговорился, припомнивъ свою жизнь за границею, подробно описывая свое бѣдственное положеніе, когда онъ жилъ тамъ, не получая во время назначенныхъ на его содержаніе денегъ. Потомъ онъ припомнилъ юность и дѣтство, жизнь у отца. Онъ вспомнилъ рыбную ловлю на Двинѣ и на морѣ, въ рыбачьей ладьѣ, то подымавшейся бѣгущими на нее волнами, то опускавшейся снова. Онъ говорилъ о дивной сѣверной ночи. Всѣ эти разсказы увлекли и оживили бы Яковлева въ другое время, но тутъ онъ слушалъ безъучастно; они казались ему печальны почему то, подъ вліяніемъ нашедшей на него апатіи. Просидѣвъ у Ломоносова далеко за полночь, онъ вырвался отъ него, уходя отъ его угощенія съ головной болью, и обезсиленный! На другой день даже, онъ не могъ явиться на репетицію, за что

получилъ выговоръ отъ начальства,—отъ распорядителя театра, Сумарокова, который потребовалъ его къ себѣ.

— Г-нъ Яковлевъ! обратился онъ къ нему встрѣчая его у себя въ квартирѣ: между тѣмъ какъ Яковлевъ входилъ къ нему смущенный, сознавая что онъ поступилъ безпорядочно.—Г-нъ Яковлевъ! Я хочу дать вамъ благой совѣтъ: артистъ не долженъ избѣгать репетицій, это одно ложное самолюбіе, ложная гордость; она мѣшаетъ усовершенствованію таланта!

— Я не пришелъ на репетицію не изъ гордости,—а по болѣзни, г-нъ Сумароковъ. Вчера вечеромъ я засидѣлся у Ломоносова и вернулся отъ него съ головною болью.

— А-а! Теперь я все понимаю! Михаилъ Васильевичъ пилъ, и заставлялъ васъ пить вмѣстѣ съ нимъ. Прошу васъ, посѣщайте какъ можно рѣже такія компаніи. Онъ пріобрѣлъ уже предосудительную привычку къ вину и можетъ сообщить вамъ такую же привычку!

— Я давно не позволяю себѣ лишней рюмки, знаю, что для актера это можетъ испортить дѣло, и не идетъ. Но вчера мнѣ было такъ не по себѣ, и тяжело на душѣ, вотъ я и...

— Выпилъ съ горя! докончилъ за него Сумароковъ, не давъ ему договорить;—это хуже всего! Пить еще можно съ радости,—но съ горя—никогда не слѣдуетъ; потому что оно случается

гораздо чаще радости; и потомъ можно на долго остаться при воспоминаніи о горѣ! Но что у васъ за горе? Садитесь, сударь мой, разскажите все, откровенно.

— Я былъ дурно настроенъ, уклончиво отвѣчалъ Яковлевъ, избѣгая откровенныхъ объясненій; онъ не хотѣлъ разсказывать объ Аннѣ, о близкомъ знакомствѣ съ ней, и о замужествѣ, неожиданность котораго его поразила. Но чтобы отвѣтить чѣмъ нибудь на вызовъ Сумарокова, онъ разсказалъ ему о встрѣчѣ у Ломоносова съ какимъ то знатнымъ господиномъ, который посылалъ его на улицу кликнуть его кучера, и сообщилъ также объ отвѣтѣ Ломоносова; смѣясь помянулъ и на счетъ шпаги, которой недоставало артистамъ по его замѣчанію.

— Да, вѣдь это дѣло; справедливо! Еслибы вы, артисты, носили шпаги, то общество обращалось бы къ вамъ почтительнѣе. Обѣщаю вамъ похлопотать о дозволеніи артистамъ носить шпагу, — и надѣюсь что мнѣ удастся выхлопотать это право.

Яковлевъ разсмѣялся, видя что Сумароковъ принялъ такъ серьезно замѣчаніе, сдѣланное мимоходомъ.

— Нѣтъ, шпага ничему не поможетъ, сказалъ онъ, — пока общество не пріобрѣтетъ болѣе вѣрныхъ взглядовъ на актера. Теперь они считаютъ актера игрушкой, онъ ихъ пріятно забав-

ляетъ; они не понимаютъ, что онъ честный труженикъ, и трудится надъ ихъ образованіемъ. Какое имъ дѣло до этого, имъ лишь бы позабавить себя, а иногда полезно обратить его и въ лакея.

Сумароковъ безпокойно забѣгалъ по комнатѣ, будто измѣряя ее быстрыми шагами. Умное лице его съ прямыми длинными чертами и остро глядящими глазами, подергивалось отъ волненія. Онъ напряженно смотрѣлъ передъ собою впередъ, вытягивая шею, и нагибаясь всѣмъ корпусомъ. Бѣгая въ тѣсной комнатѣ онъ походилъ на запертую куницу, которой нѣтъ выхода изъ клѣтки.

— Да! заговорилъ онъ наконецъ; вы думаете, что только актерамъ тяжело столковаться съ людьми? А писателю, автору,—развѣ легче? На него развѣ не смотрѣли какъ на плясуна по канату? Съ нимъ развѣ не обращались какъ съ прислугой? А мало ли вытерпѣлъ Тредьяковскій нашъ, съ его мякенькимъ, гнувшимся существомъ? А меня развѣ не затерли бы въ грязь, еслибы я не боролся каждую минуту? Вы слышали о моей жизни за границею? Знаете, какія у меня были знакомства и связи? Я былъ уважаемъ въ средѣ геніальныхъ писателей! Монтескьё,—онъ великій мыслитель, — былъ моимъ короткимъ знакомымъ! Вольтеръ былъ мнѣ другомъ! Они пишутъ похвальные отзывы о моихъ драматиче-

скихъ произведеніяхъ. А у насъ? Развѣ меня понимаютъ? Гдѣ я вижу почетный пріемъ? гдѣ встрѣчаю оцѣнку? Вѣдь я не ради хвалы себѣ говорю, не за себя жалуюсь: я жалуюсь за русскаго ученаго, за русскаго писателя!

— Вы еще можете похвалиться пріемомъ, замѣтилъ Яковлевъ: ваши пьесы ставятъ на сценѣ при дворѣ, ихъ играютъ и слушаютъ?

— Да, да. Играютъ, и слушаютъ. Да вѣдь нечего было бы и играть то безъ нихъ! Я вѣдь всю жизнь трудился, чтобы создать русскую драму и русскій театръ! И вотъ, положимъ, меня сдѣлали распорядителемъ русскаго театра: но что же вышло? Я бьюсь, какъ рыба объ ледъ, весь день бѣгаю,—чтобъ выпросить средства для постановки пьэсы. На завтра назначено представленіе—а у актеровъ нѣтъ платьевъ! Я радъ бы истратить и свои деньги,—да и мнѣ то не выдаютъ жалованья!

— Да кто же тутъ распоряжается, кто тутъ виноватъ? спрашивалъ Яковлевъ.

— Никто,—и всѣ! воскликнулъ Сумароковъ разсмѣявшись какимъ то не веселымъ смѣхомъ. Общее не вниманіе-съ, общее равнодушіе! Для насъ нѣтъ обозначенныхъ положеній, мы внѣ закона, какъ сказали бы французы. Hors la loi. Да, продолжалъ онъ задумчиво: скоро ли можно обуздать, воспитать общество? Для васъ, арти-

стовъ,—я непремѣнно выхлопочу шпагу. Только вѣдь и нашего! И то трудно достать.

— Воображаю каковъ я буду со шпагою при бедрѣ! смѣясь говорилъ Яковлевъ: рыцарь да и только! Тогда ужъ никто не посмѣетъ послать меня за каретой на улицу. Пожалуй начнутъ приглашать на балы въ боярскіе дома!

— Нѣтъ, батюшка, этого не скоро дождетесь! Дмитревскаго кой гдѣ принимаютъ, да и то изъ того, что онъ уроки даетъ: это придаетъ ему вѣсъ, на него смотрятъ какъ на учителя.

— Да признаться, и на меня находитъ раздумье! Хорошо ли я сдѣлалъ, что увлекся страстью къ театру, зачѣмъ не остался при занятіяхъ наукой! Теперь у меня пробудилась страсть къ знанію, къ занятіямъ... откровенно высказался Яковлевъ.

— Если вы только ради положенія почетнаго желали-бы перемѣнить занятія,—такъ ничего-бы вы не выиграли! вотъ еслибы васъ послали воеводой, или какимъ нибудь начальствомъ куда нибудь, такъ вы бы накопили себѣ,—т. е. награбили-бы, кучу казны несмѣтную, гремѣли-бы золотомъ, и были-бы въ почетѣ! Вѣдь этихъ артистовъ, по этой-то части, принимаютъ, и почетъ имъ оказываютъ! А мы съ вами: будемъ довольны тѣмъ,—что несомнѣнно приносимъ пользу. Ляжемъ мы, самыми первыми ступеньками—для великой лѣстницы: будущей русской литера-

туры и искусства! Ну можно и на этомъ успокоиться!—Сумароковъ закончилъ свою горячую выходку и замолкъ на минуту, продолжая бѣгать по комнатѣ.

— А я васъ опять попрошу, началъ онъ черезъ минуту, остановясь передъ Яковлевымъ: не пропускайте вы репетицій,—да порѣже ходите къ Ломоносову.

— Первое я вамъ обѣщаю,—но второе не могу исполнить! возразилъ Яковлевъ: Гдѣ-же мнѣ душу отвести, гдѣ умомъ пожить? Михайло Васильевичъ вѣдь каждому русскому готовъ удѣлить своего ума и знанія! Вѣдь его заслушаться можно, говорилъ Яковлевъ будто извиняясь и оправдывая свои посѣщенія Ломоносова.

— Гмъ, откашлялся Сумороковъ, быть можетъ неохотно слушавшій похвалы Ломоносову. Ну прощайте, прервалъ онъ Яковлева, приходите-же на репетицію. Такъ беретесь играть Тартюфа?

— Согласенъ, согласенъ, отвѣчалъ Яковлевъ Дмитревскій прослушивалъ меня вчера, смѣялся, говоритъ: что я какъ живой! Ну конечно живой, не мертваго-же я играю.

— Вотъ посмотримъ, проговорилъ Сумороковъ потирая руки, я тотчасъ прибѣгу;—проглочу что нибудь наскоро, и тотчасъ прибѣгу за вами!

— До свиданья, и благодаренъ за участіе, сказалъ Яковлевъ раскланиваясь и выходя отъ Сумарокова.

Все это хорошо, думалъ онъ дорогою, одно жаль: оба хорошіе люди, оба трудятся безъ устали на пользу общества,—какъ усердно; точно кто ихъ подталкиваетъ! А другъ съ другомъ не уживаются! Такъ думалъ Яковлевъ отправляясь прямо на репетицію Тартюфа, и стряхнувъ на время вчерашнюю тоску. На слѣдующій день, вечеромъ, представленіе Тартюфа сошло блистательно; въ обществѣ потомъ только и было говору что о новой піэсѣ, и быть можетъ многіе, посмѣиваясь узнавали между собою Тартюфовъ, и украдкою указывали другъ на друга. На представленіи залъ былъ полонъ публики. Посѣщать театръ было почти обязательно для высшаго класса, и всѣ старались угодить этимъ Императрицѣ, такъ какъ сама она поощряла спектакли и развитіе вкуса въ обществѣ. У отсутствующихъ спросили-бы на другой день: почему вы не были? И даже,—могли подвергнуть ихъ штрафу. Многимъ разсылались билеты отъ двора. Во время представленія „Тартюфа“ піэсы Сумарокова, написанной въ подражаніе Мольеру,—во время представленія,—Яковлевъ видѣлъ Анну въ креслахъ, рядомъ съ генераломъ, ея мужемъ. Здѣсь надо сказать по правдѣ, что при первомъ взглядѣ на нее,—что-то сдавило ему грудь, стѣснило дыханіе; но онъ быстро оправился, стараясь избавиться отъ этого неожиданнаго ощущенія, и потомъ спокойно всматривался въ Анну, стоя за

кулисами: онъ убѣдился что она весела, довольна. Выходя на сцену, онъ видѣлъ, что она указала на него мужу, смѣялась его игрѣ и аплодировала. Все это было пріятно пока длился спектакль; Яковлеву весело было опять видѣть близкое лице и обращать на себя вниманіе Анны; но по окончаніи спектакля снова всплыли въ немъ прежнія тяжелыя чувства и мысли, когда онъ одинъ шелъ къ себѣ на квартиру. Онъ видѣлъ Анну въ числѣ зрителей, но никогда не прійдется ему видѣть ее гдѣ нибудь, какъ хорошую знакомую: да, житейская волна подняла ее вверхъ и унесла изъ прежняго уровня. Бѣдному артисту не подняться было съ тою-же волною.

На Яковлева нашла апатія, самое тяжелое душевное расположеніе для артиста: онъ охладѣвалъ къ своему занятію, чувствовалъ тяжелое одиночество, и незналъ куда дѣваться съ собою. Въ одинъ сумрачный Петербургскій вечеръ, когда зданія скрывались въ туманѣ, вѣтеръ дулъ съ моря, съ Невы летѣли мелкія брызги въ сыромъ воздухѣ съ порывами вѣтра, а въ улицахъ былъ мракъ, Яковлевъ безцѣльно и одинъ бродилъ по набережной Невы, съ чувствомъ одолѣвающей тоски. Куда-же дѣваться мнѣ? Спрашивалъ онъ, глядя вокругъ; ужъ не въ Неву-ли? Отвѣтилъ онъ самъ себѣ печально, поглядывая на ея темныя волны, и перебирая въ мысляхъ все представлявшееся ему впереди въ его существова-

ніи. Среди унылыхъ представленій, мелькнулъ какой-то просвѣтъ, пріятное воспоминаніе,—и онъ повернулъ къ этой свѣтлой точкѣ и пошелъ къ Васильевскому острову—къ квартирѣ Ломоносова! Легче и теплѣй становилось ему, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ знакомому домику; особенно хорошо стало ему, когда свѣтъ ночника, поставленнаго въ передней бросилъ передъ нимъ слабый свѣтъ свой, на темную улицу.

— Мнѣ не ходить къ Ломоносову! повторялъ онъ про себя слова Сумарокова, „Да тутъ для меня и свѣтъ и жизнь моя! Безъ того-же ужъ прямо въ Неву! Такъ жить нельзя, въ одиночку!“ И какъ утопавшій схватился бы за соломинку, Стефанъ Яковлевъ ухватился за мысль, что спасенье его въ этомъ домѣ, гдѣ радушный хозяинъ не затворялъ дверей русскому человѣку изъ нисшаго слоя. И съ какой-то набѣжавшей радостью Яковлевъ схватилъ руку скромной хозяйки, всегда радушно отворявшей ему дверь свою, и крѣпко сжалъ ее.

— Простите! сказалъ онъ, я такъ радъ что вижу васъ! Но простите, на этотъ разъ забылъ захватить „Кухенъ“ принесу скоро, завтра-же принесу непремѣнно!

— Ну хорошо. Ужъ вы добрый, васъ можно прощать,—ласково говорила хозяйка, ломая по своему русскій языкъ. Она не могла выучиться чисто говорить по русски, хотя давно жила въ

Россіи и раздѣляла скромную долю мужа, за которымъ послѣдовала на чужбину изъ Германіи.

Яковлевъ вошелъ въ небольшую пріемную, гдѣ скромно сидѣло нѣсколько человѣкъ, не блистательно одѣтыхъ и робко взглянувшихъ на вошедшаго. Это были ученики и почитатели Ломоносова, они упросили его прочесть имъ недавно написанное имъ *слово*: „*О рожденіи металловъ отъ потрясенія земли.*“ Слово это было читано публично, въ слѣдующемъ Сентябрѣ того года,—но въ этотъ вечеръ онъ читалъ его немногимъ, любимымъ своимъ ученикамъ, и нѣкоторымъ скромнымъ почитателямъ. Яковлевъ тихо вошелъ, съ отраднымъ чувствомъ взглянувъ на Ломоносова, сидѣвшаго подлѣ простаго, небольшаго стола, прикрытаго пестрой вязанной скатертью, работой жены его. Въ рукахъ онъ держалъ листы своей рукописи, прерывая на минуту, только что начавшееся чтеніе, чтобъ ласково кивнуть головою Яковлеву. Стефанъ Яковлевъ сѣлъ въ углу, разсматривая слушателей: это были ученики академіи, и одинъ знакомый ему ученикъ изъ Шляхетскаго корпуса. Въ этомъ „Словѣ“ серьезнаго научнаго содержанія, въ которомъ излагались объясненія естественной жизни природы и ея явленій, не все было понятно,—но все было интересно Яковлеву. Всѣ слушали со вниманіемъ; особенно бросился Яковлеву въ глаза одинъ ученикъ академіи, лицо котораго дышало одушевле-

ніемъ, и глаза блистали отъ удовольствія. Все было ново для нихъ, все одушевляло учениковъ академіи. Яковлевъ пожелалъ въ душѣ быть между ними, на ученической лавкѣ, чтобъ снова учиться и слушать такого профессора, и съ нимъ вмѣстѣ узнавать тайны жизни природы. Изложеніе мыслей профессора шло не такъ легко и свободно, какъ бываетъ въ наше время; русскій языкъ еще не развился и не образовался для болѣе связной передачи мыслей, особенно тяжела была конструкція рѣчи, перестановка словъ, мѣшавшая ясной передачи мыслей. Но мѣстами,—чтеніе шло простымъ разговорнымъ языкомъ. Въ „Словѣ" профессоръ описывалъ жизнь природы, передъ слушателемъ проносилась буря съ грозою и громомъ, земля потрясалась и извергала изъ нѣдръ своихъ много веществъ, необходимыхъ для жизни общаго. Въ чтеніи объяснялось, какъ все сгорающее на поверхности земли,—съ дождемъ посылало пепелъ свой снова въ низшіе слои земли,—и подземные токи воды уносили составныя части пепла въ море. Оно говорило о томъ, какъ электричество порождало бури, очищавшія воздухъ, и облегчавшія дыханіе всего живущаго. Всюду указывалось на новую жизнь, новыя силы; много прежде неизвѣстнаго или незамѣченнаго, являлось объясненнымъ, какъ новый источникъ для благосостоянія общества. Изъ грозныхъ явленій природы и землятресеній, слѣдовали не од-

ни только бѣдствія; въ послѣдствіяхъ ихъ профессоръ указывалъ источники, обагощающіе жизнь человѣка,—и уничтожалъ страхъ передъ этими грозными явленіями; онъ указывалъ какъ на послѣдствіе ихъ, на богатую растительность, на животворныя цѣлебныя источники, и на всюду употребляемые для удобствъ жизни металлы и минералы, создавшіеся въ нѣдрахъ земли при ея преобразованіяхъ и потрясеніяхъ. Таково было содержаніе Слова, имѣвшее пробуждающее вліяніе на мысли и чувства учениковъ.

Чтеніе кончилось, ученики подходятъ къ профессору, тѣснятся около него, горячо благодарятъ его за трудъ! Профессоръ усталъ, усталъ естественно, отъ труда и умственнаго возбужденія. Яковлевъ также подходитъ и обнимаетъ его, Михаилъ Васильевичъ улыбается ему, и говоритъ ему: до свиданья, до свиданья, приходите ко мнѣ почаще; спасибо и вамъ за вашу игру въ новой пьэсѣ!—Но Михаилъ Васильевичъ не приглашаетъ его остаться и пить. Ужъ поздно, всѣ расходятся, и Яковлевъ сходитъ съ лѣстницы вмѣстѣ съ учениками профессора. Они идутъ съ нимъ рядомъ, шумно разговариваютъ между собою.

— Вѣдь вы актеръ Яковлевъ? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, застѣнчиво заговаривая съ Яковлевымъ.

— Да; я актеръ Яковлевъ, — отвѣчаетъ онъ, — радъ познакомиться, къ вашимъ услугамъ!

— Я васъ видѣлъ на сценѣ въ Шляхетскомъ корпусѣ, говорилъ ему молодой человѣкъ, — у меня есть тамъ родственникъ, онъ провелъ, меня на представленіе. Играете вы на диво!

— Познакомь и меня! — И меня! шепотомъ просятъ еще два ученика шедшіе вмѣстѣ съ ними, — и всѣ подходятъ къ Яковлеву ближе: имѣемъ честь кланяться! говорятъ они участливо глядя на него.

— Еслибъ намъ послушать васъ гдѣ нибудь! говорятъ это двое неслышавшіе его.

— Приходите ко мнѣ на квартиру, я у себя дома прочту вамъ что-нибудь. Или, если хотите, я проведу васъ за кулисы, вы всѣхъ увидите и услышите.

— Вотъ спасибо! Вотъ отлично! раздаются восклицанія около него.

— Славный малый, вы Яковлевъ, говоритъ ему одинъ ученикъ, обнимая его одною рукою, на ходу! Другой дружески ударяетъ его по плечу.

— Вотъ профессоръ у васъ славный! говоритъ имъ Яковлевъ.

— Профессоръ нашъ рѣдкій человѣкъ, знаменитый ученый, говоритъ одинъ изъ учениковъ.

— Нѣтъ онъ у насъ просто диво какое то! восклицаетъ ученикъ, который глядѣлъ такъ одушевленно во время чтенія: — Онъ у насъ чудище

морское, о какихъ онъ самъ говоритъ иногда. Вѣдь подумать-только: откуда взялся такой ученый! Изъ Архангельской деревни, у мужичка въ избѣ родился. А заговоритъ,—такъ передъ вами горы двигаются, трава растетъ, громъ слышенъ изъ тучи!. Какъ наслушаешся его, такъ послѣ посмотришь вокругъ себя и понимаешь: что все живетъ вмѣстѣ съ тобою,—да и самъ-ты не могъ-бы жить безъ всего этого, что живетъ вокругъ тебя. Вотъ онъ у насъ какое чудо!

Такъ наивно, и странно высказалъ ученикъ свое глубокое удивленіе къ таланту профессора, и вызвалъ веселый смѣхъ двухъ остальныхъ товарищей.

— Весело какъ на душѣ, когда его послушаешь; я бы запѣлъ теперь что нибудь, по-громче! продолжалъ ученикъ восхвалявшій профессора.

— Что-жъ, запоемъ-те хоромъ! подхватили другіе.

— Пожалуй, пожалуй, говорилъ Яковлевъ, заражаясь ихъ весельемъ.—Вотъ я начну, а вы за мною...

И русская пѣсня громко раздалась въ темныхъ улицахъ города. Ученики взяли Яковлева подъ руки и шли вмѣстѣ, съ веселой пѣсней,—пока не выдвинулись на освѣщенную улицу хотя и мутнымъ фонарнымъ свѣтомъ, гдѣ ихъ окликнулъ сторожъ.

— Кто тутъ оретъ по ночамъ! Говори кто? Перепились, что-ли?

— Убѣжимъ; надо бѣжать, чтобъ еще не взяли! говорили притихшіе ученики академіи:—прощай Яковлевъ! и свернувъ въ сторону, они исчезли въ темнотѣ ближайшей улицы. Только третій изъ нихъ оставался и убѣждалъ Яковлева бѣжать съ нимъ. Яковлевъ не счелъ это нужнымъ.

— Бѣгите одни, сказалъ онъ: до свиданья, приходите-же къ Яковлеву!

Сторожа подходили ближе, все окликая шумѣвшихъ тутъ: кто-такой? спрашивалъ одинъ изъ нихъ Яковлева.

— Актеръ Яковлевъ, отвѣтилъ онъ: я завтра долженъ играть на придворномъ, ея Величества театрѣ.

— Комедіантъ значитъ, вдумчиво проговорилъ сторожъ:—такъ ты днемъ представляй, а по ночамъ не ори,—не мѣшай другимъ спать! прибавилъ онъ внушительно.

— И я пойду спать! объявилъ Яковлевъ,—и быстро двинулся впередъ, скрываясь въ темнотѣ, какъ скрылись его товарищи. Онъ дѣйствительно поспѣшилъ домой, спать. Послѣ напряженнаго вниманья при чтеніи, послѣ ходьбы и пѣнія, его одолѣвала естественная усталость и дремота. Въ сообществѣ молодыхъ учениковъ академіи, ему вспомнились нѣкоторые веселые

дни между товарищами бурсы. Новое знакомство оживило его, хандра исчезла и онъ заснулъ спокойнымъ здоровымъ сномъ молодости. На другой день его не оставляла бодрость; онъ всталъ освѣженнымъ отъ сна, и понялъ къ тому-же, что вчера онъ пробилъ себѣ окно, изъ котораго всегда будетъ вѣять на него свѣжій вѣтеръ и чистый воздухъ: онъ примкнулъ къ бѣдной, но учащейся съ интересомъ молодежи, и не останется болѣе одинокимъ въ жизни.

Скоро оказалось, что ему по многимъ причинамъ не суждено было оставаться одинокимъ, Нашлось еще существо, прибѣгавшее къ его помощи и поддержкѣ. Черезъ нѣсколько дней его вызвали въ канцелярію генералъ—полицмейстера. Онъ шелъ нѣсколько смущенный, не понимая, какая могла быть въ немъ надобность, и не послѣдуетъ-ли какого взысканія, или внушенія? Многое придумывалъ онъ, и одно только не могло прійти ему на мысль: что онъ получитъ извѣстіе о своемъ старинномъ другѣ, о давно исчезнувшей Малашѣ.

Въ канцеляріи генералъ-полицмейстера Яковлеву сдѣлали такой вопросъ: Онъ ли былъ Стефанъ Барановскій, поступившій на театръ актеромъ подъ прозваніемъ Яковлева?—На вопросъ этотъ Яковлевъ съ изумленіемъ, выслушавъ его, отвѣчалъ: что онъ дѣйствительно Стефанъ Барановскій. Затѣмъ его спросили: есть ли онъ

уроженецъ Нижегородской губерніи и владѣтель стольких-то душъ крестьянъ, приписанныхъ къ его фабричному производству желѣзныхъ издѣлій?—Когда Стефанъ и на это далъ отвѣтъ утвердительный, который сличенъ былъ съ показаніями крѣпостнаго его крестьянина, кузнеца Артема,—ему прочли заявленіе изъ Оренбурга,—что находившаяся въ бѣгахъ, крѣпостная изъ крестьянъ его, послѣдовавшая за бѣжавшимъ мужемъ своимъ Борисомъ и другими крестьянами, нынѣ въ той губерніи приписавшимися къ поселенцамъ,—овдовѣла и пожелала возвратиться къ прежнему своему владѣльцу: Степану Григорьевичу Барановскому, и водвориться на прежнемъ мѣстожительствѣ.

Вѣсть черезъ столько лѣтъ полученная о пропавшей Малашѣ, взволновала и растрогала Яковлева. Какъ принять ее къ себѣ,—и какъ доказать свое право? И въ правѣ-ли онъ былъ взять ее отъ другаго владѣльца, къ которому она перешла съ своимъ мужемъ? Но въ заявленіи упоминалась о томъ, что Малаша вольна была поселиться при отцѣ, такъ какъ помѣщику, владѣвшему ея мужемъ, были зачтены въ число рекрутъ въ будущіе наборы, бѣжавшіе отъ него крестьяне, и крестьянинъ его Борисъ Галкинъ, приписавшійся въ казаки при крѣпости на Оренбургской линіи. Такимъ образомъ, увѣрившись въ своемъ правѣ пріютить Малашу, Яковлеву

оставалось только изъявить на то свое согласіе, и дать письменное позволеніе Малашѣ оставаться при его фабричномъ производствѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Матери Стефана ужъ не было въ живыхъ, онъ наслѣдовалъ ея имущество вмѣстѣ съ двумя братьями, за воспитаніе которыхъ онъ платилъ.

Яковлевъ вернулся изъ канцеляріи оберъ-полицмейстера, столько-же обрадованный сколько озадаченный, не зная какъ быть,—и что дѣлать дальше! Ему предстояло взять отпускъ и ѣхать въ Нижній, чтобъ устроить тамъ Малашу. Отпуска ему не дали, потому что некѣмъ было замѣнить его въ новыхъ, только что поставленныхъ пьэсахъ. Такъ прошло нѣсколько времени, Яковлевъ писалъ къ старшему брату и получилъ отъ него отвѣтъ: онъ сообщалъ, что „овдовѣвшая Малаша вернулась къ отцу своему, а мужъ ея Борисъ былъ убитъ Башкирами въ одной изъ крѣпостей Исетской провинціи съ помѣщикомъ, владѣльцемъ Бориса, дѣло было улажено и онъ никакими требованіями Малашу не тревожилъ“.

Письмо брата было новой радостію Стефану. Но онъ считалъ, что безопаснѣе было-бы для Малаши удалитъ ее изъ прежняго мѣстожительства, и написалъ брату, чтобы онъ привезъ Малашу въ Петербургъ, если она будетъ согласна. Изъ отвѣта брата Стефанъ узналъ, что Малаша очень обрадовалась такому предложенію. Но

прошло около двухъ мѣсяцевъ прежде чѣмъ братъ Стефана могъ привезти Малашу въ Петербургъ,—а Стефанъ Яковлевъ не могъ оторваться отъ службы при театрѣ. Малаша такъ много странствовала, что это послѣднее путешествіе ужъ не затруднило-бы ея; но потрясенія пережитыя ею за всѣ годы, не прошли безслѣдно на ея организмѣ. На Малашу находилъ по временамъ страхъ безъ причины, и даже странное разстройство, похожее на помѣшательство. На пути въ Петербургъ, дорогою, она иногда не узнавала брата Стефана и называла его Башкиромъ, который насильно увозилъ ее въ степи. Скоро она снова приходила въ себя, но впадала въ сонъ и спала болѣе сутокъ, не просыпаясь. Стефанъ не узналъ въ ней прежней Малаши, хотя она обрадовалась ему по прежнему! Она долго и пристально смотрѣла на него, брала его за руки; по прежнему обнялъ онъ ее при свиданіи,—но въ ней не было прежней веселости. Она часто набожно крестилась, была тиха; на глазахъ ея навертывались слезы, все настроеніе было тревожно. Леченье, и внимательный уходъ Стефана взяли свое; болѣзнь Малаши исчезала видимо; она привыкала къ спокойной счастливой жизни, и припадки страха не появлялись. Какъ на вѣрный признакъ выздоровленія смотрѣлъ Стефанъ на проявившуюся въ ней снова дѣятельность. Она принялась за работу, вникала во

всѣ потребности Яковлева при городской жизни, и взяла на себя всѣ занятія домовитой хозяйки: она начала мыть и гладить по прежнему,—шить, мести, и чистить все въ его квартирѣ.—Яковлевъ едва могъ сдерживать ея усердіе, которое смущало его; онъ не желалъ пользоваться ея трудомъ, тѣмъ болѣе, что она не шла ни на какія условія и уклонялась отъ подарковъ Стефана, довольствуясь самымъ необходимымъ. Съ нею Стефанъ Яковлевъ чувствовалъ себя менѣе одинокимъ, они вспоминали старое житье и родной домъ, онъ веселѣе возвращался домой послѣ спектаклей и репетицій, зная что кто-то ждетъ его дома. Прошелъ годъ такой жизни, Малаша привыкла къ Петербургу, не дичилась знакомыхъ Стефана, актеровъ и учениковъ академіи. Но Стефана заботили слухи и толки, начавшіе ходить о ней между его знакомыми, слухи, которые были не безопасны, какъ казалось ему, по тому времени. Онъ совѣтовался съ друзьями и долго обдумывалъ, какъ ему поступить, въ такомъ случаѣ. Предупредить всякіе слухи женитьбой на Малашѣ, казалось ему самымъ лучшимъ рѣшеніемъ, и онъ положилъ сообщить ей этотъ планъ.

— Знаешь-ли какая у насъ новость Малаша? началъ онъ: вѣдь тебѣ нашелся женихъ! сказалъ онъ смѣясь.

Стефанъ не ожидалъ, чтобъ такое шуточное начало его предложенія уже такъ взволновало

Малашу. Она посмотрѣла на него съ испугомъ, лицо ея перемѣнилось: Нѣтъ нѣтъ! Сохрани Господи! залепетала она, и напугала самого Яковлева своимъ испугомъ.

— Я пошутилъ, пошутилъ, Малаша, успокоивалъ онъ ее: но чего же ты такъ испугалась?

— Какъ-же? Вѣдь я была замужемъ, я ужъ боюсь опять взять такого мужа! Да еще пожалуй и прежній-то живъ... Вѣдь только калмыки видѣли, что онъ убитъ, а кто знаетъ навѣрное...

— Нѣтъ успокойся, это вѣрно, мы справлялись о немъ. И тебѣ выдано свидѣтельство, что ты овдовѣла.

— Три года, какъ я получила свидѣтельство въ Оренбургѣ, отъ губернатора Неплюева, благослови его Господи! Онъ меня выслалъ на родину, такъ что могу служить старому хозяину и отца повидала! А мужа другого мнѣ не нужно, я сама лучше проживу, и при хозяинѣ останусь.

— А если я за тебя посватаюсь, Малаша?

— Ты баринъ, тебѣ нельзя на мнѣ жениться, отвѣтила Малаша, такъ-же какъ отвѣтила когда то, много лѣтъ тому назадъ, и поспѣшила уйти чтобы прекратить разговоръ.

Но Яковлевъ часто возобновлялъ этотъ разговоръ въ видѣ шутки, чтобъ пріучить Малашу къ этой мысли. Малаша слушала его спокойнѣе и довѣрчивѣе, она начала понимать, что у него

было сильное желаніе никогда неразставаться съ ней, чего она также желала, какъ одного возможнаго для нея счастья и покоя. Онъ втолковалъ ей наконецъ, что онъ не баринъ,—а сынъ фабриканта, почти такой же кузнецъ какъ отецъ ея, только выучившійся грамотѣ, да другимъ наукамъ.

— Такъ; это все такъ; и я съ тобой по вѣкъ бы сама не разсталась, высказалась она наконецъ:—ты для меня все равно, что родная моя семья! Да не грѣхъ-ли это будетъ намъ,—вотъ мой страхъ: мужъ-то неизвѣстно гдѣ умеръ. Только видѣла я крестъ его да одно ухо отрубленное!

— Полно, полно объ этомъ, спѣшилъ прервать Яковлевъ опасную нить воспоминаній: вотъ мы пойдемъ къ священнику, и съ нимъ потолкуемъ. Такъ и сдѣлала; и послѣ обстоятельнаго разговора съ священникомъ, Стефанъ принесъ Малашѣ его согласіе обвѣнчать ихъ, такъ какъ препятствій къ браку ихъ не находилось: хотя она сама при смерти мужа лично не присутствовала, но достаточно было выданнаго ей въ Оренбургѣ свидѣтельства и удостовѣренія о его смерти.

Яковлевъ тихо справилъ свою свадьбу, въ присутствіи немногихъ хорошихъ пріятелей,—въ глазахъ которыхъ женитьба его на бѣдной, пострадавшей Малашѣ, другѣ его дѣтства, вполнѣ

дорисовывала его чистую, добрую натуру. Замужество съ Яковлевымъ будто воскресило и оживило Малашу. Попрежнему считая его несравненно выше себя, она старалась во всемъ слѣдовать его совѣтамъ. Она приняла другую одежду и пріемы, съ степенною важностію выходила она на встрѣчу къ его пріятелямъ, между тѣмъ, какъ на ея наивно добродушнымъ лицѣ сіяла таже доброта въ улыбкѣ и глазахъ ея, по прежнему глядѣвшихъ нѣсколько изъ подлобья, сквозь свѣсившіеся на крутой лобъ ея темные, кудреватые волосы. Простота ея не отталкивала друзей Яковлева; сами они были почти всѣ изъ небогатыхъ семействъ, или вышли изъ простаго сословія, она скорѣй привлекала ихъ въ домъ Стефана Яковлева. Въ этой обстановкѣ, въ семейномъ кружкѣ нашелъ наконецъ Стефанъ миръ душевный. Заботы его была раздѣлены; онъ съ новымъ увлеченьемъ отдался театру, утѣшенный въ потерѣ прежнихъ знакомыхъ, отдѣлившихся отъ него. Спокойно встрѣчалъ онъ иногда пышную карету Анны, изрѣдка съ ней раскланиваясь. У него была своя отдѣльная жизнь, и свои интересы въ жизни, полной хорошихъ стремленій.

Глава X.

Изъ писемъ сестры Ольги, Анна должна была убѣдиться, какъ твердо и неизмѣнно было ея намѣреніе, которое на вѣки должно было отнять ее у семьи, и у всего живаго міра. На всѣ увѣщанія Анны, отвѣты ея были коротки и сухи. Единственно возможное для нихъ свиданье должно было произойти въ монастырѣ, по желанію Ольги. Ольга желала поступить въ Смольный монастырь въ Петербургѣ, подъ покровительство той самой настоятельницы монастыря, у которой Анна нашла пріютъ на нѣсколько недѣль до поступленіе своего ко дворцу. Ольга поступала въ Смольный послушницею, сожалѣя, что она не могла тотчасъ постричься, по давно изданному закону, запрещавшему постригаться ранѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Ольга пріѣхала наконецъ въ Петербургъ; послѣ долгой разлуки, сестры свидѣлись, но не при веселыхъ условіяхъ. Анна нашла такую перемѣну въ наружности, Ольги будто надъ ней пролетѣли десятки лѣтъ со времени ихъ разлуки. Она не только похудѣла, но преждевременныя морщины на лбу ея, и глаза потерявшіе всякую живость, казались чѣмъ-то неестественнымъ въ ея лѣта. Она крѣпко обняла сестру при первомъ свиданьѣ; но вслѣдъ за тѣмъ, за-

говорила съ нею равнодушно, слова ея звучали такъ ровно и размѣренно, и въ лицѣ ея не было того согрѣвающаго взгляда и участія, которыя Анна привыкла видѣть бывало.

— Боже-мой! здорова ли ты Ольга!—вырвалось у Анны.

— Здоровье тѣлесное водворяется вмѣстѣ съ нравственнымъ здоровьемъ,—я надѣюсь на благодать свыше. Скоро настанетъ время, когда ты увидишь меня исцѣленную отъ всѣхъ недуговъ.

— Какъ это прискорбно, Ольга! Послѣ такой долгой разлуки, такое свиданье! И мы не можемъ поговорить свободно безъ свидѣтелей.

— Намъ не о-чёмъ, говорить, сестра Анна. Въ разговорахъ съ тобою я нашла бы ту суэту мірскую, отъ которой я бѣгу. Такіе разговоры неумѣстны теперь.

— Но ты еще не отреклась отъ міра, покрайней—мѣрѣ не отреклась отъ семьи своей! Разскажи мнѣ объ отцѣ... А ты развѣ не желаешь знать, какъ мнѣ живется здѣсь?.. Вѣдь ты не перестала принимать во мнѣ участія?

— Я никогда не перестану желать вамъ земнаго счастія, и никогда не перестану молиться о вашемъ спасеніи. Мы можемъ сѣсть здѣсь, — сказала Ольга, опускаясь на деревянную скамью, поодаль отъ другихъ посѣтителей, въ пріемной комнатѣ игуменьи, и указывая Аннѣ мѣсто подлѣ себя.

— Отецъ посылаетъ тебѣ свое благословленіе, продолжала она; онъ желаетъ видѣть тебя. Теперь ты одно его утѣшеніе, и ты должна посѣтить его.

— Я ужъ давно посѣтила-бы васъ обоихъ, еслибы получила на это отпускъ и позволеніе, будучи еще фрейлиной!—говорила Анна со слезами. Она не могла равнодушно вынести видимую перемѣну во всемъ существѣ молодой и любимой сестры, превратившейся во что-то отжившее. Анна горевала и сердилась внутренно, и не смѣла проявить всего, что кипѣло въ ней. Она хотѣла-бы воскликнуть: Ольга! Это не ты! Эти рѣчи и голосъ, это все накинуто на себя, чтобъ оградить себя отъ любви и привязанности къ близкимъ и кровнымъ роднымъ лицамъ! Но она боялась оскорбить сестру и сразу испугать ее; боялась чтобы она совершенно не отдалилась отъ нея. Анна постаралась овладѣть собою, и спокойно слушать эту чужую рѣчь и незнакомые звуки голоса изъ устъ сестры Ольги.

— Отецъ найдетъ силу вынести испытанье, которое посылается ему,—онъ благословилъ меня на прощаньи. Голосъ Ольги смягчился и она отерла невольную слезу. Анна быстро прильнула головою къ плечу ея, но Ольга тихо отстранила ея голову.

— Разскажи мнѣ Анна, довольна-ли ты своею

судьбою,—или, о чемъ еще надо молить для тебя передъ Богомъ?

— Я молюсь за тебя Ольга, молюсь, — чтобы Господь возвратилъ намъ тебя такою, какою мы тебя знали и любили!

— Что миновало—то уже не возвращается. Все минуетъ по волѣ Божіей, и наступаетъ новое время, и самъ человѣкъ обновляется. Не смущайся-же перемѣной во мнѣ.

— Оставимъ такіе разговоры, Ольга. Скажи мнѣ: здоровы-ли всѣ дома? Здоровъ-ли былъ отецъ, когда ты оставила его, и какъ поживаетъ тетушка? Я такъ давно ихъ не видала, что мнѣ дорого всё, что ты можешь разсказать о ихъ жизни;— прервала Анна сестру, недовольная ея холодными размышленіями.

— Всѣ были здоровы, когда я ихъ оставила, вѣрно здоровы и теперь. Тетушка посылаетъ тебѣ поклонъ, и велѣла сказать, что очень желаетъ видѣть тебя. Все хорошо и мирно у нихъ. Благодарю тебя, сестра Анна, что ты написала мнѣ объ этомъ монастырѣ. Со вчерашняго дня, съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхала, сестры выказали мнѣ много вниманья. Сама Шумская приняла меня такъ привѣтливо, что мнѣ кажется, я нигдѣ не могла-бы найти лучшаго пристанища.

— Сожалѣю, что ты искала пристанища, отдѣльнаго отъ родной семьи!—съ упрекомъ проговорила Анна.

— Оставимъ это, Анна. Ты не можешь понять какое стремленье всесильно влечетъ меня къ этой новой жизни. Для меня нѣтъ другой жизни, не можетъ быть другой семьи. Не возражай мнѣ и не огорчай меня. Оставь мнѣ мою жизнь, какъ я оставляю тебѣ твою. Простимся пока. Посѣти меня когда я устроюсь, и буду жить въ своей кельѣ; тогда мы можемъ больше сообщить другъ другу, и ты разскажешь мнѣ о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Быть можетъ мнѣ нужна будетъ твоя помощь, чтобъ приготовить рясу и покрывала.

Анна не слушала Ольгу; еще при словѣ: келья, она закрыла лице платкомъ и плакала, тихо всхлипывая, удерживая рыданья, чтобъ не привлечь къ себѣ любопытство присутствовавшихъ здѣсь лицъ, кромѣ ея и Ольги. Эта небольшая пріемная, составляла родъ сѣней, при помѣщеніи игуменьи; на узкихъ, бѣлыхъ деревянныхъ скамьяхъ, тянувшихся вдоль стѣнъ, сидѣли монахини, и приходившіе навѣстить ихъ родственники или знакомые, нуждавшіеся въ ихъ помощи.

Всѣ смотрѣли теперь въ ихъ сторону; Ольга встала, недовольная волненьемъ сестры; она желала, чтобъ безмятежное спокойствіе было вокругъ нея.

— Простимся, сестра Анна, — сказала она, слегка приложивъ свои губы ко лбу сестры. Прошу тебя, не разговаривай ни съ кѣмъ обо

мнѣ; не упоминай нигдѣ моего имени, если ты желаешь мнѣ душевнаго покоя; пусть никто не знаетъ о моемъ существованіи. Мы увидимся послѣ.

Съ этими словами, Ольга обѣими руками придержала Анну, не давая ей встать со скамьи, встала сама, и быстро вошла въ ближайшую дверь, которая вела въ комнату игуменьи; Аннѣ нельзя было слѣдовать за нею, безъ особаго приглашенія. Она осталась на скамьѣ, все еще вытирая глаза, полные слезъ, и собираясь съ силами, чтобъ выйти изъ пріемной и спросить свой экипажъ.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, проводить васъ до вашего экипажа, — наша обязанность помогать страдающимъ... такъ говорила старая монахиня, съ желтоватымъ лицемъ съ длинными высохшими чертами. Анна пошла за нею, разстроенная, ни на кого не глядя, и не слушая утѣшенія старой монахини, похожей на восковую фигуру, своими неподвижными глазами, и желтыми худыми руками.

— Прійдетъ день для каждаго человѣка, когда наступитъ часъ страданія его... говорила монахиня, идя съ ней рядомъ; — и тогда надо покориться Господу!

Мрачно и тоскливо раздавались слова эти надъ ухомъ Анны. Вышедши изъ сѣней, украшенныхъ деревянной рѣзьбой и изображеніями святыхъ,

передъ которыми въ темныхъ уголкахъ вспыхивалъ синеватый огонекъ лампадки, Анна очутилась на крыльцѣ, освѣщенномъ яркимъ солнечнымъ блескомъ. Когда она возвращалась домой и карета ея, запряженная прекрасной парой сѣрыхъ сильныхъ лошадей, уносила ее отъ монастыря въ шумныя улицы города, ей казалось, что она уѣзжала съ похоронъ, гдѣ она оставила навсегда дорогое, близкое ей существо.

Добрѣйшій мужъ Анны, генералъ Глыбинъ, встревожился, когда она вернулась домой заплаканная.

— Гдѣ ты была такъ долго, Анна? спросилъ онъ съ испугомъ: не сообщилъ-ли кто нибудь тебѣ дурныхъ вѣстей?..

Вопросъ этотъ уже часто приходилось Аннѣ выслушивать отъ мужа, такъ что она начинала удивляться и сердиться этому вопросу.

— Ты, другъ мой, всегда спрашиваешь у меня одно и то-же! Какихъ-же вѣстей ты ожидаешь? И отъ кого еще? Не довольно-ли мнѣ уже одного горя, что я должна... разстаться съ сестрою! Я была у нея, въ Смольномъ монастырѣ.

— Ну успокойся, это горе уляжется мы привыкнемъ къ нему! Пойдемъ къ нашей маленькой дѣвочкѣ.—И добрѣйшій генералъ старался увести негодующую супругу свою къ дверямъ дѣтской, какъ онъ всегда дѣлалъ, чтобы развлечь ее.

Пока Анна дѣйствительно развлекалась и успокоивалась, глядя на маленькую дочь, въ дѣтской,—генералъ неспокойно расхаживалъ по большой залѣ своего дома, съ полами блестящаго паркета, украшеннаго мозаичными украшеніями изъ чернаго дуба и перламутра. Лобъ его былъ наморщенъ, губы крѣпко сжаты, и онъ видимо работалъ надъ какою-то мыслію.

— Надобно-же будетъ, наконецъ, сказать ей когда нибудь, говорилъ онъ тихо;—это необходимо, и чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше. Сегодня-же, кстати ужъ она плачетъ; или на дняхъ все скажу ей; хуже, если эти вѣсти дойдутъ къ ней отъ другихъ!—и генералъ терялъ свою храбрость, свойственную ему во всѣхъ другихъ случаяхъ, при мысли, что жена можетъ услышать отъ кого нибудь, тревожившія его вѣсти.

Но какого-же рода были вѣсти, которыя такъ тревожили храбраго генерала? Дѣло въ томъ, что не имѣя огромнаго богатства, генералъ нѣсколько лѣтъ увлекался общимъ обычаемъ и желаніемъ угодить молодой женѣ, и велъ домъ на роскошную ногу, гоняясь за другими. Состояніе его не выдержало, все покачнулось, онъ былъ въ долгахъ и тщательно скрывалъ все это отъ жены. Но скрывать дальше было уже невозможно. Поддерживать прежнія связи при дворѣ, разъѣзжать въ каретахъ четвернею цугомъ, давать балы, было уже невозможно. Доходовъ и имѣнья

недоставало, долги росли. Для поправленія дѣлъ, оставалось общее тогда всѣмъ средство: проситься въ отпускъ, для того, чтобы поселиться въ деревнѣ, бывшей у генерала въ Тульской губерніи, гдѣ до сей поры хозяйничала въ его отсутствіи его тетка. Но какъ было приступить къ женѣ съ такимъ предложеніемъ? Вѣдь ей и въ голову не приходило, чтобы у нихъ когда нибудь не достало денегъ на всѣ ихъ траты. Вотъ надъ чѣмъ задумывался генералъ, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Но онъ не терялъ надежды, что съ ея умомъ, Анна скоро пойметъ ихъ положеніе, и съумѣетъ принаровиться къ нему. Страшно было только первое объясненіе, и первое время перехода отъ ненужной роскоши, къ болѣе скромной семейной жизни, которою они могли довольствоваться. Каждый день почти, приготовлялся генералъ приступить къ этому объясненію съ женою, между тѣмъ проходили мѣсяцы и годы, и приближался уже роковой годъ для Россіи, годъ войны съ Пруссіею. Анна грустно проводила эту зиму; съ одной стороны ее томили свиданья съ сестрою, съ другой стороны ее удивляла задумчивость ея мужа, и загадочность его распоряженій. Онъ часто сердился на прислугу, и отпустилъ, разсчитавъ, большую часть ея подъ видомъ ихъ негодности. Онъ увѣрялъ Анну, что любимыя лошади ея испортились и получили привычку пугаться, при чемъ едва

уже не разбили карету, при его послѣднемъ выѣздѣ, безъ нея. Онъ заявилъ даже, что продастъ эту прекрасную четверку сѣрыхъ, и не заведетъ другихъ лошадей, а подождетъ пока ему не пришлютъ лошадей изъ деревни, отъ тетки. Въ мартѣ генералъ считалъ себя больнымъ, хотя никто не замѣчалъ особенныхъ признаковъ болѣзни, въ его внѣшнемъ видѣ. Однако онъ уже выхлопоталъ себѣ годовой отпускъ изъ военной службы, собираясь ѣхать на излеченіе въ деревню. Въ такомъ видѣ генералъ представилъ сначала женѣ своей, необходимость оставить Петербургъ и переселиться въ деревню, въ Тульской губерніи, принадлежавшую частію ему, а частію теткѣ его. Анна приняла эту вѣсть довольно благоразумно. Жизнь ея въ Петербургѣ мало приносила ей удовольствія за послѣднее время. Балы и танцы начинали наскучать ей. Свиданья съ сестрой были рѣдки, и то проходили въ томъ, что Ольга бесѣдовала о суэтѣ и грѣховности жизни мірской, и порицала все, что занимало Анну. Анна смотрѣла на Ольгу, какъ на больную, впавшую въ меланхолію, и боялась заразиться ея взглядами на жизнь; право она и на меня тоску нагоняетъ, и самой приходитъ мысль отъ всего отказаться, особенно теперь, когда при твоей болѣзни, дома у насъ не весело; — говорила Анна мужу. При такихъ обстоятельствахъ, она почти обрадовалась, когда генералъ предло-

жилъ ей провести лѣто въ деревнѣ у тётки. Она надѣялась, что это поможетъ здоровью мужа и здоровью ребенка; дѣвочка ея часто болѣла отъ сырой весны въ Петербургѣ. Она была искренно привязана къ ребенку и къ мужу, не смотря на то, что генералъ мужъ ея, былъ почти вдвое старше ея; въ семейныхъ привязанностяхъ обнаруживалась лучшая сторона Анны, легкомысленной, но сердечной и мягкой. Она цѣнила его добрыя качества и заботливость о ней.

— Когда-же мы ѣдемъ въ деревню? спросила она генерала, когда они сидѣли вдвоемъ, за утреннимъ чаемъ въ своей уютной столовой.

— Тётушка вышлетъ намъ лошадей въ концѣ Мая,—т. е. недѣли черезъ три; она-же вышлетъ и денегъ на это путешествіе; иначе... намъ трудно будетъ справиться.

— Такъ у тебя недостаетъ денегъ? спросила удивленная Анна.

— Надо сказать тебѣ всю правду, душа моя, что у насъ уже давно большой недостатокъ въ деньгахъ. Въ деревнѣ были неурожаи, подошли плохіе года, и другія были неудачи по хозяйству. Мы въ послѣдніе годы такъ мало получали денегъ изъ деревни отъ тетки, что должны были войти въ долги, чтобъ не измѣнять свой образъ жизни. Теперь я рѣшаюсь признаться тебѣ, потому что я часто боялся, чтобъ всѣ эти вѣсти не дошли до тебя стороною.

— Такъ вы лучше-бы сдѣлали, если-бы давно сказали мнѣ обо всёмъ!—проговорила Анна съ горячностію:—я бы не тратила денегъ по пусту, и давно мы могли уѣхать въ деревню. Удивляюсь, что вы все скрывали отъ меня! А я не могла придумать, что за причина тому, что вы давно ходите пасмурнымъ! Въ какое положеніе вы меня ставили! Вы позволяли мнѣ проматывать ваше состояніе, и не остановили меня, хоть бы однимъ словомъ! Какъ обидно, что вы поступали со мной такимъ манеромъ! Что-же вы думали обо мнѣ?..

— Тутъ нѣтъ ничего обиднаго,—ровно ничего! — уговаривалъ генералъ жену: — молодость всегда любитъ повеселиться,—неужели я долженъ былъ жалѣть денегъ! Да и дологъ-ли вѣкъ нашъ? Я человѣкъ военный, нынче живъ, завтра убьютъ меня въ арміи, — такъ стоило ли беречь деньги?..

— Нѣтъ уже это не молодость причиною, это была-бы глупость моя проматывать ваше! Да и не честно! горячилась Анна, принимаясь плакать:—Мои деньги у отца не тронуты,—возьмите мое приданное, заплатите долги...

— Съ какой стати, буду я тратить ваше добро? Вы еще такъ молоды, вамъ еще долго жить впереди;—съ чѣмъ-же вы тогда останетесь? я ваше берегу.

— А свое бросаете для меня! Что обо мнѣ другіе говорить будутъ! Что я безумная, что я

трачу ваше состояніе на свои прихоти!— Анна закончила свою горячую рѣчь слезами и всхлипываньемъ.

Генералъ зашагалъ по комнатѣ озадаченный не зная чѣмъ унять этотъ припадокъ женской слезливости. Не даромъ и боялся онъ этого объясненія, онъ и ожидалъ такого взрыва,—только правда онъ не ожидалъ что взрывъ этотъ будетъ выходить изъ другихъ соображеній и другого источника. Онъ вызванъ былъ деликатностію и честнымъ чувствомъ Анны, не желавшей пользоваться легкомысленно его имуществомъ; взрывъ этотъ обнаружилъ ея гордость и щекотливость въ этомъ отношеніи. Это нравилось генералу это была новая, хорошая сторона въ женѣ его; но все-же это кончилось слезами, которыхъ онъ не любилъ, и онъ тѣмъ болѣе жалѣлъ плачущую Анну, что уважалъ причину ея слезъ. Нѣсколько разъ прошедши по всему дому, измѣривъ залъ своими шагами,—генералъ направился обычнымъ путемъ въ дѣтскую и вернулся оттуда съ ребенкомъ на рукахъ. Онъ не придумалъ ничего новаго,—это было всегдашнее его оружіе: Анна? Возьми пожалуста дѣвочку; она потянулась ко мнѣ на руки, а держать ее я не умѣю! Кажется и она собирается плакать...

— Ты напрасно разбудилъ ее,—сказала Анна, пріостанавливая слезы.

Мужъ между тѣмъ смотрѣлъ на нее пытливымъ

взглядомъ своихъ мягкихъ сѣрыхъ глазъ, желая угадать: удастся ли на этотъ разъ маневръ его? Кажется онъ удается... Она уже начала говорить съ нимъ на *ты*, это былъ признакъ миновавшей тучи: вотъ жена отерла глаза своимъ щеголеватымъ платкомъ,—и протянула руки къ ребенку.

— Возьми, возьми ее! Славная дѣвчонка какая! говорилъ генералъ, передавая ребенка, краснощекую дѣвочку съ густыми бровями отца.

— Славная дѣвочка, согласилась Анна; а все же глупо было скрывать и болѣть! прибавила она уже примиренная.

— Такъ рѣшено все; ѣдемъ въ деревню, покончивъ тутъ всѣ дѣла! заговорилъ генералъ бодро:—Ну, прощай, пока, прибавилъ онъ цѣлуя Анну въ щеку. Иду за отпускомъ въ Канцелярію.

— Я сегодня-же буду укладывать вещи,—проговорила Анна вставая, и унося полусоннаго ребенка.

Супруги разошлись примиренные на этотъ разъ. Генералъ ушелъ съ облегченнымъ сердцемъ, послѣ исповѣди. Онъ отправился взять свои бумаги въ канцеляріи военной коллегіи. Дорогой онъ обдумывалъ и о путешествіи въ дальнюю деревню, и какъ примется онъ поправлять хозяйство. Онъ думалъ и о томъ, нельзя-ли будетъ послѣ продлить свой отпускъ еще на годъ, и болѣе?..

Нѣсколько недѣль прошло въ сборахъ въ да-

лекій путь, прощались съ знакомыми и родными. Путешествіе совершалось такъ трудно въ тѣ времена, и такъ медленно; они были такъ не безопасны, что разставаясь на полъ-года—люди прощались другъ съ другомъ со слезами, будто имъ не суждено уже было свидѣться. Даже Ольга прослезилась, прощаясь съ Анной, надѣвая ей на шею маленькій образъ, какъ напутственное благословеніе. Она сообщила Аннѣ, при разставаньи, что ей обѣщали выхлопотать позволеніе постричься, черезъ годъ или два, ради ея болѣзненнаго состоянія; „ты поймешь, какая это радость для меня не ждать этой церемоніи цѣлыхъ десять лѣтъ!“ сказала при этомъ Ольга.

Съ пожеланіемъ счастливаго пути отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, выѣхало семейство генерала Глыбина изъ Петербурга. Путешествіе шло скучно и медленно, на своихъ лошадяхъ, съ отдыхами и кормленіемъ. Единственнымъ развлеченіемъ въ дорогѣ, была для Анны ихъ маленькая дѣвочка; она начинала узнавать ихъ и улыбаться. Стараго генерала, привыкшаго къ долгимъ, скучнымъ походамъ, не такъ томило это путешествіе, и дорога по однообразной лѣсистой мѣстности, между Москвой и Петербургомъ. Въ Москвѣ они останавливались на одни сутки, они торопились въ деревню, на мѣсто, и избѣгали лишнихъ тратъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали они къ вотчинѣ стараго генерала, тѣмъ нетерпѣливѣе желалъ

онъ поскорѣй взглянуть на нее, на мѣсто гдѣ онъ родился и провелъ дѣтство. Уже болѣе 10-ти лѣтъ нога его не была въ этомъ имѣньѣ, которымъ тетка завѣдывала, какъ старшая въ родѣ, изъ немногихъ оставшихся у него родныхъ.

Всѣ имѣнья вокругъ, находились также въ управленіи женщинъ, или очень престарѣлыхъ отставныхъ военныхъ, не способныхъ продолжать службу. Еще находившійся въ силѣ законъ Петра I-го, требовалъ чтобы дворянинъ всю жизнь проводилъ на службѣ; дворяне поступали на службу въ полкъ съ самаго ранняго возраста, и оставались на службѣ до тѣхъ поръ, пока позволяли силы и здоровье. Иногда, въ шестнадцати лѣтнемъ возврастѣ, они получали отсрочку, для окончанія своего образованія; случалось что съ 10-ти лѣтъ мальчикъ записывался на службу, находился въ полку при отцѣ, и дѣлалъ съ нимъ всѣ походы, возвращаясь къ матери, если ему случалось потерять, отца и осиротѣть. Въ деревняхъ дѣти воспитывались у матерей очень не затѣйливо, да и трудно было пріискать возможность къ хорошему воспитанію и обученію по недостатку въ знающихъ учителяхъ. Грамотѣ училъ ихъ пономарь находившійся при деревенской церкви. Ученье шло трудно, не успѣшно; пономарь желая подвинуть дѣло, лучшимъ средствомъ считалъ не терять времени, и держалъ дѣтей за азбукою цѣлый день, прибѣгая къ розгамъ, если

они позволяли себѣ оставить книгу чтобы побѣгать немного около дома.

Иная семья отсылала сына своего къ роднымъ или сосѣдямъ, заслышавъ, что у нихъ въ домѣ былъ учитель, нѣмецъ или французъ. Ребенокъ оставался въ чужомъ домѣ безъ присмотра; иногда онъ даже ничему не учился, привыкалъ къ праздности, выростая шатался по околодку, и продѣлывалъ всякіе проказы, пока его похожденія не доходили до слуха родителей. Хорошо если родители находили случай пристроить избалованнаго сынка въ Шляхетскій Корпусъ въ Петербургѣ, или въ Школу Заиконо-Спасской Академіи въ Москвѣ. Въ провинціяхъ, ни школъ, ни гимназій не существовало, кой гдѣ учреждались духовныя Семинаріи, въ которыя охотно помѣщали дѣтей своихъ, жившіе по деревнямъ дворяне. Учителей было мало и въ столицахъ; и тамъ появлялись учителя съ старыми пріемами въ преподаваньѣ, каждый училъ по своему, не имѣя правильной системы. Такъ трудно было найти средство къ образованію, пользу котораго начинали понимать,—какъ пользу практическую, помогающую въ жизни; но не было, однако, заботы о духовномъ и нравственномъ развитіи личности. Въ деревняхъ было безлюдно, всюду бросалась въ глаза запустѣлость; въ домахъ дворянъ оставались жены съ малыми дѣтьми, или престарѣлые родственники, служившихъ на военной

службѣ. На старикахъ этихъ лежала обязанность заботиться объ имуществѣ, и доставлять служащимъ средства къ жизни въ полку, добывая ихъ трудами крестьянъ, и своими хлопотами. Такъ тетка генерала Глыбина, Г-жа Каверина, 10-ть лѣтъ силилась хозяйничать и извлекать какъ можно болѣе дохода изъ имѣнья своего племянника гвардейца, но въ послѣдніе годы не достигала желанной цѣли. Она терпѣла постоянныя неудачи: то неурожай, то кражи и поджоги, эпидемически распространившіеся по всему краю, такъ какъ вездѣ бродили толпы бѣглыхъ, проживавшихъ въ окрестности. Неудачи повліяли на характеръ г-жи Кавериной. Ея письма къ генералу были полны жалобъ, она порицала и новые порядки, и все на свѣтѣ. Она жаловалась на мотовство племянника, которое замѣчала со времени его женитьбы, и приписывала это вліянью жены его, которая, по ея мнѣнію,—по всей вѣроятности была: модница и вѣтренница. По этимъ письмамъ, генералъ нашъ предвидѣлъ, какія столкновенія могли произойти въ тихой деревенской жизни, между его теткой и женою; онъ уже дорогой приготовлялъ Анну къ тому, какого рода взгляды и привычки она найдетъ у его тетки, и старался внушить ей снисходительность къ ея выходкамъ, убѣждая, что при всей грубости ихъ, онѣ клонятся къ тому, чтобы улучшить ихъ состояніе и вытекаютъ изъ желанія имъ добра. Аннѣ наску-

чила дорога, она рада была поскорѣй поселиться въ деревнѣ, и готова была примириться со всѣми слабостями тетки генерала; вѣдь уживалась-же она съ Афимьей Тимофеевной. Хотя это могло быть скучно, но за то всѣ хозяйственныя хлопоты не падали на Анну. Такъ раздумывала Анна все ближе подъѣзжая къ деревнѣ, виднѣвшейся въ поляхъ, въ сторонѣ отъ дороги. Деревня разбросилась не вдалекѣ отъ пруда, обсаженнаго ивами; позади усадьбы помѣщика виднѣлась густая зелень сада.

Вотъ и поворотъ,—сказалъ генералъ; эти старыя ивы, нарочно насажены на поворотѣ, чтобы легче было отыскать дорогу въ мятели. Помню, какъ въ дѣтствѣ я бывало взбирался на эти ивы, на самую верхушку, и сиживалъ тамъ, поджидая отца или матушку, уѣхавшихъ въ гости къ сосѣдямъ!—Вспомнивъ родителей, генералъ прослезился. Экипажъ ихъ подвигался между-тѣмъ къ дому.

Анна была пріятно удивлена, когда на крыльцѣ дома появилась порядочно одѣтая, пожилая дама съ образомъ въ рукахъ: на головѣ ея надѣтъ былъ чепецъ съ высокими украшеніями, волосы приподняты на лбу, зачесаны на задъ и напудрены, изъ подъ пудры виднѣлась натуральная бѣлизна сѣдины. Темное шелковое платье и большой платокъ составляли остальной нарядъ, вмѣсто измятаго ситцеваго капота, который Анна думала

увидѣть на экономной деревенской хозяйкѣ. Лице красное, съ загрубѣлою кожей, было серьезно, но не сердито; губы г-жи Кавериной готовы были даже, подернуться улыбкою, когда генералъ поднесъ къ ней ребенка, но она сдержала улыбку, и чинно поднесла къ нему образъ; когда генералъ приложился къ образу, она обратилась съ образомъ къ Аннѣ. Приложившись, и принявши отъ тетки образъ, Анна послѣдовала за нею въ домъ. Онъ дѣлился на двѣ половины большими сѣнями, въ которыя они вошли прямо съ крыльца. По одну сторону сѣней вела дверь въ гостинную и столовую, по другую сторону была дверь въ комнаты тетки, и рядомъ съ этою дверью была другая, не много отворенная, и сквозь нее виднѣлись двѣ комнаты съ окнами въ садъ. Въ концѣ сѣней помѣщались кладовыя, съ тяжелыми, висячими замками на засовахъ, которыми крѣпко припирались эти двери. Вотъ все, что составляло домъ зажиточнаго генерала и тетки его, помѣщицы того времени. Комнаты были оклѣены бумажными обоями, очень пестрыми, а иныя были просто выбѣлены.

Вотъ ваши комнаты,—указала тетка Аннѣ, на комнаты виднѣвшіеся изъ дверей; онѣ были пусты, безъ всякой мебели, и безъ занавѣсокъ на окнахъ; нѣсколько простыхъ стульевъ, стояло около стѣнъ. Анна подумала тутъ-же, что не трудно будетъ убрать эти маленькія комнаты,

всѣмъ запасомъ ковровъ, занавѣсокъ и мебели, ѣхавшимъ при нихъ въ обозѣ, изъ Петербурга.

Въ полдень прибывшимъ родственникамъ подали обѣдъ изъ трехъ блюдъ: щей съ бараниной, куриныхъ котлетъ, и сладкаго слоенаго пирога.

— Не погнѣвайтесь,—у насъ не Петербургскіе повара,—замѣтила г-жа Каверина.

Анна поспѣшила сказать, что находитъ все очень вкуснымъ. „Только и желаю, чтобъ вамъ нравилось, а племянникъ военный человѣкъ; имъ въ походахъ и такъ не пріидется кушать.“ Весь день прошелъ въ томъ, что Каверина показывала генералу и женѣ его садъ, всю усадьбу съ избами дворовыхъ людей, скотный дворъ, и ближайшія поля. Анна осматривала все не скучая, вспоминая давно оставленный ею хуторъ отца. Генералъ выслушивалъ тетку, соображалъ, высчитывалъ, и надѣялся, что, измѣнивъ многое и улучшивъ,—можно было удвоить доходъ. Онъ уговаривалъ Каверину быть терпѣливѣе съ рабочими людьми, которые за строгость ея, не разъ поджигали ей сараи и скирды хлѣба, и уничтожали доходы многихъ лѣтъ; а пока онъ намѣревался учредить вездѣ ночные караулы, назначивъ хорошую плату сторожамъ. „Ты у меня всѣхъ перебалуешь! — говорила Каверина, — у меня и прежде большихъ взысканій не было, я не такова, какъ нашъ ближайшій сосѣдъ: у него семнадцати—лѣтняя дѣвушка, за побѣги,—кру-

жева въ кандалахъ работала, сама на себя руки наложила, — и въ кандалахъ скончалася. Я съ такимъ сосѣдомъ и не знакомлюсь! Мы не звѣри, по людски живемъ съ рабочими.“

— Какъ же это допускаютъ другіе!.. содрагаясь спросила Анна.

— Кому-же жаловаться? Далеко надо просьбы подавать. У насъ еще мало такихъ людей, а въ степныхъ губерніяхъ, подальше отъ столицъ,— такъ воеводы не лучше поступаютъ: только имъ заплати и будешь правъ! Тамъ архиреи попа не поставятъ, безъ того, чтобы онъ не принесъ сотню, другую рублей; да и съ попами тирански поступаютъ.

— Такъ вотъ среди какихъ людей приходится жить въ деревняхъ, подумала Анна... Генералу это было не ново, онъ уже много слышалъ и видѣлъ на своемъ вѣку. „Есть у насъ и хорошіе сосѣди. Какъ отдохнете съ дороги, то надо будетъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ объѣздить; для этого попросимъ и парадную карету у кумы моей, помѣщицы Арцебашевой. Она недавно купила къ свадьбѣ своего сына, и пятьдесятъ рублей заплатила; ну и карета-же: вся снаружи позолоченая, а внутри обита трипомъ алымъ. Вотъ надо побывать у всѣхъ, по обычаю все сдѣлать.

Такъ нѣсколько времени Каверина, какъ за гостями, ухаживала за генераломъ, женой его,

и Лизочкой, и почти не заводила разговора о расходахъ и денежныхъ дѣлахъ. Генералъ вступилъ въ распоряженіе хозяйствомъ; Анна убирала свои комнаты съ помощію привезенной съ собою прислуги. Когда комнаты были готовы и убраны всѣми коврами, занавѣсами, мебелью и портьерами, а на столикахъ разложены были дорогія бездѣлушки,—Каверина долго разглядывала все молча, потомъ вздохнула и проговорила: ужъ какъ все это должно быть дорого стоило! Генералъ не отрицалъ этого, но замѣтилъ, что все это было приданое Анны.

— И приданое надо беречь, чтобы на весь вѣкъ стало,— замѣтила тетушка.

Анна улыбнулась, но мужъ дѣлалъ ей знаки, прося не возражать.

Чтобъ съ точностію выполнить обычаи, Каверина въ концѣ этой-же недѣли достала генералу карету, о которой она упоминала, и Анна должна была ѣздить знакомиться съ сосѣдями и родными. Ихъ вездѣ принимали радушно, оставляли непремѣнно обѣдать, иногда неотпускали отъ себя до вечера, и на обратномъ пути Анна всегда была въ страхѣ за дочку, оставленную дома. Недѣли въ двѣ Анна осмотрѣла всѣхъ сосѣдей, видѣла разнообразныя усадьбы, и разныя характерныя лица: она нашла много простыхъ, радушныхъ людей, и много: „московскихъ щеголихъ и пересудчицъ,“ какъ называла ихъ Каверина.

Всѣ сосѣди въ свою очередь собрались у Кавериной и Анны, поздравить съ пріѣздомъ и заявляли желаніе видѣться какъ можно чаще. Толпа гостей едва помѣщалась въ маленькомъ домѣ, и пользуясь хорошей погодой устраивала обѣдъ и чай въ саду. Всѣ любовались нарядами Анны, ея столовымъ и чайнымъ сервизами и восхваляли „ея отмѣнный вкусъ". По отъѣздѣ гостей Каверина благодарила Анну, что она умѣла такъ устроить „къ удовольствію гостей". Ей пріятно было торжество доставленное ей вкусомъ и щеголеватостію ея племянницы,—но на другой день она была не въ духѣ;—генералъ долго не догадывался: почему? Вечеромъ, за чаемъ, это обнаружилось очень просто. Тетушка вспомнила вчерашнюю сервировку стола обѣденнаго и чая, и рѣшилась спросить, сначала глубоко вздохнувъ: дорого-ли все это стоило? И неужели они могли жить такъ роскошно, не дѣлая долговъ, на тѣ деньги, которыя она имъ высылала въ послѣдніе годы неурожаевъ?

Генералъ оробѣлъ, видя что разговоръ коснется долговъ и кашлялъ медля отвѣтомъ, выигрывая время, чтобы обдумать планъ сраженья передъ битвой, какъ ловкій предводитель войска; но Анна подоспѣла ему на помощь такъ быстро, какъ налѣтаетъ со стороны летучій отрядъ на помощь полкамъ, окруженнымъ непріятелемъ.

— Давно слѣдовало-бы намъ признаться, до-

рогая тетушка, что у насъ есть долги;—но вы о долгахъ не думайте, и не тревожьте себя, отецъ мой заплатитъ ихъ изъ имѣнья покойной моей матушки, котораго онъ еще не передавалъ моему мужу.

Г-жа Каверина, какъ кипяткомъ обваренная началомъ словъ Анны, ободрилась и выпрямилась, выслушавъ ихъ конецъ. Помолчавъ немного, она откинулась на спинку стула, и сказала съ достоинствомъ.

— Мнѣ нечего было тревожиться за себя, потому что я тружусь и забочусь для васъ-же! Вы оба, какъ я вижу,—хорошіе люди, только легко смотрите на трату денегъ, и можете себя запутать въ долгахъ. Къ счастью вы переѣхали въ деревню во время, и все можно поправить!

Никто не возражалъ заботливой тетушкѣ; она пришла въ лучшее расположеніе духа послѣ своего монолога, высказавъ все, что накипѣло у ней на сердцѣ, всѣ чувства страха и сомнѣнья. Генералъ зашагалъ весело разглаживая усы и и бакенбарды съ самодовольной улыбкой. Онъ прошелся по комнатамъ, выглянулъ въ сѣни, вернулся и затворилъ окна, жалуясь па сырой вечеръ, — а вслѣдъ за тѣмъ въ комнатѣ появилась кормилица съ маленькой Лизой на рукахъ,—съ примирительницей всѣхъ семейныхъ сценъ.

— А вотъ и наслѣдница! сказала тетушка;—

наслѣдница вашего имущества, ха-ха! весело закончила Каверина. Разговоръ перешелъ на Лизу, она переходила съ рукъ на руки, говорили о ея особенныхъ свойствахъ, о сходствѣ съ родителями; ей предлагали взять въ руки то ложечку то блестящіе щипчики,—общая веселость возобновилась подъ вліяніемъ ея улыбокъ. Генералъ опять заходилъ по комнатѣ, напѣвая военные сигналы, что всегда показывало у него самое пріятное настроеніе духа. Гроза миновалась и семейная жизнь пошла мирно въ слѣдующіе дни,—хотя Каверина видимо наблюдала за всѣмъ и провѣряла расходы генерала. Онъ выносилъ это терпѣливо, утѣшая Анну, что все пройдетъ, когда онъ увеличитъ доходы имѣнья.

Анна также терпѣливо выносила эту жизнь, не смотря на свою старую привычку блистать и веселиться, въ первые годы замужества, когда она не знала никакихъ стѣсненій. Все измѣняется въ человѣкѣ незамѣтно. Пролетѣвшее время, разочарованія, усталость,—незамѣтно измѣнили вкусы Анны; она довольствовалась лѣтнею жизнію въ деревнѣ, гдѣ не могло быть у ней потребностей, стоящихъ дорогихъ денегъ. Въ домѣ г-жи Кавериной, обшаривъ всѣ углы, нельзя было найти ни одной книги кромѣ ея большой книги: Приходо-расходной. Но по сосѣдству былъ домъ, у страннаго, хотя неглупаго хозяина котораго,—была цѣлая библіотека собранная во

время его службы въ Петербургѣ и походовъ за границу; въ настоящее время онъ былъ въ отпуску; книги были большею частію на иностранныхъ языкахъ, романы и философскіе трактаты, отъ которыхъ былъ не прочь хозяинъ. Онъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ и любознателенъ и этимъ свойствомъ обязанъ былъ своимъ развитіемъ; но онъ былъ болѣзненъ, мнителенъ и некрасивой наружности. Молодая жена его была просватана за него съ тринадцати лѣтъ и нѣсколько лѣтъ онъ ждалъ свадьбы. И послѣ свадьбы она оставалась ребенкомъ, не раздѣляла страсти мужа къ книгамъ и скучала его серіозными разговорами. Анна часто приглашала ее къ себѣ, чтобы развлечь ее, и брала книги у ея мужа. Всѣ помѣщики часто посѣщали другъ друга, вели вмѣстѣ карточную игру, или танцовали подъ звуки домашнихъ оркестровъ, часто встрѣчавшихся у зажиточныхъ помѣщиковъ. Они подражали столичной жизни, желали не отставать въ весельѣ и тратахъ денегъ. Каверина поощряла Анну посѣщать сосѣдей; только-бы дома соблюдалась должная экономія, и она не жаловалась на отсутствіе племянницы. Анна охотно выѣзжала, если можно было брать съ собой и дочь. Со всѣхъ сторонъ получала она приглашенія. Она сдѣлалась необходима на каждой свадьбѣ. Свадьбы совершались тогда съ точностію въ исполненіи всѣхъ обрядовъ старины: жениха и невѣсту

провожала въ церковь, потомъ всѣ знакомые проводили весь день въ ихъ домѣ; давался длинный обѣдъ за которымъ молодые сами почти ничего не кушали; ихъ переводили послѣ обѣда за другой столъ, уставленный сластями, *сахарами*, какъ это называлось. Вечеромъ начинались танцы, которые продолжались до полуночи. Если въ окрестности не было свадебъ, то навѣрно были имянины, или крестины, отъ которыхъ не было возможности отказаться. Все это было хорошо лѣтомъ, но осенью, и наконецъ зимою въ мятели, тяготило Анну. Но эти частыя поѣздки и посѣщенія сосѣдей имѣли свою хорошую сторону, время летѣло незамѣтно и скоро; не успѣла оглянуться, какъ прошло уже полъзимы и подходилъ новый, 1756 годъ, который принесъ съ собою много тяжелыхъ событій для Россіи и готовилъ нежданное горе для Анны.

Среди деревенской тиши и однообразія, не обѣщающихъ перемѣнъ, среди общаго довольства въ помѣщичьихъ домахъ, принеслась вдругъ вѣсть, грозившая многое отнять и измѣнить. Первый блескъ молніи, съ которой можно было сравнить эту грозную вѣсть, блеснулъ въ домѣ генерала: генералъ получилъ приказаніе явиться въ полкъ по случаю предстоявшей войны противъ Прусскаго Короля, занявшаго своими войсками Саксонію. Императрица Елисавета рѣшилась пос-

лать свои войска въ помощь курфисту Саксонскому.

Вѣсть эта скоро повторилась со всѣхъ сторонъ, всѣхъ дворянъ находившихся въ отпуску требовали обратно въ армію. Сосѣдъ генерала, доставлявшій книги Аннѣ, получилъ изъ Петербурга частныя письма, въ которыхъ передавали ему интересныя подробности объ открывавшейся войнѣ. Всѣ толковали о томъ, что король Прусскій дѣлалъ несправедливые захваты сосѣднихъ владѣній. Россія заключила Конвенцію съ Австріей. Въ предисловій къ этой Конвенціи было упомянуто, что „Императрица Всероссійская подаетъ немедленно Ея Величеству Императрицѣ-Королевѣ Венгеро-Богемской всѣ, счастливо пребывающими между ихъ имперіями трактатами, постановленныя помощи“. Далѣе было сказано, что „Королева Венгеро-Богемская вознамѣрилась употребить знатнѣйшія силы противъ сего общаго непріятеля, возмутителя всенародной тишины,—(т. е. противъ Короля Прусскаго) и не полагать оружія пока Божіимъ вспоможеніемъ, защищающимъ справедливость, ихъ дѣло достигнуто не будетъ, возвратить всю Силезію и Графство Глазъ подъ державу Ея Величества Императрицы Королевы Венгеро-Богемской, и положить достаточные предѣлы силѣ такого Государя, котораго неправедныеза мыслы никакихъ предѣловъ незнаютъ“. Не смотря на всѣ закон-

ныя причины войны, она пугала общество, какъ и всякая война, и объявленіе о ней вызвало повсемѣстный плачъ и общее огорченіе, по описаніямъ современниковъ. Не было дома, изъ котораго не шелъ бы на войну мужъ или братъ, отецъ или сынъ,—и семейства оставались въ разлукѣ, осиротѣлыми, и безъ надежды свидѣться вновь съ отъѣзжающими. Вездѣ прекратились празднества и смѣнились заботами и слезами.

Анна желала сопровождать мужа въ армію и въ походъ его за границу, и упрямо настаивала на этомъ желаніи, сколько не убѣждалъ ее генералъ, что женщинамъ недозволено будетъ слѣдовать за войсками. Послѣ долгихъ увѣщаній, Анна согласилась уѣхать на время войны къ отцу своему сержанту Харитонову, въ его Кіевскій хуторъ, и ожидать тамъ возвращенія мужа; «если ему суждено, что Богъ его помилуетъ!» Настали проводы и прощанье съ сосѣдями и много было пролито слезъ; много женъ и матерей провожали мужей или сыновъ своихъ до ближайшаго города. По дорогамъ повсемѣстно тянулись обозы экипажей, колясокъ, бричекъ, и телѣгъ, съ имуществомъ и провизіей для отъѣзжающихъ. Анна чувствовала страшную скуку и одиночество въ домѣ г-жи Кавериной, когда проводила въ походъ своего мужа. Оправившись отъ тоски и слезъ, она начала укладывать вещи свои, собираясь въ путь къ отцу,—оставивъ большую

часть вещей на сохраненіе г-жи Кавериной,— которая приняла на себя эту заботу съ большимъ удовольствіемъ, обѣщая сберечь все въ цѣлости.

Оставалась одна недѣля до выѣзда Анны къ отцу; но въ эту недѣлю на долю ея пришлось вынести еще новое испытаніе, и сдѣлаться свидѣтельницею нападенія и грабежа, перѣдко повторявшагося въ то время. Въ окрестности бродили толпы бѣглыхъ крестьянъ, и когда разнеслась вѣсть, что большая часть помѣщиковъ уѣхала въ армію, оставивъ дома дѣтей и стариковъ,— толпы бродягъ начали свои нападенія на деревни и усадьбы помѣщиковъ. Одно изъ первыхъ ночныхъ нападеній пришлось на долю г-жи Кавериной. Въ глухую ночь, когда всѣ уже спали въ домѣ, послышался легкій стукъ у оконной рамы въ ея домѣ; г-жа Каверина вскочила съ постели, вышла изъ своей комнаты, и несмотря на темноту ночи, замѣтила двѣ темныя тѣни; по стуку она поняла что они выламывали оконную раму въ столовой. Сообразивъ, что это было нападеніе бѣглыхъ, Каверина тихо прокралась на половину Анны черезъ сѣни, и въ то-же время разбудила прислугу. Часть прислуги вышла въ окно изъ комнаты Анны, въ садъ, и послала въ деревню къ священнику, съ просьбой собрать народъ и скорѣе прислать на помощь! Анну-же, Каверина уговорила спрятаться съ ребенкомъ и кормилицею его въ подвалѣ, подъемная дверь

котораго находилась въ полу, въ одной изъ кладовыхъ; и сама Каверина спряталась въ той-же кладовой, заперлись изнутри. Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ нападавшихъ грабителей успѣли выпуть раму, они обошли домъ, и, ненаходя никого, вышли въ сѣни, гдѣ находились кладовыя. Замѣтивъ, что одна изъ кладовыхъ не заперта наружнымъ замкомъ. но заперта изнутри, они угадали, что всѣ домашніе скрылись въ этой кладовой. Остальная шайка грабителей обошла весь домъ, и никого не находя, также собралась въ сѣняхъ.

— Во всемъ домѣ нѣтъ ни души!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, такъ они всѣ здѣсь!—сказали другіе, указывая на кладовую.

— Выходите охоткою,—кто здѣсь? говорилъ одинъ изъ нихъ, повидимому распоряжавшійся другими;—выходите! Мы васъ помилуемъ!—Только свяжемъ, чтобъ намъ не мѣшали свое дѣло обдѣлать.—На вызовъ его никто не отвѣтилъ, конечно.

— Выходите,—повторилъ онъ,—или сейчасъ выломаемъ дверь, и тогда всѣмъ вамъ конецъ!—И онъ потрясъ дверь сильной рукою. Отвѣта все не было; Каверина ждала, что помощь подоспѣетъ прежде, чѣмъ они успѣютъ сломать дверь. Но она слышала, что они уже принялись выламывать дверь, окруживъ ее со свѣчами и зажже-

ными лучинками, свѣтъ и дымъ отъ которыхъ проникалъ въ щели двери. Дверь была очень прочна, изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, и нападающіе принялись рубить ее топоромъ по срединѣ. Они пробили небольшое отверстіе и щепы летѣли сквозь него въ кладовую; Каверина отошла въ глубину комнаты и старалась спрятаться за мѣшками и сундуками. Потребовалось довольно времени и работы, чтобъ выломать тяжелую дверь, на крѣпкихъ желѣзныхъ петляхъ; и когда она подалась и повалилась на полъ, въ сѣняхъ уже появилось много крестьянъ, пришедшихъ на помощь съ дубинами, и сторожа прибѣжали съ ружьями по зову прислуги. Крестьяне бросились на разбойниковъ, а послышавшійся выстрѣлъ тотчасъ обратилъ ихъ въ бѣгство, черезъ то самое окно, въ которое они входили въ домъ. Не многіе изъ нихъ были пойманы и перевязаны. Но г-жу Каверину вытащили безъ чувствъ и съ ушибленой головою, отъ нанесеннаго ей удара. Вся эта шумная сцена происходила надъ головой Анны, сидѣвшей въ подвалѣ, и пугала ее за нее и за ребенка, который проснулся отъ шума и криковъ, и громко плакалъ; кормилица не унимала его, она только читала громко молитвы. Наконецъ все стихло надъ ними, разбойники были переловлены и уведены. Но никто не подымалъ тяжелой двери подвала, и Анна не знала чѣмъ объяснить эту тишину. Не убита ли тет-

ка?—И не останутся ли они въ подвалѣ, куда никто не догадается прійти искать ихъ, если даже разбойники ушли? Въ испугѣ Анна вскочила съ пола подвала, стараясь приподнять подъемную дверь,—дѣвочка ея заплакала еще сильнѣе отъ стука и прислуга услышала крикъ ребенка въ подвалѣ. До сихъ поръ никто незналъ гдѣ спряталась Анна, а тетка не могла ничего сказать; она едва начинала приходить въ себя. Наконецъ Анну освободили изъ ея заключенія, она истерически плакала и умоляла людей бѣжать за докторомъ для тетки. Но доктора искать было негдѣ,—и прислуга примачивала г-жѣ Кавериной голову водою и уксусомъ, какъ дѣлывала она сама съ ними, въ случаяхъ ушиба. На дворѣ уже разсвѣтало, и всѣ приободрились съ разсвѣтомъ.

Происшествіе это на долго задержало отъѣздъ Анны изъ дому тетки; она ухаживала за Кавериной до ея полнаго выздоровленія. Прибывшая военная команда переловила шайки, бродившихъ въ окружности разбойниковъ, а часть этой команды составила конвой, чтобы проводить Анну до границъ Тульской губерніи, когда она выѣхала къ отцу съ дочкой и кормилицею. Дальше на югъ, дорога считалась безопаснѣе и Анну провожали два сторожа изъ стражи, устроенной въ деревнѣ ея мужемъ. Такъ кончилось пребываніе Глыбиныхъ въ деревнѣ, и рушились ихъ планы на поправленіе ихъ состоянія. Невесело и оди-

ноко приближалась Анна къ родному хутору, думая что никого нѣтъ тамъ изъ молодыхъ друзей; къ счастью ея былъ живъ еще отецъ, хотя сильно постарѣвшій... Родина встрѣчала ее болѣе мягкимъ воздухомъ, небо было ярче и солнце свѣтило теплѣе, несмотря на зимнее время; Анна радовалась подвигаясь на югъ,—и везла радость отцу, его единственную внучку.

— Анна! Сокровище мое! Вотъ кого нечаялъ дождаться! И ты вспомнила старика! Пріѣхала къ намъ въ глушь...—восклицалъ старый сержантъ, обнимая, цѣлуя Анну, и принимая, отъ нея на руки внучку.

— Съ какою радостію я ѣхала къ тебѣ! Какъ рада пожить при тебѣ, отецъ!—отвѣтила Анна плача, и обвивая шею отца своими руками, цѣлуя его сѣдую голову.

Съ визгомъ и съ криками радости встрѣтила племянницу Афимья Тимофеевна.

— Разскажи, разскажи намъ все, что ты тамъ видѣла въ Петербургѣ! —вскрикивала Афимья Тимофеевна, обнимая и цѣлуя Анну, нагнувшуюся къ маленькой теткѣ.

Послѣ этой встрѣчи, жизнь на хуторѣ разцвѣла. Нельзя сказать, что для сержанта воскресло все прежнее, —нѣтъ; скорѣе можно сказать, что жизнь его разцвѣла въ новой формѣ. Онъ видѣлъ дочь, не такую молодую какъ прежде, но цвѣтущую; а на рукахъ ея маленькое, незнако-

мое существо, которое какъ оказалось скоро, было ему также очень дорого. Онъ разглядывая маленькую Лизу съ любопытствомъ и нѣжностію, находилъ въ ней сходство то съ Ольгой то съ Анной, и проживъ съ нею далѣе болѣе полугода, не переставалъ находить въ ней каждый день что нибудь новое.

— Знаешь-ли Анна?.. говаривалъ онъ дочери: мнѣ въ первый разъ случается видѣть такого ребенка: вѣдь въ ней все хорошо.

— Вѣдь она у васъ первая внучка!—смѣясь замѣчала Анна, видя какъ развивалось въ сержантѣ чувство дѣда. Все это было ей отрадно; ей жилось здѣсь такъ хорошо, послѣ жизни въ домѣ Кавериной. Грустны были только воспоминанія прошлаго, печально смотрѣла комната Ольги, всегда убранная чисто и просто, по прежнему. Теперь только Анна вполнѣ оцѣнила свою жизнь въ молодости, жизнь безъ малѣйшаго облачка, и когда все представлялось такъ свѣтло впереди! И теперь на хуторѣ жилось мирно и безопасно; Анну мучила только мысль о мужѣ, который каждую минуту подвергался опасности пасть отъ первой налетѣвшей пули;—а если бы ему и посчастливилось вернуться живымъ, то онъ могъ вернуться искалѣченнымъ! Вотъ отчего бывали и на хуторѣ сержанта мрачные дни, въ ожиданіи почты и вѣстей съ поля битвы.

Послѣ того, какъ была объявлена война Прус-

сіи, „въ защиту королевы Венгеро-Богемской,“ какъ сказано было въ Конвенціи—войска русскія выступили за границу. Въ началѣ походъ былъ медленъ. Только въ Іюнѣ часть арміи, подъ начальствомъ Фермора осадила и взяла Мемель. Къ сожалѣнію полки казаковъ, Казанскихъ татаръ и калмыковъ, производили опустошенія въ странѣ; сжигая жилье, они грабили имущество, и скоро русской арміи самой-же трудно было найти помѣщеніе или провіантъ. Но не смотря на эти отдѣльныя затрудненія, война велась необыкновенно удачно и съ блистательными побѣдами. Въ Августѣ, Апраксинъ начальствовавшій другою половиною арміи, прислалъ въ Петербургъ донесеніе о славной битвѣ 19 Августа при Егерсдорфѣ, окончившейся совершеннымъ пораженіемъ Прусской арміи.

Общая радость привѣтствовала въ Петербургѣ первую блистательную побѣду надъ талантливымъ полководцемъ и знаменитымъ королемъ Прусскимъ, Фридрихомъ Великимъ! Побѣда эта праздновалась многими пышными празднествами. Въ обществѣ ходили рукописныя копіи съ донесенія фельдмаршала о счастливой битвѣ; донесеніе это весьма интересно по своему изложенію, представляя образецъ писемъ и донесеній того времени. *) Въ письмѣ фельдмаршала Апракси-

*) Копію съ этого интереснаго письма фельдмаршала, можно прочесть въ Мемуарахъ Василія Александровича Нащекина, изд. 1842 года

на, послѣ описанія происшествій этого дня,— слѣдуетъ перечисленіе убитыхъ, съ похвалами храбрости арміи и генераловъ: между именами убитыхъ, стояло имя генерала Глыбина, „окончившаго жизнь свою съ храбростію“. Много еще именъ упомянуто было въ письмѣ этомъ, съ похвалами храбрости ихъ до конца, и оказанной ими помощи передъ кончиною. Много семействъ прочли въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ газетахъ, имена дорогихъ и близкихъ имъ людей, лежавшихъ убитыми на поляхъ Егерсдорфской битвы. Въ числѣ этихъ семействъ и Анна въ принесенной ей газетѣ, нашла нежданно—извѣстіе о геройской кончинѣ своего мужа, генерала Глыбина.

Она громко вскрикнула, и безъ чувствъ упала на полъ. На крикъ ея прибѣжали домашніе, не зная чѣмъ объяснить ея обморокъ, пока не замѣтили въ рукахъ маленькой Лизы газеты, которою она играла, сидя на полу подлѣ матери.

— Газета!.. сказала Афимья Тимофѣевна, угадывая въ чемъ дѣло, и передавая газету сержанту, который черезъ минуту нашелъ имя Глыбина въ числѣ убитыхъ.

— Ударъ за ударомъ!—тихо сказалъ онъ, опускаясь на стулъ, и закрывъ лице руками. Долго оставался онъ въ такомъ положеніи, пока приводили въ чувства Анну. Она приходила въ себя, но вспоминая полученную вѣсть—снова вскри-

кивала и впадала въ безчувственное состояніе. Ее вынесли на терассу въ садъ, куда понесли за нею маленькую Лизу, громко плакавшую отъ испуга, среди общей суэты и возгласовъ Афимьи Тимофеевны. Плачъ ребенка привелъ Анну въ сознанье, и забота о Лизѣ помогла ей осилить первый натискъ горя.

— Господи! Да будетъ воля твоя!—проговорилъ подошедшій къ ней отецъ, обнимая дочь. Слезы лились у обоихъ; свободно изливалось ихъ страданье.

Глава XI.

Время двигалось, уходили годы, и незамѣтно мѣнялись и люди; слабѣло старое поколѣніе, а молодое готовилось смѣнить его. И старики постепенно мѣнялись внутренно: незамѣтно измѣнялись ихъ привычки и взгляды. Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ памятный для Яковлева день, онъ получилъ извѣстіе о Малашѣ. Теперь онъ получилъ еще одно письмо для передачи въ Смольный монастырь послушницѣ Ольгѣ. Онъ узналъ на пакетѣ руку ея отца, его стараго знакомаго, и постарался какъ можно скорѣе исполнить порученіе. Стефанъ не забылъ стараго сержанта и пролетѣвшіе годы не измѣ-

пили его участія къ семьѣ его, разсыпавшейся въ разныя стороны. Стефанъ надѣялся увидѣть еще когда-нибудь старика Харитонова. Онъ передалъ письмо въ монастырь; но какія вѣсти принесло оно послушницѣ Ольгѣ,—это осталось для него неизвѣстно. Между тѣмъ вѣсти эти были очень значительны для Ольги, и могли бы совершить поворотъ въ судьбѣ ея, еслибы она не была такъ сильно проникнута религіознымъ духомъ. Стефанъ Яковлевъ не зналъ, что въ пакетѣ отъ отца къ Ольгѣ, пересылалось ей письмо отъ Сильвестра. Это осталось тайной для всѣхъ, кромѣ сержанта, получившаго и отвѣтъ Ольги для передачи Сильвестру, который вышелъ изъ монастыря, находя себя неспособнымъ къ этому призванію. Послѣ кончины больного ректора Кіевской Академіи, уже некому было поддерживать Сильвестра; религіозное чувство его не ослабѣло, но онъ впадалъ въ меланхолію и сомнѣнія на счетъ своего призванія. Такое состояніе духа быстро подкашивало его физическія силы, уже ослабленныя строгою монастырской жизнію. Уже всѣ начали забывать Сильвестра, никто не прославлялъ его талантовъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ кельѣ, и ни чѣмъ не заявлялъ своей умственной жизни, посвятивъ себя испытаніямъ послушника. Но вдругъ стали расходиться слухи, о томъ что Сильвестръ оставилъ монастырь и снявъ клобукъ, снова посвящаетъ себя научнымъ

занятіямъ. Слухи оправдывались, и многіе радовались, что оживутъ его таланты на пользу общества. Другіе видѣли нѣчто недостойное въ этимъ отреченьи, и говорили что онъ не вынесъ борьбы; но не было никакихъ данныхъ, чтобъ признать справедливыми такіе толки. Объясненіемъ могло-бы служить письмо Сильвестра къ Ольгѣ, но никто никогда ничего не узналъ о немъ,— кромѣ самой Ольги. Она получила его черезъ свою келейницу, которая всегда передавала ей письма. Ольга только что вернулась въ свою келью отъ всенощной, проникнутая глубокимъ спокойствіемъ, и блаженнымъ состояніемъ безчувствія относительно всего земнаго. Горній міръ владѣлъ ея чувствами и мыслями, и слава небесъ затмевала темную земную жизнь, и все преходящее. Взявъ письмо, она равнодушно положила его на столѣ передъ собою и опустилась на стулъ, единственный въ ея кельѣ; подлѣ него была длинная дубовая лавка, покрытая грубымъ ковромъ, съ подушкой въ изголовьѣ; она служила постелью Ольгѣ. Въ углу близъ лавки висѣла лампадка у образа. Сидя у стола, Ольга смотрѣла на свѣтъ лампады, свѣтъ которой поддерживалъ въ ней то мирное настроеніе, котораго она искала, какъ предвозвѣстія небеснаго блаженства! Всѣ привычки Ольги были также тверды, какъ ея вѣра. Въ привычкахъ ее было также правило: никогда не распечатывать тот-

часъ-же, полученное письмо. Она думала и въ этотъ разъ не распечатывать письмо до утра, чтобы не нарушить своего душевнаго настроенія, и не перейти къ чтенію суетныхъ мыслей,—если письмо было отъ Анны. Но она считала обязанностію помогать страждущимъ, на пакетѣ былъ почеркъ отца ея,—быть можетъ онъ нуждался въ ея помощи? Съ этой мыслію она взяла пакетъ, и сломила печать. Изъ пакета она вынула большой листъ тонкой бумаги мелко исписанный,—это не былъ почеркъ отца. Что-же это?.. подумала она, приближаясь съ письмомъ къ лампадѣ. При свѣтѣ лампады въ глаза блеснули ей тонкія, красивыя буквы; онѣ, казалось, — заговорили, какъ живыя, и сказали ей такъ много, значеніе сказаннаго было такъ сильно, что жалоба со стономъ вырвалась изъ устъ ея: «ты Боже видишь!» — прошептала она, обратясь къ образу: «что должна я противуставить безумію этого суэтнаго міра!» Но минуту спустя, гнѣвъ успокоился; гнѣвъ также не угоденъ Богу; она одумалась: можетъ быть письмо это должно было дойти до нея, какъ обращеніе къ ней страждущей души, и она прочтетъ письмо это, какъ читаетъ письмо каждаго пишущаго къ ней. Она сѣла, и при свѣтѣ лампады, прочла исповѣдь Сильвестра:

„Примите исповѣдь мою, сестра Ольга, и примите рѣшеніе, какое пошлетъ вамъ Господь! Простите мнѣ мои старыя ошибки, и мое новое

намѣреніе, если оно недостойнымъ васъ покажется вамъ! Все въ немъ будетъ истинно, по разумѣнію моему, свыше разумѣнія никто же не можетъ требовать. Выслушайте же безъ гнѣва. Я отдалъ въ жертву небу свою молодость, свое влеченье къ тайнамъ науки, я жертвовалъ своею и чужою судьбою, но жертва моя не была принята! Она была не угодна небесамъ! Напрасно чувство влекло меня къ лучшему міру, мой разумъ противорѣчилъ чувству, и не могъ угомониться! Въ тиши монастыря, передъ лицомъ природы, въ памяти моей возникали всѣ противорѣчащія ученія, и съ враждебною силой, подняла во мнѣ сомнѣнія. Отсутствіе живой дѣятельности томило меня болѣе лишеній тѣлесныхъ. Время не облегчало меня и я видѣлъ нескончаемый разладъ душевный въ будущемъ. Я не утаилъ моихъ сомнѣній въ себѣ передъ настоятелемъ монастыря, и онъ поступилъ со мною по справедливости, хотя негодовалъ на мое отступничество. Онъ заявилъ, что Господь не желаетъ жертвы насильственной, и далъ мнѣ разрѣшеніе: оставить монастырь, не оглашая мое выступленіе. Чтобы примирить меня съ совѣстію, онъ указалъ мнѣ неустанный трудъ и помощь нуждающимся. Я вышелъ изъ монастыря и цѣлый годъ провелъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ умственныхъ, посвятилъ себя наукѣ. Я рѣшилъ судьбу мою безъ постороннихъ вліяній, по собственному убѣжде-

нію,—на всегда, и готовлюсь къ труду преподавателя. Теперь считаю долгомъ извѣстить васъ о моемъ освобожденіи черезъ вашего отца. Отецъ вашъ былъ моимъ покровителемъ въ юности, я въ долгу передъ нимъ. Мое близкое отношеніе къ семейству его привело васъ на путь отреченія; я далъ вамъ когда-то обѣтъ: прійти къ вамъ на помощь, и нынѣ почту себя счастливымъ обѣтъ сей выполнить! И въ мірѣ есть спасеніе въ трудахъ непрестанныхъ на пользу ближнихъ; послѣ долгаго страданья и раскаянія обращаюсь къ вамъ: оставьте свое отшельничество и примите руку мою! вдвоемъ, работая надъ умственнымъ развитіемъ ближнихъ, мы на другомъ пути приблизимся къ Богу. Не лицемѣрно открываю вамъ душу мою, не ради земного счастія только, зову васъ на путь этотъ, но ради открывшейся мнѣ истины! Выходите изъ вашего уединенія искать Бога посреди живыхъ созданій его! Молю Бога вразумить васъ, и жду вашего послѣдняго слова.

Сильвестръ“.

Ольга прочла всю исповѣдь Сильвестра, не разъ вздрагивая отъ удивленія и негодованія. Прошло столько лѣтъ, и онъ оставался тѣмъ-же не зрѣлымъ существомъ, казалось ей! Не цѣльнымъ, не конченнымъ! Ей ли оставить блаженство пріобрѣтеннаго душевнаго покоя, для скитанія въ мірѣ, и съ кѣмъ? Съ человѣкомъ невѣ-

дающимъ пути своего! Если начало исповѣди внушало ей сострадачіе къ борьбѣ человѣка, то конецъ ея отвергла она, какъ внушенія темнаго и неразумнаго мечтанія. Она прочла его холодно и негодуя. Свернувъ письмо вмѣстѣ съ пакетомъ, положила она его за образъ, чтобы оттуда получить отвѣтъ кроткій на эту исповѣдь слабой души, и блуждающаго ума. Она никогда не сомнѣвалась и никогда не раскаявалась!—Нѣсколько времени сидѣла она въ раздумьѣ о заблужденіяхъ людей, и съ молитвой о ихъ спасеніи. Послѣ молитвы она легла на свою жесткую постель, не раздѣваясь. Все было тихо вокругъ. Свѣтъ лампады освѣщалъ блѣдно, маленькую келью, онъ падалъ на блѣдное лице послушницы, полное гордаго покоя. Прошло нѣсколько дней, Ольга попрежнему ревностно исполняла свои обязанности, только выраженіе гнѣва на ея лицѣ, появлявшееся порою, изумляло сестеръ монахинь. Наконецъ она сожгла на лампадѣ письмо Сильвестра, и рѣшилась послать ему отвѣтъ черезъ отца своего, не дѣлая гласнымъ его безумнаго обращенія къ ней, чтобы не навлечь на него преслѣдованій. Она была другимъ, обновленнымъ существомъ, давно забывшемъ прошлое.

Отвѣтъ ея былъ такого содержанія:

„Исповѣдь брата Сильвестра получена, и прочтена мною. Не осуждаю его и молю Бога: да не

взыщетъ на немъ заблужденій его! Господь принялъ меня въ число служителей его, и далъ мнѣ прозрѣть въ царствіе свое: Онъ уже положилъ преграду между мною и суэтнымъ міромъ, и я не преступлю ея—во вѣки! Да пошлетъ Онъ вамъ свое благословеніе, и да укрѣпитъ шаги слабыхъ на пути къ нему, являя имъ величіе свое. Да не лишитъ Онъ заблудшихся—покоя душевнаго, и блаженства будущей жизни.

Сестра Ольга".

Сильвестръ получилъ это посланіе Ольги, на хуторѣ отца ея, гдѣ онъ жилъ, ожидая ея отвѣта. Письмо ея было передано Сильвестру сержантомъ, отцомъ Ольги; отецъ не зналъ содержанія этихъ писемъ, но грустно смотрѣлъ на пакеты, увѣренный: что ничего радостнаго для него изъ этой переписки не послѣдуетъ. Сильвестръ простился съ нимъ, и въ ночь отправился съ хутора въ дорогу. Онъ шелъ пѣшкомъ всю ночь, съ тоскою на сердцѣ, слѣдя за звѣздами, которыя совершали путь свой, подымались въ небѣ и снова спускались, закатываясь за горизонтомъ. Онъ старался успокоить свою совѣсть мыслію, что у Ольги не было раскаянія въ принесенной жертвѣ, и на душѣ ея свѣтло и тихо, какъ на раскинувшемся надъ нимъ, сводѣ небесномъ, освѣщенномъ славою созданныхъ Господомъ міровъ!—Ходьба утомила его, къ утру похолоднѣ-

ло, и онъ просилъ пустить его отдохнуть, въ первой попавшейся избѣ. На слѣдующій день онъ продолжалъ свое путешествіе, исполненное всякихъ трудностей и лишеній, направляясь по дорогѣ въ Москву, гдѣ цѣлью его было, пристроиться преподавателемъ при Заиконо-Спасской академіи.

Таковы были письма переданныя Стефаномъ Яковлевымъ, и онъ не узналъ о томъ, что происходило вслѣдствіе этихъ писемъ. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, которыя онъ счастливо прожилъ въ Петербургѣ, играя уже на публичномъ театрѣ, учрежденномъ тамъ. На сценѣ публичнаго театра, начинали появляться актрисы, и женскія роли не всѣ уже исполнялись мужчинами, какъ это дѣлалось прежде. Стефанъ убѣждалъ жену свою, Малашу, поступить на сцену; это удалось ему послѣ долгихъ упорныхъ трудовъ. Ей трудно было выучиться читать, и особенно читать роли переписанныя; поэтому Яковлевъ всегда долженъ былъ помогать ей учить роли; наконецъ онъ былъ вознагражденъ ея удачною игрою въ нѣкоторыхъ роляхъ. Но неболѣе года пробыла на сценѣ жена Яковлева. Было-ли это вліяніе климата, или возбужденное состояніе нервъ вслѣдствіе разнообразныхъ перемѣнъ въ ея жизни, и умственной работы на сценѣ,— только у ней возвратились болѣзненные припадки страха и слабости. Она впадала въ такое со-

стоянiе иногда на цѣлыя недѣли, и должна была оставить сцену. Яковлевъ перешолъ на Московскiй театръ, недавно открытый, подъ управленiемъ Сумарокова, который и принялъ его охотно. Въ Москвѣ Стефанъ Яковлевъ надѣялся при лучшемъ климатѣ и покойной жизни возстановить здоровье жены. Не безъ сожалѣнiя покинулъ онъ Петербургъ, гдѣ получилъ окончательное образованiе, и гдѣ упрочилась за нимъ слава артиста; жаль было покинуть знакомыхъ, домъ Ломоносова, и учениковъ академiи, съ которымъ дѣлился умственными интересами. Ломоносова онъ считалъ образцомъ хорошаго человѣка, и дѣятельнаго ученаго, который работалъ въ разнообразныхъ сферахъ науки, и велъ борьбу за просвѣщенiе русскаго человѣка. Уже появилась его грамматика, статьи по русской исторiи, и по изученiю естественныхъ наукъ. Онъ вырабатывалъ и шлифовалъ русскую рѣчь, по знакомымъ образцамъ языковъ древнихъ,—и по образцамъ народныхъ былинъ. Появились уже новые писатели, и новые пьесы для сцены, и стихи Сумарокова уже казались тяжелы, рѣчь его не ясна, сравнительно съ новѣйшей конструкцiей рѣчи молодыхъ талантовъ, только что появлявшихся. Оглядываясь назадъ и сравнивая, Стефанъ Яковлевъ видѣлъ съ отраднымъ чувствомъ, какъ преобразовывалась родина: открывались

театры, гимназіи, и университетъ. Зараждалась новая жизнь, и возможность образованія.

Послѣ переѣзда въ Москву, жена Стефана поздоровѣла на время, но вслѣдъ за тѣмъ болѣзнь ея усилилась. Она признавалась Стефану, что вѣкъ не проститъ себѣ, что поступила на сцену; что всѣ считаютъ за грѣхъ переряживаться и представлять изъ себя Богъ знаетъ какія лица! „Грѣхъ и тебѣ быть актеромъ,—говорила она,—и не погибла-бы, еще, душа твоя, отъ такого занятія!“ Стефанъ не могъ побѣдить въ ней предразсудковъ, тѣмъ болѣе, что это было общее народное возрѣніе въ то время! Все это мучило и тревожило ее сильнѣе, подъ вліяніемъ болѣзни. У нея начались галюцинаціи; она то защищалась противъ людей бросавшихъ ее въ Волгу, то видѣла она скачущихъ башкировъ, или прогоняла калмыка, дарившаго ей отрубленное ухо перваго ея мужа. Она видимо таяла, болѣзнь длилась не долго, и черезъ нѣсколько недѣль ея не стало! Яковлевъ потерялъ въ ней все, что называлъ своимъ, единственное родное ему лице вполнѣ любившее его! Онъ чувствовалъ себя осиротѣлымъ и разбитымъ, и началъ охладѣвать къ театру.

Между тѣмъ наступалъ конецъ знаменательнаго 1761 года, принесшій много бѣдъ Россіи. Продолжительная война съ Пруссіею томила общество. Блистательныя побѣды,—смѣнились необъясни-

мыми неудачами: носились слухи, что Фридрихъ Великій умѣлъ составить себѣ дружескую партію въ Россіи и подъ вліяніемъ ея остановились русскія войска, и отступали послѣ всѣхъ побѣдъ! Все это подкашивало здоровье императрицы Елисаветы, и безъ того измѣнявшее ей. Приняты были новыя мѣры для поправленія дѣлъ: послѣдовала перемѣна фельдмаршаловъ, отозванъ былъ Апраксинъ, возникли процессы, вслѣдствіе подозрѣнія въ покровительствѣ королю Прусскому и удаленъ былъ отъ двора всесильный до того времени канцлеръ Бестужевъ. Нельзя было вознаградить понесенныя потери въ войскахъ и денежныхъ тратахъ, но слава русскаго оружія снова поднялась.

Всѣми любимой русской императрицѣ Елисаветѣ не суждено было радоваться новымъ побѣдамъ, въ декабрѣ 1761-го года, привычное веселье смѣнилось въ Петербургѣ глубокимъ трауромъ: Елисавета скончалась, послѣ двадцатилѣтняго царствованія, въ продолженіи котораго Россія забыла прежнія невзгоды, и привыкла къ другой жизни. Всѣ чувствовали себя осиротѣлыми, будущее снова одѣлось туманомъ, — въ настоящемъ слышался общій плачъ!

По случаю траура на цѣлый годъ закрыты были театры. Яковлевъ тосковалъ безъ занятій, и пробовалъ поступить въ преподаватели при Московской академіи наукъ; для этого онъ искалъ

знакомства съ профессорами академіи. Когда Яковлевъ въ первый разъ отыскивалъ зданіе академіи, ему указали: Спасскую школу, — какъ называли ее жители Москвы, на своемъ ежедневномъ нарѣчіи. Она помѣщалась при Спасскомъ монастырѣ, и существовала со временъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Никому неизвѣстный въ монастырѣ, Стефанъ пришелъ и назвалъ свое прежнее имя Барановскаго; онъ просилъ настоятеля указать ему кого нибудь изъ преподавателей академіи, у котораго онъ могъ-бы найти поддержку. Настоятель посовѣтовалъ ему обратиться къ преподавателю Греческаго языка, всегда готовому оказать помощь нуждающемуся, и указалъ ему квартиру. Стефанъ взошелъ по небольшому кирпичному крыльцу въ сѣни и постучался въ дверь скромнаго жилища профессора. Удивленіе его было также велико, какъ неожиданна была встрѣча,—когда на порогѣ двери показался передъ нимъ Сильвестръ Яновскій! Стефанъ отступилъ на нѣсколько шаговъ; имъ овладѣло странное чувство робости. Сильвестръ стоялъ спокойно, всматриваясь въ Стефана:

— Вы-ли это, Стефанъ? спросилъ онъ кротко и просто, и въ звукѣ его голоса Стефану послышалось, что-то примиряющее.

— Если позволите потревожить, у меня есть просьба... началъ Стефанъ, обращаясь къ Сильвестру, какъ къ чуждой ему личности.

— Войдите,—сказалъ Сильвестръ,—если вы не совсѣмъ забыли стараго товарища то повѣрите, что ему пріятно будетъ исполнить вашу просьбу!

Сильвестръ смотрѣлъ открыто, искренній и печальный тонъ его, затрогивалъ старыя воспоминанія Стефана; но онъ сдерживалъ себя недовѣрчиво! Перемѣна въ наружности Сильвестра также его тронула; Сильвестръ казался болѣзненъ, и кости высокаго лба обрисовывались еще рѣзче прежняго; только голубые глаза свѣтились по прежнему, привлекательно, они выкупали и впалыя щеки и рѣденькую, рыжеватую бородку.

— И вы перемѣнились Стефанъ, — сказалъ Сильвестръ вглядѣвшись, и съ участіемъ стараго знакомаго.

— Я перенесъ большое горе: я былъ женатъ, и овдовѣлъ...

Сильвестръ подошелъ къ нему еще ближе, нерѣшительно протягивая руку;—Стефанъ не выдержалъ, и съ прежней горячностію обнялъ Сильвестра. Оба они прослезились, потомъ съ улыбкой всматривались другъ въ друга.

Когда старые знакомые сидѣли уже въ пріемной комнатѣ Сильвестра, и передавали другъ другу впечатлѣніе неожиданной встрѣчи,—изъ сосѣдней комнаты выглянула молодая, миловидная женщина.

— Я вѣдь женатъ, — сказалъ Сильвестръ,—

жену мою зовутъ Ольгой,—прибавилъ онъ:— Она дочь небогатаго священника. Что-же касается... Ольги, дочери сержанта Харитонова,—заговорилъ онъ отрывисто и потупясь, то она приняла постриженіе, и назначена будетъ игуменьей монастыря въ Новгородѣ. Это знаю я... отъ сержанта Харитонова... Останьтесь у меня Стефанъ! Мы выпьемъ чаю вмѣстѣ, поговоримъ; потомъ пойдемъ на мою обыкновенную вечернюю прогулку.

Стефанъ принялъ предложеніе охотно. За чаемъ, которымъ угощала его жена Сильвестра, Стефанъ замѣтилъ, что она относится къ мужу тепло и съ уваженіемъ; Сильвестръ обращался къ ней, какъ къ умному ребенку, и старался объяснить ей, если въ разговорахъ встрѣчалось что нибудь не понятное для нея. Послѣ долгой бесѣды за чаемъ, старые знакомые вышли вмѣстѣ на прогулку. Сильвестръ повелъ Стефана къ набережной Москвы рѣки, они любовались на виды Москвы, хотя еще далеко не такіе великолѣпные, какими они являются въ наше время. Когда они перешли, послѣ, въ небольшой садъ около Кремля и сѣли на одной изъ скамеекъ стоявшихъ тамъ,—Сильвестръ разсказалъ Стефану о своей перепискѣ съ Ольгой, и о полученномъ отъ нея отвѣтѣ.

— Это была высокая душа,—сказалъ онъ: и разъ возродившееся въ ней чувство не знало

уже границъ; всего справедливѣй было обратить такое чувство на существо высшее и совершенное,—она сознавала это, и потому такъ поступила!

Оба замолкли на минуту послѣ разсказа Сильвестра и задумались.

— Посмотрите!—сказалъ Сильвестръ, указывая на заходящее надъ Москвою солнце, на блѣдно-розовое освѣщеніе церквей и домовъ, и на протянувшіяся полосы зори:

— Вотъ и вечерняя зоря наша!..

— Да! Жизнь промелькнула, скоро!—отвѣтилъ Стефанъ, понявъ что Сильвестръ вспомнилъ о ихъ первомъ путешествіи на хуторъ, раннимъ утромъ.

Съ этого дня Стефанъ часто приходилъ къ Сильвестру, и находилъ въ немъ поддержку въ своемъ горѣ, Сильвестръ, наконецъ, нашелъ себѣ удовлетворившую его дѣятельность, и душевный покой; его натура окончательно опредѣлилась. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей академіи по своимъ знаніямъ, и отличался самымъ теплымъ участіемъ къ ученикамъ. Часто вспоминали они съ Стефаномъ о томъ, что они пережили вмѣстѣ, о ихъ времени, и о томъ, на что можно было надѣяться впереди. Они надѣялись на зараждавшееся развитіе русскаго общества, и старались внести свою лепту труда на этомъ поприщѣ. Это было стремленіемъ всѣхъ

развитыхъ личностей того времени, которое нуждалось въ дѣятеляхъ на поприщѣ научномъ,—и находило много людей, неутомимо работавшихъ въ тиши надъ почвою будущаго; задачи ихъ были ясны, и труды плодотворны.

Стефану Барановскому не удалось причислиться къ преподавателямъ Московской академіи. Ему совѣтовали ѣхать въ Кіевъ. Тамъ не знали его какъ актера Яковлева,—онъ могъ по прежнему называться Стефаномъ Барановскимъ, и найти поддержку въ старыхъ знакомыхъ, знавшихъ его еще даровитымъ ученикомъ. Такимъ образомъ онъ снова появился въ Кіевѣ, и въ академіи,—изъ которой исчезъ такъ таинственно!

При Кіевской академіи онъ не нашелъ почти никого изъ старыхъ знакомыхъ. Стефана Барановскаго приняли какъ преподавателя по рекомендаціи Сильвестра; всѣ знали также, что онъ былъ лѣтъ десять тому назадъ, ученикомъ Кіевской академіи; но никто ничего не зналъ, о дальнѣйшей его карьерѣ. Онъ поступилъ въ преподаватели академіи и таланты его снова доставили ему славу хорошаго преподавателя, и званіе ученаго профессора.

—

Весною 1762 года, когда кончились зимнія занятія при академіи, Стефанъ развѣдалъ о сержантѣ Харитоновѣ. Онъ узналъ, что сержантъ все еще жилъ на своемъ хуторѣ около Кіева, съ

дочерью Анной, бывшей замужемъ за генераломъ Глыбинымъ, и съ маленькою внучкой, дочерью генеральши. Барановскій давно зналъ о смерти генерала Глыбина, но не ожидалъ, чтобы овдо-вѣвшая Анна осталась жить съ отцомъ, и выносила тихую жизнь на хуторѣ, послѣ всѣхъ ея прежнихъ привычекъ. Хуторъ Харитонова снова манилъ къ себѣ Стефана Барановскаго,—и не даромъ! Онъ не только встрѣтилъ радушный пріемъ отъ старика сержанта, но и Анна встрѣтила его, какъ стараго друга. Въ ней не было уже прежней суэтности и гордости, а всегдашнее добродушіе выступило въ ней теперь гораздо замѣтнѣе. Анна была уже на десять лѣтъ старше со времени ихъ перваго знакомства; она потеряла стройность молодой дѣвушки, пополнѣла, какъ обыкновенно полнѣютъ съ годами, и походка сдѣлалась медленнѣе и тяжелѣе. Но лицо ея выиграло въ глазахъ Стефана. Черные глаза ея смотрѣли кротко и грустно, въ улыбкѣ не было насмѣшки. Жизнь утомила ее, но не охладила къ близкимъ ей. Къ Стефану всѣ въ домѣ относились тепло; даже маленькая Лиза заявила: „что узнала его,“ хотя онъ видѣлъ ее впервые въ жизни. Анна относилась къ Стефану съ трогательнымъ радушіемъ и окружала его попеченіями и заботливостію.

— Вы мой единственный старый другъ, говаривала она: одинъ сохранившійся у насъ!

Стефанъ по прежнему проживалъ на хуторѣ по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда проводилъ всѣ лѣтніе мѣсяцы. Онъ увѣрился, что Анна была горячо расположена къ нему и не откажется називаться его женою, и утѣшить его въ одинокой жизни.

— Не правда ли, Анна? спросилъ онъ ее, однажды: вы не откажете мнѣ,—если я посватаюсь?..

— Да!—отвѣтила Анна чистосердечно: вы угадали давно, что я не откажу вамъ,—мы старые друзья! Я нахожу, что бракъ этотъ возможенъ,—если вы получите бригадира!

Стефана обдало холодною водою; Анна не думала шутить; было даже что-то трогательное въ звукахъ ея голоса!

— Вы не настолько перемѣнились, какъ мнѣ было показалось, Анна! проговорилъ Стефанъ, ошеломленый.

— Не сердитесь! Что стоитъ вамъ подождать немного; такъ вѣдь и всѣ дѣлаютъ, нельзя-же!—увѣряла Анна.

— Еще Богъ, знаетъ, получу-ли я когда нибудь Бригадира?—замѣтилъ Стефанъ съ грустною улыбкой: или, пожалуй, къ тому времени и дочь ваша будетъ невѣстой!

Въ такомъ положеніи были дѣла Стефана, но они уладились вмѣшательствомъ стараго сержан-

та. Онъ ухватился за мысль о бракѣ Стефана съ Анной, какъ за послѣднюю радость въ жизни. Въ окрестности даже распространились слухи, что сержантъ Харитоновъ насильно выдалъ дочь свою за профессора Барановскаго, и живетъ съ ними въ ихъ домѣ въ Кіевѣ.

